

О. Квирквелия

ИСТОРИЯ И МЕТОДЫ ЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Введение

ИСТОРИЯ: НАУКА ПОНИМАЮЩАЯ ИЛИ ОБЪЯСНЯЮЩАЯ?

Осознание специфики гуманитарной науки и ее методов, как известно, относится к к. XIX - н. XX вв. В неокантианской школе формулируется тезис, что "науки о культуре" изучают индивидуальные явления, а "науки о природе" - общие законы. М. Вебер писал: "Для естественных наук важность и ценность "законов" прямо пропорциональна степени их общезначимости; для познания исторических явлений в их конкретных условиях наиболее общие законы, в наибольшей степени лишенные содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность... В науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое..." (1). Правда, при этом он отмечает, что в области наук о культуре познание общего, образование абстрактных родовых понятий и знание правил, попытки формулировать "закономерные" связи вообще не имеют научного оправдания, но они - не цель, а средство познания.

И вот уже около столетия идет дискуссия о том, что такое история - наука или искусство? А ежели наука, то какая - номотетическая или идеографическая? А если все же номотетическая, то в чем конкретно это проявляется? Дискуссия идет, не теряя своих остроты и интереса, то затихая, подавленная успехами внедрения естественнонаучных и математических методов в исторические исследования, то вновь возвышая голос, когда выясняется, что эти успехи явно преувеличены. Мне не хотелось бы вникать глубоко в эту проблему - ей посвящено достаточно много литературы, особенно философской. (2)

Здесь самое время обратить внимание на одну немаловажную деталь: соотношение понятий "гуманитарные науки", "общественные науки" и "историческая наука". Казалось бы, все ясно: историческая наука является частью области общественных наук, которая, в свою очередь, есть часть сферы наук гуманитарных. Однако это понимание не является общепринятым - иногда имплицитно, а иногда и вполне осознанно в общем комплексе наук выделяется три области - естественнонаучная, изучающая природные объекты; общественная, изучающая социумы, и гуманитарная, ориентированная на познание конкретного человека.

Отмечу, что общественные науки почти никогда не противопоставляются естественным (в отличие от гуманитарных).

Это может быть связано как с тем, что гуманитарные науки понимаются как включающие в себя общественные, так и с тем, что они воспринимаются как отличающиеся от общественных наук объектом и предметом исследования. Первая позиция достаточно ясна - отсутствие противопоставления общественных и естественных наук диктуется требованием корректности - в данном случае могло бы иметь место противопоставление общественных и, к примеру, физических наук. Вторая позиция понятна в следующем контексте: обществоведение изучает закономерности развития общества, а наука, ориентированная на исследование закономерностей, уже по определению является номотетической. Что же касается наук об отдельном человеке, то там, вроде бы, такой жесткой ориентации нет. Отсюда и возможность противопоставления.

Но посмотрим на ситуацию в реальном составе исследования в той или иной науке, в данном случае - в истории. Здесь - и это очевидно - встречаются, причем в более или менее равном соотношении, работы как обществоведческого, так и гуманитарного (в узком смысле слова) характера. Дабы не быть голословной, приведу примеры гуманитарного исторического исследования серию работ Р. Г. Скрынникова: "Иван Грозный" (М., 1980), "Григорий Отрепьев" (Новосибирск, 1987) - и его же серию общественных исторических исследований - "Россия после опричнины" (Л-д, 1975), "Россия накануне Смутного времени" (М., 1985), "Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в." (Л-д, 1985).

Однако и в литературоведении - науке, относимой к гуманитарной (в узком смысле) области, - ситуация столь же неоднозначна: существуют работы как посвященные анализу творчества одного автора, так и изучающие закономерности развития литературы в целом. А из этого следует любопытное предположение: гуманитарные в узком смысле слова и общественные науки различаются не по предмету, а по объекту исследования. Иначе говоря, гуманитарные науки направлены на изучение субъектов деятельности, а общественные - на саму деятельность без персонификации субъектов. Но предмет - человечество - у них общий.

Впрочем, возможен и такой принцип различения гуманитарных и общественных наук - по степени объективности существования объекта исследования за пределами соответствующей науки.

Что же касается применения точных наук в истории, то отметим следующий момент. Современный математический аппарат, как правило, недостаточно гибок и тонок для решения сложных, многофакторных исторических задач. В то же время зачастую в исторической науке отсутствуют или слабо разработаны понятия, в рамках которых можно было бы интерпретировать результаты

применения математических методов. А из этих двух обстоятельств вытекает и третье - действительно, механическое перенесение в историческое исследование методов анализа, разработанных в других науках для решения принципиально иных, с точки зрения методологии, задач, неперспективно. Однако, оказываясь неэффективными или малоэффективными в плане получения конкретно-исторических результатов, математические методы играют огромную роль в стимулировании внимания историков к методологическим проблемам, необходимость решения которых становится таким образом очевидной.

Данная работа представляет собой попытку выявить в конкретно-исторических исследованиях реально существующие методологические проблемы и имплицитно присутствующие методологические же ориентации и соотнести их с имеющимися теоретическими построениями.

В первой главе рассматривается современная ситуация в области применения математических методов в исторических исследованиях и анализируются причины их малой эффективности, сводящейся, в основном, к отсутствию четкого определения "единиц счета". Как выясняется, наиболее удачные случаи применения математических методов в исторических исследованиях связаны с использованием в качестве "единиц счета" элементарного исторического события. Поэтому во второй главе анализируется его соотношение с понятием "исторический факт". С другой стороны, применение математических методов всегда ориентировано на выявление закономерностей, что привело к появлению в той же главе второго параграфа - обзора понимания сути конкретно-исторических закономерностей историками.

Однако изучение рефлексии историков показывает, что здесь утверждение "что как понимается, то тем и является" абсолютно не работает. По всей вероятности, история и физика все же имеют что-то общее, поскольку следующее высказывание А. Эйнштейна: "Если вы хотите узнать у физиков-теоретиков что-нибудь о методах, которыми они работают, я советую вам твердо придерживаться следующего принципа: не слушайте, что они говорят, а лучше изучайте их работы" (3) - вполне применимо и к историкам. Поэтому в третьей главе изучается практическое использование "единиц счета" и поиск конкретно-исторических закономерностей в реальных исследованиях.

В четвертой главе рассматривается вопрос о существовании какой-либо теории, более или менее адекватно соотносящейся с практикой исторического исследования. В качестве претендентов на звание таковой анализируются теория традиций, теория преемственности, концепция социальной памяти и теория социальных эстафет.

Однако тут с неизбежностью встает вопрос: если историки безо всякой теории получают результаты, адекватные какой-либо из них, то что им дает овладение ею? Иначе говоря, зачем знать теорию, если от этого не изменяется ни ход исследования, ни его конкретные результаты? Поэтому во второй части работы делается попытка ответить на этот вопрос, проиллюстрировав теоретические построения собственными авторскими конкретно-историческими разработками.

Впрочем, если бы основной задачей данной работы был поиск адекватной теории, не имело бы смысла, по всей вероятности, проводить столь обширное исследование. Меня же привлекала более прагматическая задача.

Дело в том, что покоряющая гуманитариев изысканная строгость структуры естественнонаучной области знания базируется, в первую очередь, на иерархии, в основе которой лежит степень сложность объектов изучения. При этом любой более высокий уровень может быть сведен к более низкому – живой объект может быть рассмотрен на уровне психическом, биологическом, химическом, физическом или же на уровне клетки, молекулы, атома. Отнюдь не являясь сторонницей редукционизма в его крайних формах, я вижу некую плодотворность такого строения научной области с точки зрения возможности проведения комплексных исследований, создания междисциплинарных направлений в науке и т.п.

Гуманитарная же область знания на сей момент весьма аморфна, сопоставление результатов, полученных в рамках разных наук иногда невозможно, а чаще – бессмысленно. Причина, как мне кажется, кроется в том, что в ней отсутствует "атомарный" уровень исследования, т.е. такой уровень, который был бы базисным для всех гуманитарных (общественных) наук. Именно этот аспект и был для меня наиболее важен в данной работе.

1. М. Вебер. "Объективность" познания в области социальных наук и социальной политики. – Исследования по методологии науки. М., 1980, с. 47-48
2. А. С. Уйбо. Теория и историческое познание. Таллин, 1988, с. 85; Гуманитарные науки в контексте социалистической культуры. Новосибирск, 1984;
3. А. Эйнштейн. Собрание научных трудов. М., 1967, ч. 4, с. 181

Глава 1

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ – КАТАЛИЗАТОР ИНТЕРЕСА К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

Вторая половина XX в. в исторической науке ознаменована проникновением в нее количественных методов. И это проникновение означало по сути революцию. Математика оказалась не просто инструментом в руках историка, но орудием преобразования методологии исторической науки, а следовательно, и трансформации ее картины мира.

Количественные методы, традиционно воспринимаемые как непригодные для исторического анализа, не вплетались безболезненно в ткань исторического исследования, в доминанте своей идеографического. То тут, то там возникали вопросы, проблемы, недоумения, требующие глубокого теоретико-методологического осмысления. Правда, нельзя сказать, что эти вопросы, проблемы и недоумения сразу же становились очевидны и служили поводом к вербальному изложению – достаточно долго они присутствовали в исторических исследованиях имплицитно.

Причиной этому, как кажется, явилось то обстоятельство, что историки – как правило, гуманитарии до мозга костей – не могут профессионально разобратся в существе применяемых ими математических методов, которые они вынуждены переносить в свое исследование механически, без осмысления той методологической картины мира, которая стоит за каждым конкретным количественным (да и не только количественным) методом. Однако со временем диссонанс между исторической и математической картинами мира стал очевиден. Это привело к усилению внимания историков к применяемым методам, к разработке новых методов и подходов. Но процесс такого рода должен быть двусторонним – осмыслению подлежит и методология истории.

К сожалению, на сегодняшний день новая, идеографо-номотетическая картина мира в исторической науке еще не стала предметом дискуссии. Я попытаюсь наметить пути заполнения этой лакуны, для чего предлагаю обратиться к выявлению тех методологических и теоретических проблем, которые обострились в результате применения количественных методов.

1. Современное положение в области применения количественных методов в исторической науке

История применения количественных методов в отечественной исторической науке насчитывает уже более полувека. Ее обзору посвящены статьи и разделы в монографиях (1), выпущены в свет указатели литературы (2), поэтому я не буду излагать ее в деталях, а остановлюсь лишь на том аспекте, который интересен в рамках данного исследования, а именно – порождающая роль применения математических методов в области постановки теоретико-методологических проблем исторической науки.

Первыми обратились к количественным методам, естественно, те, чьи источники носят статистический характер, – специалисты в области социально-экономической и социально-демографической истории. Опыт, накопленный в смежных дисциплинах – экономике и демографии, – способствовал быстрому и решительному распространению математики в этих сферах. Так, если в 60-х гг. на

данную тему было опубликовано чуть более 10 статей и 3 монографии, то в 70-е гг. – около 40 статей и 10 монографий, а в 80-е гг. – порядка 50 статей и почти 20 монографий (3). Затем, правда, произошел некий спад, связанный, однако, не с утратой интереса к проблеме или с ее решением, а с общим кризисом общества, отразившимся и на исследованиях, не имеющих прикладного значения.

Но и до этого быстрота и решительность были все-таки относительными – препятствовало изначально иное предназначение применяемых методов, а соответственно, и иная система интерпретации результатов. И все же должно было пройти немало времени для того, чтобы понимание ситуации всплыло на поверхность. Поводом послужили участвовавшие случаи получения принципиально отличающихся результатов на одних и тех же первичных материалах, с одной стороны, и принципиально разных исторических интерпретаций одних и тех же количественных результатов – с другой.

Здесь были достигнуты довольно значимые успехи, и историки уже жалуются, что распространение количественных методов идет преимущественно вширь, а не вглубь, привлекая все большее число исследователей, в то время, как новые подходы разрабатываются слабо. Хотя сравнительно недавно основной целью было именно распространение вширь. Затем данное направление вышло на новый виток, заинтересовавшись, наконец, тем, что же именно считают, как и зачем.

Достижения в области применения количественных методов в социально-экономической и социально-демографической истории заставили историков пристальней оглядеться с целью найти новые аспекты этого направления. Следующим, наиболее приспособленным, оказалось изучение массовых исторических источников, но уже не статистического характера. Это, в первую очередь, данные типа требований, выдвигаемых в ходе массовых движений в задачах анализа социально-политической активности различных слоев общества, или же сведения о событиях регулярных, достаточно часто повторяющихся, как, например, задачи сравнительного анализа археологического материала, в том числе поселений и погребений.

И тут впервые проявилась сакраментальная проблема применимости математических методов в области исторических наук: что считать – понятно, как считать – тоже, но как трансформировать информацию, содержащуюся в историческом источнике, в удобосчитаемый вид?.. Наиболее усердно занялись ее решением археологи – огромный объем их первичного материала, существенно затрудняющий исследования, всячески стимулировал их к этому. Правда, далеко не все виды археологических источников привлекли их внимание – основой для поиска решения послужили керамика, погребения и кремневый материал. Причины такого выбора очевидны – наглядное сходство сравниваемых объектов.

В основу описания археологических источников с целью их количественного анализа клались различные классификации. На этом пути исследователями были достигнуты значительные успехи, но скорее не в получении конкретных археологических результатов – они-то как раз были весьма скромными, – а в творческом осмыслении таких, казалось бы, распространенных, но в то же время редко

привлекающих внимание гуманитариев общенаучных понятий, как основание классификации, степень сходства, близости и т. п. Это, конечно, весьма положительно сказалось на развитии археологии, однако потянуло за собой постановку новых вопросов.

Действительно, закономерности, выявленные в трансформации форм керамики, – как они соотносятся с социальными процессами, да и соотносятся ли вообще? И если все-таки да, то с какими именно? Запомним этот вопрос – его постановка знаменовала собой новый этап в развитии теоретической исторической мысли.

Тем временем применение количественных методов охватывало все новые области. Как отмечал И. Д. Ковальченко, главное препятствие на пути применения математических методов состоит в том, что "историки пока не могут выражать в количественных характеристиках те стороны общественной жизни, которые относятся к политической, общественной и духовной деятельности и зафиксированы в источниках в словесных характеристиках. Между тем все акты этой деятельности имели свой объективный результат, т. е. так или иначе, в той или иной мере воздействовали на ход исторического развития. В принципе почти всякое изменение в ходе развития может быть измерено, и теоретически допустимо, что почти все проявления общественной жизни могут быть выражены количественно. Следовательно, возможно приложение к их анализу и математических методов" (4).

И одно из интереснейших направлений – анализ нарративных источников. Однако не только интереснейших, но и труднейших и важнейших – ведь именно нарративные источники всегда рассматривались как уникальные, изначально непригодные для статистического анализа. Вставал новый для исторической науки вопрос – что же считать? На начальном этапе, как водится, путеводной нитью послужила смежная наука, более продвинутая в области применения количественных методов, – лингвистика. Поэтому у истоков количественного анализа нарративных источников стоял частотный анализ звуков, букв, грамматических форм, имен собственных, служебных слов. К нему примыкал анализ объема текстов, степень их насыщенности значимыми словами и пр. В целом для методик этого направления характерно игнорирование содержащейся в тексте информации, что ставит исследователя в сложную ситуацию необходимости различения филологических характеристик времени, жанра, канона и т.п., которые должны быть выделены из общего массива характеристик текста как не имеющие отношения к собственно историческим закономерностям.

Сами авторы разработок отмечают, что "методика может помочь поставить выявление круга произведений, бесспорно принадлежащих известным древнерусским авторам, на прочный научный фундамент" (5), хотя результаты ее применения носят вероятностный характер. Кроме того, наблюдается некоторое несоответствие понимания текста в поставленной задаче и в применяемой методике, что существенно затрудняет интерпретацию результатов. В силу этого и здесь очень быстро возник вопрос – как соотносятся выявляемые филологические и лингвистические закономерности с закономерностями собственно историческими? И поскольку ответа на этот вопрос никто толком не знал, начался поиск чисто исторических характеристик текста, а

именно в области его смысла, содержания. Был разработан метод опроса и семантического дифференциала по смысловым шкалам, однако в источниковедении он пока не получил особой популярности.

Наибольшее распространение получило направление, связанное с атрибуцией текстов. Здесь самым перспективным представляется изучение текста с точки зрения его содержания, характеризующего такие принципы деятельности автора, как отбор фактов для фиксации в тексте, структурирование мира, степень осознания описываемого события, процесса, причинно-следственных связей и т.п. Однако и здесь встает тот же вопрос – что должно являться "единицей счета"?

Вопрос о взаимосвязи текстов и построение генеалогических стемм списков произведения также решается, как правило, на базе филологических характеристик (описки, ошибки, пропуски фрагментов текста, объем текста и т.п.) (6). Некоторой разновидностью является анализ употребления имен собственных для определения взаимосвязи текстов (7), однако и они (имена) понимаются прежде всего как грамматическая форма. Например, при анализе частоты встречаемости некоего имени подсчитывается отдельно число имен, число имен и отчество, число фамилий, а упоминания в виде местоимений или должностей вообще не учитываются, хотя относятся к тому же лицу (персонажу). Таким образом, речь не идет о частоте упоминания некоего персонажа, что позволило бы вывести анализ на содержательный уровень. Это, как представляется, существенно обедняет данный подход.

Необходимо учесть, что описки, ошибки и прочие параметры источниковедческого анализа порождаются в ходе совершенно разных процессов, и вне понимания этого факта нет корректной интерпретации. Однако, если в рамках традиционного анализа можно ограничиться утверждением сходства, близости и пр., то привнесение математических методов необходимо требует указать и их количественную меру, которую соответственно и интерпретировать. Попытки ввести в исследование "вес" признаков или характеристик, т.е. ранжировать их по значимости, заставляют обратиться к поиску доминант как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах.

Вообще же информационно-содержательный анализ текста применяется при решении самых разных задач: для дешифровки текстов (8), классификации текстов по содержанию (9), определения типа текста (10). Основой такого анализа является термин или имя, частота его встречаемости, распределение на хронологической оси и т. п. Таким образом, и здесь не задействованы чисто содержательные характеристики текстов.

Исключением является работа Д. В. Деопика (11), использовавшего типы сообщений и анализировавшего отсутствие или наличие тех или иных видов информации, что позволило автору получить нетривиальные результаты с высокой степенью надежности, а самое главное – с ограниченным полем интерпретации, что также увеличивает достоверность выводов.

Здесь не случайно упомянуто поле интерпретации: основным недостатком количественных методик источниковедческого анализа, основанных на филологических характеристиках текстов, является неоднозначность факторов, влияющих на те или иные характеристики.

Например, на объем текста могут влиять и жанровые особенности, и осведомленность автора, его стиль, и значимость описываемого события, и прочие внешние и внутренние условия создания текста. Для установления применимости некой характеристики в конкретном случае требуется немалая работа по выявлению всех значимых факторов, влияющих на нее. При этом такая работа зачастую не только трудоемка, но и невозможна из-за отсутствия достаточных исходных данных. Без нее же результаты имеют лишь предположительный характер.

Позже появились работы, анализирующие текст, несущий отпечаток особенностей мышления автора, в смысловом аспекте (12). Методика базируется в основном на теории распознавания фреймов М. Минского (13), которую в целом отличает механистичность подхода. Однако результаты ее применения дают интересные, обнадеживающие выходы информации. Близка к этому направлению и разработка понятия "версия" при анализе текста как смысловой единицы (14).

Проникновение количественных методов в изучение нарративных источников позволило сформулировать еще ряд теоретико-методологических вопросов, таких, как выявление "единиц счета", соотношение закономерностей различного типа, принципы их интерпретации или, иначе говоря, определения их места в историческом процессе.

Совсем иной пласт теоретико-методологических проблем породило применение методов моделирования в исторической науке.

Понятие "модель" по-разному трактуется исследователями, в зависимости как от их специальности, так и от общеметодологических установок. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этой дефиниции, я в данной работе буду понимать модель как абстрагированное выражение основной сущности исследуемых явлений и процессов объективного мира. В основе моделирования лежит логическая теория подобия, а модель выступает в качестве приближенного аналога изучаемых явлений и процессов.

Отметим, что к "клиометристам", по мнению Р. У. Фогеля, относятся ученые, которые хотя и редко применяют цифры или математические понятия, но тем не менее ведут свои исследования на основе эксплицитных моделей. "Клиометристы хотят обосновать исследование истории при помощи эксплицитных моделей человеческого поведения. Они убеждены, что на самом деле у историков нет выбора между использованием и неиспользованием поведенческих моделей, поскольку все попытки объяснить историческое поведение - соотнести элементарные факты истории друг с другом, называются ли они "историей идей", "историческим воображением" или "историческим моделированием", - включают тот или иной вид моделей. Ревельный выбор заключается в том, будут ли эти модели имплицитными, неясными, неполными и внутренне противоречивыми, как, по мнению клиометристов, часто бывает в традиционном историческом исследовании, или эти модели будут эксплицитными, со всеми ясно выраженными предпосылками, и сформулированными таким образом, чтобы быть предметом строгой эмпирической проверки" (15).

Раньше всех начали применять методы моделирования историки-аграрники (16), что было обусловлено наличием массовых

исторических источников, с одной стороны, и с другой – обилием в них цифрового материала. Аналогичные причины определили применение методов моделирования в социально-экономической в целом и историко-социологической областях. Значительно менее ощутимо их проникновение в изучение исторических процессов достаточного периода и проблем историко-культурных и социально-политических. Это легко объяснимое явление. Отсутствие массовых источников порождает "заколдованный круг: с одной стороны, именно ввиду отсутствия сведений источников моделирование могло бы иметь познавательную значимость..., а с другой стороны, отсутствие сведений источников обуславливает гипотетичность моделирования" (17). Именно эта двойственность ситуации породила, по всей вероятности, дискуссию вокруг опыта имитационного моделирования, предпринятого А. С. Гусейновой, Ю. Н. Павловским и В. А. Устиновым (18).

Попробуем проанализировать некоторые положения этой дискуссии.

Прежде всего определим, каковы условия, обеспечивающие применимость того или иного метода в историческом исследовании. Одно из них, накладываемое на применяемые методы, состоит в том, что между традиционными и новыми методами должна проследиваться тесная гносеологическая связь, что неоднократно отмечалось исследователями (19).

Другим условием, определяющим возможность использования новых методов, в том числе моделирования, является обеспечение достаточного уровня теоретизации исторической науки.

Интересным моментом дискуссии является полемика по поводу применимости отдельных типов моделей. Она начинается с самого понятия имитационного моделирования. Здесь можно различить три мнения (хотя они в большинстве случаев присутствуют в дискуссии лишь имплицитно): 1 – любая модель есть имитация, поэтому понятие "имитационное моделирование" тавтологично (большинство историков традиционного направления); 2 – имитация есть точная копия, которая в истории недостижима, т.е. имитационное моделирование неприменимо в исторической науке (К. В. Хвостова); 3 – имитация – не точная, а лишь приближенная, обобщенная копия изучаемого явления или процесса и тем самым вполне применима в исторических исследованиях (В. А. Устинов). Здесь кажется важным то, что оценка идет по форме модели, в то время как само понятие отражает цель ее создания. Действительно, по цели своего создания модели могут как быть имитационными, так и не быть, при этом, хотя создание точной копии исторического явления или процесса невозможно, но цель такая поставлена быть может. Тогда оценкой качества моделирования выступает степень адекватности отображения в ней изучаемого явления или процесса.

Далее возможна классификация уже самих имитационных моделей. И. Д. Ковальченко различает модели альтернативные и контрфактические. Последняя дефиниция представляется некорректной, т. к. любое моделирование базируется на фактах и тем самым контрфактическим быть не может. Следуя же принципу различения моделей по цели их создания, видимо, можно говорить о моделях

структурных, т. е. тех, в которых по имеющимся элементам воссоздается структура изучаемого явления или процесса, и элементных, в которых структура известна и стоит задача реконструкции ряда элементов. Понятие структурного моделирования используется, в частности, К. В. Хвостовой.

Следовательно, область применения таких моделей – изучение тех явлений или процессов, которые заведомо обладают достаточно жесткой структурой, хотя бы некоторые характеристики которой известны исследователю. Иное дело, безусловно, когда знания о структуре изучаемого явления или процесса отсутствуют или само явление не представляется жестко структурированным. Тогда построения подобного рода действительно гиполептичны, также, впрочем, как и построение моделей имитационно-элементных. Таким образом, наличие жесткой структуры у изучаемого явления или процесса – необходимое, как представляется, условие успешного моделирования.

В дискуссии внимание ее участников было сконцентрировано также на гипотетичности результатов моделирования. При этом, видимо, подразумевается, что гипотетичность построений при неполноте источников характерна только (или прежде всего) для имитационного моделирования и не свойственна традиционным методам. Но чем же тогда можно объяснить наличие основанных на одних и тех же источниках конкурирующих, а иногда и просто взаимоисключающих концепций, созданных в рамках традиционных методов? Случаи неоднозначности получаемых результатов наверняка хорошо известны каждому исследователю истории достаточного периода. Следовательно, гипотетичность реконструкций в истории данного периода характерна как для имитационного моделирования, так и для традиционного анализа. Однако существенное различие все же есть: степень гипотетичности модели вычисляема. Измеряемость, а следовательно, и контролируемость степени гипотетичности дает этому методу значительные преимущества.

К. В. Хвостова отмечает, что "проверка постулатов теоретической концепции с помощью данных источников – специфическая форма эмпирической проверки в исторической науке. Более того, возможности эмпирической верификации в истории расширяются благодаря применения математических методов. В этом случае можно восстановить утраченную историческую информацию... И эта восстановленная информация или может быть использована в целях верификации, или же, благодаря получению дополнительной информации, другие содержащиеся в исторических источниках сведения приобретают новую свидетельскую ценность и дают возможность верифицировать сделанные выводы" (20).

Участники дискуссии постоянно обращаются за примерами к анализу исторического процесса и постоянно сталкиваются с тем, что его структура изучена весьма слабо, в силу чего и уровень теоретизации данного направления достаточно низок.

И тем не менее параллельно с ходом дискуссии появляются новые конкретно-исторические исследования в этом направлении, причем в плане историко-культурных и историко-социальных исследований разработки касаются трех основных вопросов: 1 – атрибуция текстов,

выявления авторского стиля (21); 2 – модели поведения отдельных лиц и коллективов в социально-политической истории (22); 3 – реконструктивные модели концепций историков и исторических персонажей (23).

Интересные наблюдения можно сделать при сопоставлении исторических работ с применением методов моделирования отечественных и зарубежных авторов. Совпадая в целом по направлениям, они существенно различаются по целям создания моделей. Если западные историки видят в модели интерпретируемый результат, то отечественные ученые оценивают ее как инструмент в ходе дальнейшего исследования (24). В то же время западными историками поднимаются вопросы, связанные с методологическими проблемами моделирования в истории: о необходимости совмещения логических концепций и моделей (25), построения теоретической базы и качественной модели явления, формирования и проверки гипотез (26), о специфике моделирования в исторических исследованиях (27).

Все исследователи, высказывавшиеся по этому поводу, согласны в том, что модели математической должна предшествовать модель качественная. Более того, указывается на чрезвычайно важную роль последней не только в процессе моделирования, но и в историческом исследовании вообще. В то же время сложилась парадоксальная ситуация: существуют работы, посвященные анализу традиционных методов исследования (28), посвященные методам математического моделирования (как в исторических исследованиях, так и вне связи с ними) (29), историография же проблем качественного моделирования поразительно скудна. В этом контексте представляется весьма уместным следующее ироничное замечание: "Создание АСУ обычно начинается с того, что приобретается машина и создается для нее обслуживающий штат. А остальное? Остальное приложится. Была бы машина! "Тогда пойдет уж музыка не так, у нас запляшут лес и горы!" Ну и что же? Машина есть, программисты работают, рулоны бумаги текут, а лес и горы не пляшут! Надо прямо смотреть в глаза фактам и признать, что применение математических методов не полезно, а вредно до тех пор, пока явление не освоено на гуманитарном уровне" (30).

Однако какие же основные теоретико-методологические проблемы выявились в ходе применения математических методов в исторических исследованиях? Базовыми являются три: 1 – что именно считать, т.е. что является единицей измерения исторического процесса; 2 – какова структура исторического процесса; 3 – что такое закономерности в истории, какова их типология и принципы соотношения. Естественно при этом, что первая проблема является исходной. К ее анализу мы и обратимся в следующем параграфе.

2. "Единицы счета" в исторической науке – проблемы измеряемости и сопоставимости

Выявление "единиц счета" в историческом исследовании нуждается в большой осторожности. Поскольку почти все исторические события и ситуации не являются в строгом смысле повторяющимися и могут в некоторых случаях характеризоваться как уникальные,

выявление оснований, на которых эти события или последовательности событий рассматриваются как обладающие общими признаками "класса", требует тщательной критической оценки. В противном случае количественный исторический анализ может оказаться просто более систематизированным способом делать ошибочные выводы (31).

Поэтому прежде, чем перейти к анализу "единиц счета" в историческом исследовании, отмечу, что в определенном смысле эта проблема на сей день не рассматривается как актуальная.

Дело в том, что из сделанного мною обзора 275 статей, посвященных применению комплексных, в том числе и математических методов в исторической науке, в 49 рассматривались социологические параметры, в 50 - экономические, в 74 - археологические, в 60 - текстовые. 11 статей были посвящены историографии, 26 - теории и методологии, причем основной упор делался именно на проблемах математического характера. И только в 5 статьях рассматривается собственно исторический процесс. Выше я уже пыталась показать, почему это происходит. Сейчас повторю лишь некоторые моменты.

В социально-экономических работах измеряемые параметры даны наглядно - объем производства, величина налога, цена на продукцию и пр. При этом и единицы измерения вроде бы очевидны - рубли, гектары, миллионы тонн. Правда, здесь есть свои тонкости и нюансы, но чисто внешне и измеримость, и единицы измерения в этой области исторической науки представляются очевидными.

В исследованиях по археологии эта очевидность еще более зрима. Ведь перед археологом есть вполне конкретный материальный предмет - амфора, наконечник стрелы, бусы и пр. Есть и линейка или штангенциркуль. Так почему бы не измерить? Конечно, это я упрощаю - в погребениях основной массив состоит из признаков неизмеряемых - поза погребенного, устройство могилы и т.п. - но ведь математики умеют работать и с качественными признаками... Вопрос в другом - какой исторический процесс при этом изучается и измеряется?

Иногда исследователи пытаются ответить на него, но это получается, как правило, чисто механическое сопоставление - изменение в наборе украшений с изменением этнического состава населения; структуры могильника с социальной (или имущественной) структурой общества и пр. Но ведь все же генеральное направление поиска лежит в иной плоскости - какие именно исторические процессы отражены в процессе эволюции, например, форм керамики? И отражены ли вообще какие-либо... Но археологически изучаются прежде всего эпохи, слабо документированные или вообще не документированные письменными источниками, поэтому корректное решение поставленного вопроса требует разработки некоего нового подхода.

Некоторое время назад я в качестве эксперимента попробовала соотнести вещественные комплексы из выселенных квартир в домах, идущих на снос или капитальный ремонт, и социально-демографические характеристики их бывших владельцев. Эксперимент носил чисто прикидочный характер, но его результаты поразили меня в одном: соотносимость вещественных комплексов и социально-демографических характеристик настолько зыбка и туманна, что для выведения ее на уровень если не корректных интерпретаций, то хотя бы грамотного

формирования гипотезы требует тщательного и продолжительного труда. А пока археологи измеряют амфоры. (32)

Представительность в выборке статей, основанных на анализе текстов, тоже достаточно понятна и выше ее причины уже рассматривались. В принципе, в основе – та же "очевидность" единиц измерения – буква, слово, предложение. В рамках данной работы представляется интересным то обстоятельство, что при изучении текстов на содержательном уровне единицей измерения часто служит либо описание события в целом, либо упоминание о его субъекте, объекте, указание на обстоятельства времени или места. Иначе говоря, в основании в той или иной степени присутствует событие или, точнее, некое действие, акт деятельности.

Достаточно много статей построено на анализе социологических параметров. Не вдаваясь сейчас в тонкости методологических проблем социологии и демографии, отмечу, что условно социологические характеристики можно разделить на объективные и субъективные. К первым относятся пол, возраст, профессия, образование и т.п. Они являются непосредственным следствием неких событий – рождения, завершения образования, вступления в брак – и фиксируются в соответствующих документах. Вторые же представляют собой мнения и представления людей по определенным вопросам. Сопоставление характеристик первой и второй групп позволяет выявить закономерности их соотношения, т. е. каким социальным группам какие пристрастия свойственны. Конечно, и здесь я, с одной стороны, упрощаю, а с другой – опираюсь лишь на один тип социологического исследования.

В реальной социологическом обследовании присутствуют и вопросы типа "Сколько книг Вы прочли в течение последнего месяца?" или "Кто из современных художников Вам нравится?" – такого рода вопросы, вернее, ответы на них предполагают два варианта – отражение реальных событий (количество прочитанных книг, знакомство с творчеством художника и его оценка) и отражение общезначимых установок (сколько книг должен прочитать "хороший человек", творчество какого художника должно ему нравиться) вне зависимости от того, насколько сам анкетированный им следует. Эта ориентация на нормативную систему данного общества весьма важна для нашего исследования, и я к ней еще вернусь в следующих главах. Пока же отмечу, что и в социологическом исследовании базовой "единицей счета" является событие.

Теперь обратимся к тем пяти работам, которые посвящены непосредственно изучению исторического процесса. Две из них – В. М. Сергеева и В. Л. Цымбурского (33) и А. Н. Баранова (34) – рассматривают детерминанты наступления события в виде представления о целях, задачах, интересе и пр. противоборствующих сторон в конфликте. Они убедительно показывают, что эти детерминанты входят в нормативную систему общества.

З. В. Гришина и В. П. Пушков (35) основывают свои выводы на анализе читательских запросов (требований), т.е. тоже неких актов деятельности.

Таким образом, для изучения исторического процесса выбирается либо событие, действие, акт деятельности, либо его детерминанты.

Особый интерес вызывает уже упоминавшаяся монография А. С. Гусейновой, Ю. Н. Павловского и В. А. Устинова (36). В ней анализируется целый комплекс показателей - и экономические (динамика казны), и социальные (численность определенных слоев населения), и демографические, однако общая структура подвязана опять-таки к событийной канве - Никиеву миру, сицилийской экспедиции и пр.

Все это заставляет нас обратиться к анализу понятия "историческое событие" и его соотношению с базовыми понятиями исторической науки.

1. Например: Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984; И. Д. Ковальченко, А. К. Соколов. Итоги и перспективы применения математико-статистических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории. - Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период.
2. Т. И. Славко. Библиографический указатель по некоторым проблемам истории СССР. Математические методы при изучении истории СССР. Казань, 1981; О. Р. Квирквелия. Проблемы применения методов моделирования в советской историографии. - Социальная детерминация познания: методологический фактор научной деятельности. - Тарту, 1987; Она же. Краткий обзор советской литературы по вопросам применения статистико-математических методов исследования в археологии (1926 - 1977 гг.) - Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981
3. См. И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородкин. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987
4. И. Д. Ковальченко. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях. - Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969, с. 133
5. Л. И. Бородкин, Л. В. Милов, Л. Е. Морозова. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси. - Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977, с. 323
6. А. Т. Фоменко. Частотные матрицы и их применение для статистической обработки нарративных источников. - Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. - М., 1984; Л. И. Бородкин, Л. В. Милов. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людям). - Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977; Л. Е. Морозова. Опыт использования математических моделей и ЭВМ в текстологических исследованиях. - Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981; Л. И. Бородкин. Математические модели классификации древних текстов. - Методы количественного анализа текстов нарративных источников; А. Т. Фоменко. Некоторые статистические закономерности распределения плотности информации в текстах со шкалой. - Семиотика и информатика, вып. 15. М., 1980; Он же. Информативные функции и связанные с ними статистические закономерности. - Тезисы докладов III международной конференции по теории вероятностей и

- мат.статистике. Вильнюс, 1981, т. 2; О. Р. Квирквелия. О методике формального анализа текстов малого объема. - Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983
7. А. Т. Фоменко. Методика распознавания дубликатов и некоторые приложения. - ДАН СССР, 1981, т. 258, № 6
8. Л. М. Брагина. Опыт исследования философского трактата XV в. методом количественного анализа. - Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972
9. О. Ю. Бессмертная. Опыт морфологического анализа фольклорной прозы хауса (Зап. Африка). - Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях
10. Л. С. Клейн. Корреляция имен в "Илиаде". - Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен...
11. Д. В. Деопик. Опыт количественного анализа древней восточной летописи "Чуньцю". - Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях
12. В. М. Сергеев, В. В. Луков. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866 - 1876 гг. - Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983; В. М. Сергеев. К вопросу о логике исторической реконструкции на материале древнейших текстов. - Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен...
13. М. Минский. Фреймы для представления знаний. М., 1979
14. А. П. Богданов. Системный анализ источников по социально-политической истории предпетровской России. - Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен...
15. R. W. Fogel. "Scientific" history and traditional history. - Logic, Methodology and Philosophy of Science. 6. p. 26
16. Напр., Н. Б. Селунская. Моделирование социальной структуры помещичьего хозяйства к. XIX - н. XX в. - Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975
17. К. В. Хвостова. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1981, с. 51
18. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984
19. И. Д. Ковальченко. О моделировании исторических явлений и процессов. - Вопросы истории, 1978, № 8; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984, с. 72-78; Н. Н. Моисеев. О моделировании исторического процесса. Вступительная статья. - А. С. Гусейнова, Ю. Н. Павловский, В. А. Устинов. Ук. соч, с. 17
20. К. В. Хвостова. Количественный подход.., с. 6
21. Напр., Л. И. Бородкин, Л. Е. Морозова. Опыт использования...
22. В. В. Пименов. Системный подход к этносу. Доклад на школе-семинаре "Методологические и методические проблемы историко-типологических исследований. Ростов-Ярославский, 1986
23. Напр., В. М. Сергеев. Модель человека в историко-культурных исследованиях. - Там же; В. М. Сергеев, В. В. Луков. Опыт моделирования...
24. Напр., M. Hammerberg. The Analysis of Historical American Electoral Data. - Tallinn, U.S. - USSR colloquium on Quantitative

- Research in History. 1981; К. Леви-Стросс. Структурная антропология. М., 1985
25. R. Pfahe, L. Wilke. Kliometrische Studie zur Structur und Entwicklung der deutschen Zandwirtschaft im Faschismus: Faktoranalyse und Regressionstheorie in agrar economischen modelanalyse. - Berlin
26. Ch. M- Dollar, R. Y. Yensen. Historian s Guide to Statistics: Quantitative Analysis and Historical Research. - Chicago, 1971
27. The Rules of the Game: Cross - Disciplinary Essays on Model in Scholarly Thought.)ed- T- Shanin=- London, 1972
28. Напр., А. Н. Гурьянова. К вопросу о понятии метода исследования в исторической науке. - Гуманитарная теория и научно-техническая революция. Калинин, 1975, вып. 1; Она же. Метод исторической науки: его сущность и функции. - Эмпирическое и теоретическое в гуманитарном познании. Калинин, 1978;
29. Напр., Математические методы в социальных исследованиях. М., 1973
- И. В. Бестужев-Лада, В. Н. Варыгин, В. А. Малахов. Моделирование в социологических исследованиях. М., 1978
30. И. Грекова. Методологические особенности прикладной математики на современном этапе ее развития. - Вопросы философии, 1976, № 6
31. E. E. Lampard. Turo cheess for quantitative history. - The Urban History. Prienceton, 1975, p. 17 -18
32. О. Р. Квирквелия. Общие принципы математической предобработки археологического материала. - Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1984; Она же. К вопросу о создании каталога археологических источников. - Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979; Она же. Моодификация критерия Хэмминга в решении археологических задач. - Проблемы реконструкций в археологии. - Новосибирск, 1985
33. В. М. Сергеев, В. Л. Цымбурский. К моделированию процесса принятия решений в конфликтных ситуациях. - Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1987
34. А. Н. Баранов. Материалы к типологии конфликтных исторических ситуаций. - Там же
35. З. В. Гришина, В. П. Пушков. Структура чтения русской периодики во второй половине XIX - нач. XX вв. - Там же
36. А. С. Гусейнова, Ю. Н. Павловский, В. А. Устинов. Опыт имитационного моделирования...

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ: РЕФЛЕКСИЯ ИСТОРИКОВ

С тех пор, как к сер. XIX в. был в основном собран базовый фактический материал и должен был начаться следующий этап развития науки - этап осмысления и обобщения собранного - историческая наука, как это ни парадоксально, существенно не изменилась. Конечно, время от времени вводятся новые виды источников - например, кино- и фотоматериалы, - применяются новые методы

исследования – статистико-математические, геофизические и др. – но задачи, форма и глубина их постановки остаются прежними – сугубо повествовательными, информационными.

Правда, в к. XIX – н. XX вв. мощный толчок к развитию отечественной исторической науки дал исторический материализм, заставивший историков обратить свое внимание на такие темы, как изучение классов и классовой борьбы, общественно-экономических формаций и т. п. Однако сменилась, по существу, только содержательная интерпретация, глубина же осмысления и обобщения фактического материала остались, увы, на прежнем уровне. Исторический материализм присутствовал в конкретных исследованиях преимущественно набором цитат и общих мест.

Как представляется, причина такого положения – в глубоком разрыве между конкретным, фактологическим уровнем исторического исследования и его общеметодологическим основанием. Отсутствие между ними переходного этапа – конкретно-исторической методологии в развернутом виде – и приводит к торможению, а вернее, препятствует поступательному развитию исторической науки. Конечно, нельзя сказать, что проблемы конкретно-исторической методологии совершенно не затрагиваются в работах отечественных историков и философов, но практически ни для одной из ставящихся проблем не достигнуто однозначного решения.

Среди направлений теоретико-методологических исследований в исторической науке можно выделить два наиболее дискуссионных и наиболее значимых. Из работ по теоретико-методологическим проблемам, опубликованных в СССР за последние 30 лет его существования, более одной шестой части посвящено разработке вопросов о конкретно-исторических закономерностях и о "квантах" исторического исследования – исторических фактах (см., например, далеко не полную библиографию по философским и методологическим проблемам за 1956 – 1981 гг. в (1)). Интересно, что эти два вопроса расположены как бы на противоположных полюсах исторической науки, фиксируя нерешенность проблем как атомарного, элементарного уровня исследования, так и теоретико-обобщающего.

1. Исторический факт: уникальное и всеобщее

В принципе, любая наука на определенном этапе своего развития решает вопрос о выделении элементарного научного события, "атома" научного исследования. Этот вопрос важен прежде всего для выявления общих закономерностей, построения типологии и других не менее важных направлений научной деятельности. Вполне понятно, что задачи подобного типа могут решаться только при наличии неких сравниваемых, а следовательно, сопоставимых элементов.

Раньше других приступили к выделению элементарного научного события представители естественных наук. И это понятно: имея зачастую в качестве основного объекта один и тот же фрагмент объективной реальности, например, некое физическое тело или биологический организм, химики, физики, биологи изучают его в совершенно разных аспектах, относительно совершенно разных

процессов. Для разграничения наук и необходимо прежде всего выделение элементарного научного события.

Элементарное научное событие определяется как минимальный фрагмент объективной реальности, сохраняющий все существенные черты и свойства, изучаемые данной наукой. Таким образом, в элементарном научном событии совмещаются онтологическое и гносеологическое начала: с одной стороны, данный фрагмент обладает реальным существованием, а с другой стороны, он рассматривается в строго определенном аспекте, акцентирующим внимание на одних его характеристиках и отбрасывающим другие.

Примером выделения минимального фрагмента, сохраняющего все существенные черты и свойства, может служить ситуация в лингвистике: "Единство звукового (материального) элемента и значения (идеального элемента) образует специфическую единицу, или элемент, языковой системы. Такой элемент воплощает в себе два начала - материальное и идеальное" (2).

Весьма важным представляется понимание элементарности в современной физике элементарных частиц и в ядерной физике. А. Л. Симанов отмечает, что элементарность следует понимать "как момент устойчивости, тождественности, самостоятельности, выделяемый в процессе нашего познания" (3).

Естественно, что аналогичное элементарное научное событие должно быть в обществоведении в целом и в исторической науке в частности. И действительно, такие словосочетания, как "историческое событие", "социальное событие" (4) встречаются в литературе, однако, как правило, не определяются.

Исключением является следующее высказывание: "исторические события - это прежде всего уникальные действия, происходящие в определенном месте, в определенное место и при определенных обстоятельствах" (5). Но и это определение не слишком функционально.

В то же время необходимость выявления элементарного исторического события явно назрела. Если учесть, что большинству имеющихся в историографии определений истории свойственна модификация следующей формулировки: "история - это наука о прошлом, изучающая объективные закономерности человеческой деятельности" (6), ее задачей является воспроизведение и представление реального процесса исторического развития человеческого общества, или данного общества, или отдельных сторон и процессов общественной жизни - экономики, социальной структуры, искусства, науки, философии, политики, религии и т.д. - как взаимосвязанный, причинно-детерминированный и закономерный процесс в его конкретном многообразии (7), то понятно, что без такого "атома" исследования ей просто не обойтись.

Что же должно представлять собой "элементарное историческое событие"? Поскольку "гуманитарные науки изучают ни что иное, как различные формы социального подражания, различные традиции" (8), а в основе подражания лежит способность человека действовать по образцам, то элементарное историческое событие может быть определено как воспроизведение образца.

Но это наше, скажем так, умозрительное построение. Присутствует ли подобный элемент в рассуждении самих историков? В развернутой форме, в виде определения - нет. Более того, употребление словосочетания "историческое событие" носит, как правило, характер обыденного. И тем не менее в исторической науке давно и активно идет дискуссия по сути именно об элементарном историческом событии, а по форме - об историческом факте.

Дискуссия по поводу исторического факта уходит корнями еще в к. XIX в., когда историческим фактом считалось документированное событие, выступающее как объективный и единственный источник исторических знаний, неделимый, обособленный от других фактов, неизменный по содержанию. В н. XX в. исторический факт стал отождествляться с фактом культуры, а затем произошло разделение фактов действительности и фактов науки (10).

На сей день можно выделить три основные трактовки исторического факта: 1 - как объективного события, явления прошлого (9); 2 - как следов прошлого, образов, запечатленных в исторических документах (10); 3 - как гносеологической категории (11).

Знаменательно, что исследователями очень редко фиксируется внимание на критериях выявления исторического факта. Упоминается лишь его хронологическая завершенность. Но что такое "хронологическая завершенность"? Введение такого критерия предполагает взгляд на исторический процесс как дискретный ряд исторических фактов, взаимосвязанных, правда, и взаимообусловленных, но тем не менее жестко отграниченных друг от друга. Уточним, что полной и абсолютной хронологической завершенности некоего явления или процесса во всех его проявлениях с онтологической точки зрения быть не может. Если же понимать такую завершенность как категорию гносеологическую, то тем более необходимо ее определение. Но именно его мне не удалось найти ни в одной работе.

Теперь нам предстоит доказать, что в дискуссии об историческом факте речь идет действительно об элементарном историческом событии, причем в виде воспроизведения образца. Сами же понятие образца довольно часто встречается в исторической литературе.

Однако, сколь бы не расходились мнения историков по другим вопросам, в одном они почти единодушны: исторический факт - результат действия человека или группы людей. А поскольку любая акция человека в обществе есть действие по образцу, то и любой исторический факт есть результат воспроизведения образца.

Имеющаяся путаница в терминах связана с неразличимостью исторического как элемента реального исторического процесса и исторического как элемента потроения исторической науки. Исторический факт отличается от исторического события своей включенностью в науку, а от элементарного исторического события - связью с реальностью.

Следующий параметр элементарного научного события - его элементарность. Эта идея также не чужда историкам. (12)

Что касается требования сохранения в элементарном историческом событии существенных свойств, изучаемых историей, то оно присутствует чаще всего чисто прагматически: исторический факт и есть именно историческое событие. (13)

М. Барг вводит критерий социальной значимости события, определяющий возможность рассмотрения его как исторического факта, оговариваясь, однако, что различные события могут быть равнозначны в контекстах определенных исторических срезов (14). И все же на данном, "атомарном" уровне исследования историческая, социальная значимость должна быть определена жестко. И путь к этому – через оценку широты и глубины воздействия данного явления на последующий ход исторического процесса – широты социальной и территориальной, глубины фундаментальной и хронологической. Изменчивость же социальной значимости исторического факта понимается здесь как ее динамика.

Анализ типов динамики социальной значимости показывает, что в хронологическом аспекте ей свойственны двухпиковые распределения, однопиковые ассиметричные – в основном, левосторонние, – и однопиковые относительно симметричные.

Наиболее часто встречаются однопиковые относительно симметричные распределения, характеризующие процессы, в которых максимальная значимость результатов достигается постепенно и также постепенно угасает.

Однопиковые ассиметричные левосторонние распределения характерны для процессов, в которых максимальная значимость результата совпадает по времени с моментом его первого получения. Аналогичные правосторонние распределения характерны для ситуаций с "непризнанными гениями", когда максимальная значимость отстает – и значительно – от момента первого получения результата.

Достаточно частое в истории явление – двухпиковые распределения. Классический пример здесь – значимость творений античных авторов в момент их создания и в эпоху Возрождения; Парижский коммюны – в момент ее существования и в период Октябрьской социалистической революции.

Изменчивость социальной значимости в территориальном аспекте схожа по структуре. Только значительно реже встречаются двухпиковые распределения. Однако рассмотрение изменчивости социальной значимости в территориальном аспекте приводит к постановке еще одного вопроса – о влиянии на социальную значимость результата действия условий его достижения. Дело в том, что при ближайшем рассмотрении динамики социальной значимости оказывается, что практически в любом случае она имеет дискретный характер, а не непрерывный, как следовало ожидать. В хронологическом аспекте это прежде всего деятельность, имеющая сезонный характер, в территориальном – ориентированная на городские или сельские условия, на климатические особенности, на состояние коммуникаций. Но это, так сказать, на уровне очевидности. Важнее то, что социальная значимость зависит от социальных условий – государственного строя, экономического положения и пр.

Социальная значимость может изменяться не только количественно, но и качественно, т. е. может изменяться ее

содержание. Наглядный пример – значимость иконы как предмета культа и как произведения искусства. Этот пример очевиден и тем самым, быть может, затемняет смысл изменения содержания социальной значимости, который состоит в том, что любое событие имеет некую свою значимость в силу включенности в данную систему на определенном, вернее, определяющем уровне.

Событие значимо постольку, поскольку оно является реализацией значимой идеи. С потерей же идеей своей значимости значимость события может либо резко уменьшиться, либо остаться на том же уровне за счет выдвижения на первый план некой другой идеи, реализацией которой оно тоже является. Отсюда можно сделать вывод, что устойчивость высокой значимости события прямо пропорциональна количеству идей, реализацией которых оно выступает. Наиболее характерным примером могут служить так называемые канонические тексты, например, Библия. Реализация в ней помимо религиозной идеи этических, эстетических, исторических и пр. идей делают ее устойчиво значимой даже при устранении изначально доминирующей религиозной идеи.

Таким образом, социальная значимость некоего события не есть величина постоянная. Отсюда вытекает, что схожие по всем прочим параметрам исторические факты в разных контекстах могут оказаться несопоставимыми по уровню значимости. А поскольку признание некоего акта действия историческим фактом, элементарным историческим событием, "атомом" исторического исследования требует для него определенного уровня социальной значимости, а именно – наличие для него опять-таки социально значимых последствий, то и состав "атомов" исторического исследования в каждом конкретном случае будет индивидуальным.

Важно еще одно. Принадлежность данного события к определенному типу событий еще не свидетельствует однозначно о его социальной значимости. Среди множества случаев заболевания эпилепсией за время существования нашей цивилизации лишь единицы имели социальные последствия, т. е. обладали социальной значимостью, как, например, заболевание царевича Димитрия.

Неоднозначно решается и вопрос о типологии исторических фактов. (15)

Итак, дискуссия об историческом факте есть по сути дискуссия об элементарном историческом событии, причем достаточно часто оно понимается как воспроизведение образца.

Однако при этом остается открытым вопрос о том, почему же все-таки данное понимание элементарного исторического события остается непроявленным. Как кажется, причины этого кроются в устоявшейся традиции определения исторических фактов как уникальных. К рассмотрению правомерности такого определения мы и перейдем.

Традиция фиксировать внимание на уникальности исторических событий и, более того, только уникальные события считать историческими, идет из глубины веков. Н. И. Кузнецова отмечает, что "Геродот дал образец записи в социальную память неповторимого события гражданской жизни" (16). Если учесть, что Геродот – отец истории, то можно сказать, что история с рождения связана с

понятием неповторимости. Правда, в понятиях неповторимости и уникальности нет полной тождественности, однако значительная общность их семантических полей стимулирует осознанную или имплицитную тенденцию подмены первого вторым. (17)

Но может ли вообще быть историческое исследование, если его элементарные события уникальны? По всей вероятности, нет. Во всяком случае, все методики исторического исследования построены на сопоставимости и сопоставлении исторических событий.

Авторство уникальной Повести временных лет устанавливается либо на основании сопоставления ее с Житием Феодосия, написанного Нестором (18), либо на сходстве идейных позиций автора Повести временных лет и первого киевского митрополита Илариона (19). Вопрос о подлинности уникального Слова о полку Игореве решается, в частности, на базе его сравнения с летописями, сохранившими аналогичные обороты и даже сходные ошибки переписчиков. И уж совершенно обычным является анализ влияния рассматриваемого исторического события на все последующие. Так, В. И. Вернадский пишет: "историк не может выдвинуть вперед изучение фактов или идей, по существу более важных, широких или глубоких даже в тех случаях, когда он может уловить их значение, если только эти факты не оказали еще соответствующего влияния на развитие научной мысли. Он должен явиться строгим наблюдателем происходивших процессов, он должен останавливаться только на тех явлениях, которые уже отразились определенным, явно выразившимся образом, влияние которых может быть прослежено во времени" (20). Речь здесь идет об истории науки, но высказывание может быть распространено и на всю историческую науку. Имплицитно эта тема, т. е. требование, чтобы историческое событие служило образцом для последующей деятельности, присутствует в дискуссии о значимости исторического факта (21).

Таким образом, рефлексия историков представляет исторический процесс в следующем виде: происходит некое уникальное историческое событие, которое становится образцом для ряда последующих событий. Затем происходит новое уникальное событие и так далее. Как я пыталась вкратце показать, такая ситуация отсутствует в конкретных исторических исследованиях, целиком построенных на сравнении и сопоставимости событий. Однако заметно и то, что упор в них делается все-таки на функционировании данного события как образца для последующих, но не как воспроизведение образца событий предшествующих.

Как кажется, причины этого хорошо указал В. И. Вернадский, который дал объяснение появлению "уникальных" открытий в науке: "эти открытия делались в среде, далекой и чуждой обычным организациям ученой или общественной работы. Они делались людьми, находившимися вне общества того времени, вне круга тех людей, которые, казалось, строили историю человечества, создавали его мысль. Они делались простыми рабочими, ремесленниками, почти всегда не получавшими обычного в то время образования... делались людьми - изгоями общества, выбитыми из колеи... На смену погибавшему мировоззрению шло новое и несли его люди, имевшие свои корни в незаметно выросших, наряду с тогдашними научными

организациями, формах" (22). И опять-таки это наблюдение можно распространить на всю историческую науку.

Следовательно, даже в тех случаях, когда некое явление представляется нам не имеющим корней, не имеющим предшественников, это означает всего лишь, что мы их не знаем.

2. Конкретно-исторические закономерности и формы их проявления

Не менее остро на сей день стоит вопрос об одной из основных целей исторического исследования - выявлении конкретно-исторических закономерностей. (23)

Как можно заметить, среди всех критериев определения конкретно-исторических закономерностей наибольшее внимание привлекает пространственный. Собственно исторические законы подразделяются на три группы. Первую составляют закономерности универсального (надрегионального) действия. К закономерностям второй группы относятся закономерности, повторяемость которых ограничена пределами одного стадийно-формационного региона. Закономерности третьей группы - закономерности сугубо регионального действия (24). Предлагается также классификация закономерностей по времени их действия, по ареалу действия, по формам проявления, по механизму действия (25). Пространственно-временную ограниченность конкретно-исторических закономерностей отмечают многие исследователи (26).

В результате такого подхода, т. е. упования только на конкретизацию общесоциологических законов и отказа от поиска специфических исторических закономерностей, сфера потенциального выявления конкретно-исторических закономерностей оказывается существенно уже реальной практики, реального фактического материала исторических исследований. Остается выяснить, на основании каких социологических законов должен решаться вопрос о том, кто был автором Повести временных лет - Сильвестр, Нестор или еще кто-нибудь? Как выглядел протограф Повести 1606 года? Где пролегли караванные пути? и т. д., т. е. как решать традиционные, повседневные исторические задачи, особенно не ориентированные на классовую борьбу, экономику и т.п. Представляется, что сфера действия общесоциологических законов глобальней, глубже, но одновременно и уже, чем сфера действия конкретно-исторических закономерностей.

Кроме того, если конкретно-исторические закономерности есть только конкретизация общесоциологических законов для данных условий, то о какой прогностической функции исторической науки может идти речь? В таком случае прогностическая функция есть только у общесоциологических законов. И. А. Гобозов же считает (и я в этом с ним солидарна), что "анализ прошлого позволяет нам исследовать закономерности настоящего и наметить пути развития будущего" (27).

Но каково же содержание этих специфических конкретно-исторических закономерностей? Представляется, что закономерности передачи от поколения к поколению унаследованной деятельности,

закономерности изменения деятельности и ее условий, закономерности взаимодействия и взаимообусловленности различных видов деятельности и деятельности в целом и конкретных условий и есть специфические конкретно-исторические закономерности.

Посмотрим, как наполняется конкретным содержанием это утверждение в том случае, если в качестве элементарного исторического события мы рассматриваем воспроизведение образца. В этих рамках аналогом конкретно-исторических закономерностей выступают социальные эстафеты (28).

Генетическое родство этого высказывания с теорией традиций очевидно. Однако в рефлексии самих историков оно выражено значительно слабее. В основном внимание исследователей привлекает соотношение общесоциологических законов и конкретно-исторических закономерностей. Как представляется, речь должна идти не о принципиальных расхождениях, а о разных акцентах: в силу уже указанной ориентации большинства историков на поиск уникального, особенного, они не заостряют внимания на вопросах принципиального характера: 1 - кто и кому передает образец; 2 - что именно передается. И хотя в конкретных исследованиях без ответа на эти вопросы не обойтись, в размышлениях на эту тему своей науки историки их игнорируют.

Суммируя вышеизложенное, можно выявить основные спорные вопросы в рассматриваемых дискуссиях. Важным представляются вопросы о критериях выявления исторических фактов, об их уникальности, элементарности, об их типологии, соотносительности их с историческими событиями, о понятии социальной значимости. Следствием неопределенности критериев выявления исторических фактов является их несопоставимость как в рамках одного исследования, так и тем более в рамках исторической науки в целом. Несопоставимость же влечет за собой как некорректность исследования, так и отсутствие возможности обобщающих построений.

Отсутствие решения вышеперечисленных вопросов, определяющих всю тактику построения "атомарного" уровня исторического исследования, заставило меня попытаться выяснить, как решаются они на практике - этому посвящена следующая глава данной работы, - отказавшись от понятия "исторический факт" как неопределенного и содержательно перегруженного. Однако основной вывод, который можно сделать из приведенного выше краткого обзора, - необходимость разработки основ (теоретических и методологических) "атомарного" уровня исторического исследования. Представляется, что именно неразработанность послужила одной из основных причин вялого поиска историками специфических конкретно-исторических закономерностей.

Вопросы об "атомах" исторического исследования и о конкретно-исторических закономерностях в разработках, как правило, разъединены, однако их взаимосвязь несомненна. Вероятно, и отрицание существования конкретно-исторических закономерностей, и сведение их к общесоциологическим законам, и неоднозначность трактовки конкретно-исторических закономерностей коренятся в неопределенности "атома" исторического исследования. Если закон есть внутренняя существенная и устойчивая связь явлений, обуславливающая их упорядоченное изменение, то для его

формулирования необходимо хотя бы определить, что понимать под явлением в историческом исследовании, иначе сложно представить себе внутреннюю существенную и устойчивую связь между чем и чем предстоит выявлять историку. И здесь опять-таки наиболее рациональным мне кажется обращение к конкретным историческим исследованиям

Однако в основе любого анализа фактического материала лежит некая гипотеза. Поэтому я буду рассматривать труды историков исходя из следующего рассуждения: краткий обзор мнений историков, в основном отечественных, по поводу содержания понятий "исторический факт" и "конкретно-историческая закономерность" приводит к выводу, что они имплицитно представляют собой элементы некой картины мира, основным смыслом которой является передача образцов деятельности и ее продуктов от поколения к поколению, т.е. во времени, а также в пространстве. Естественно было бы тогда поискать ту теорию, в рамках которой могла бы существовать подобная картина мира. Именно к этому мы и перейдем в четвертой главе данной работы.

1. Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983
2. В. М. Солнцев. Язык как системно-культурное образование. М., 1977, с. 28
3. А. Л. Симанов. Изменение методологической функции понятия элементарности в физике. - Методология науки и научный прогресс. Новосибирск, 1981, с. 242
4. И. А. Бутенко. Социальное познание и мир повседневности. Горизонты и тупики феноменологической социологии. М., 1987, с. 24
5. P. Gardiner. The nature of historical explanation. Oxford, 1952, p. 103
6. В. В. Косолапов. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977, с. 140
7. Н. Ирибаджак. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972, с. 204
8. Л. С. Сычева. Гуманитарное познание как исследование традиций человеческой деятельности. - Проблемы гуманитарного знания. Новосибирск, 1986, с. 55
9. М. А. Розов. Методологические особенности гуманитарного познания. - там же, с. 44
10. М. А. Барг. Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 141-150
11. А. Я. Гуревич. Что такое исторический факт. - Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1970
12. В. М. Подосетник. Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений. - Теория познания и современная наука. М., 1967
13. В. Н. Орлов. Роль научного описания в историческом исследовании. - Философские науки, 1966, № 1; И. Г. Рубинов. К вопросу о понятии научного факта. - Проблемы методологии и логики науки. Вып. 4. Томск, 1968; В. А. Дьяков. Методология истории в

- прошлом и настоящем. М., 1974, с. 111; А. С. Уйбо. Теория и историческое познание. Таллинн, 1988, с. 139-148; История и социология. М., 1964, с. 334; В. В. Косолапов. Методология..., с. 293; Е. М. Жуков. Очерки методологии истории. М., 1987, с. 204; Г. М. Иванов. К вопросу о понятии "факт" в исторической науке. - Вопросы истории, 1961, № 2; И. А. Гобозов. Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987, с. 46
14. М. А. Барг. Категории..., с. 153
15. Г. М. Иванов. К вопросу...,; В. В. Косолапов. Методология..., с. 294
16. Н. И. Кузнецова. Наука в ее истории. М., 1982, с. 27
17. М. А. Барг. Категории..., с. 152; И. А. Гобозов. Смысл..., с. 49; М. А. Барг. Категории..., с. 152
18. Д. С. Лихачев. Текстология. Л-д, 1983, с. 319
19. М. Д. Приселков. Нестор-летописец. Пг., 1923, с. 22
20. В. И. Вернадский. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988, с. 44-45
21. М. А. Барг. Категории..., с. 153; Г. М. Иванов. К вопросу...,
22. В. И. Вернадский. Труды..., с. 87
23. М. А. Барг. Категории..., с. 176; W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig. 1883; В. Виндельбанд. История и естествознание. М., 1901, с. 25; близкого мнения придерживаются: Г. Риккерт. Философия истории. Спб., 1908, с. 38 - 43; Он же. Границы естественнонаучного образования понятий. Спб., 1903, с. 225; А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. М., 1901, т. 2, с. 452 - 460; W. Dray. Laws and explanation in history. L. 1957; К. Г. Хаина. Онтологический и гносеологический аспект соотношения общественного закона и общественной закономерности. - Личность и общество. М., 1969, с. 49 - 50;
- С. Попов. Существуют ли "специфические исторические законы"? - Философские науки, 1971, № 6, с. 152; А. Шафф. Объективный характер законов истории. М., 1958, с. 380; А. В. Гулыга. О предмете исторической науки. - Вопросы истории, 1964, № 4, с. 20 - 21; Он же. О характере исторического знания. - Вопросы философии, 1962, № 9, с. 28 - 38; Он же. Понятие и образ в исторической науке. - Вопросы истории, 1965, № 9, с. 3 - 14; Он же. История как наука. - Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 7 - 10; Д. Ахмедли, Ю. Сегомонов. Об историческом познании. Баку, 1968, с. 48; Н. А. Девяшин. К вопросу об историческом законе как философской категории. - Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1969, с. 141; А. Я. Гуревич. Общий закон и конкретная историческая закономерность. - Вопросы истории, 1966, № 8; Он же. Об исторической закономерности. - Философские проблемы исторической науки. с. 63 - 64; П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев. О разработке методологических вопросов истории. - История и социология, с. 16; Ж. Келле, М. Я. Кальвазон. Теория и история, с. 200
24. М. А. Барг. Категории..., с. 186 - 187, 195 - 196
25. Там же, с. 198

26. А. Я. Гуревич. Об исторической закономерности..., с. 55; Л. Е. Кертман. Законы исторических ситуаций. - Вопросы истории, 1971, № 1, с. 55
27. И. Гобозов. Смысл..., с. 33
28. М. А. Розов. Методологические особенности..., с. 44

Глава 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ: ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной главе я полностью откажусь от использования понятий "исторический факт" и "конкретно-историческая закономерность", заменив их соответственно понятиями "образец" и "эстафета". Их генетическая и гносеологическая связь была показана в предыдущей главе. В то же время слабая концептуальная нагруженность последних позволяет с большей уверенностью в однозначности интерпретации идти за фактологическим базисом.

На данном этапе это никоим образом не означает, что мы исходим из теории социальных эстафет - ее применимость в исторической науке еще предстоит доказать, - просто предлагаемые понятия наиболее нейтральны для историков и в то же время образно доступны. Однако, если выяснится, что понятия "образец" и "эстафета" применимы в исторической науке, это будет служить аргументом в пользу применимости и самой теории социальных эстафет.

1. История. Археология. Этнография.

В собственно исторических исследованиях эстафеты и образцы присутствуют в явной, очевидной форме в работах, посвященных изучению длительного отрезка времени. Безусловно, можно найти их и в остальных трудах, но продемонстрировать данное утверждение лучше на работах первого вида.

Обратимся прежде всего к одному из классиков отечественной исторической мысли - С. М. Соловьеву, а конкретнее - к его реконструкции княжеских отношений в Древней Руси (1). Здесь высказана основная ориентация С. М. Соловьева в научном поиске - ориентация на поиск образца, по которому можно было бы выявить общую закономерность.

Наблюдения сделаны С. М. Соловьевым двумя способами: распространением единичного высказывания на общую ситуацию, т.е. предполагая, что данное высказывание "вписано" в эстафету восприятия всех князей, и сопоставлением эпизодов из жизни разных князей с целью выявления неких закономерностей, основанным на предположении, что сходство в судьбах, сопровождающееся сходством в положении на иерархической лестнице, есть факт воспроизведения некоего образца.

Здесь мы сталкиваемся с примечательным явлением - реконструкцией образца как одной из специфических научных

исторических процедур. А коли она есть - есть и ориентация на изучение образцов. Вопрос только в том, что для ее "вступления в силу" необходимо выдвинуть предположение, что некий образец существует. И наиболее сильные историки, как правило, его выдвигали.

Очень интересным примером поиска образцов может служить монография Й. Хейзинга "Осень средневековья" (2). В ней представлена просто россыпь наблюдений, самым прямым образом связанных с темой данной работы.

В целом же, в собственно исторических исследованиях тенденция к поиску образцов и выявлению эстафет прослеживается весьма отчетливо. При этом не следует думать, что поиск образцов - удел только историков, занимающихся древними и средневековыми периодами истории человечества. Много примеров аналогичного подхода можно встретить и при обзоре работ советологов.

Анализ эпохи сталинизма, как правило, ведется ими не как анализ самостоятельного явления, а как продолжение, воспроизведение образцов, возникших в предшествующее время. Естественно, в качестве образца наиболее часто рассматривался ленинизм. В самом отчетливом виде эта позиция просматривается в работах В. Юриана (3), в той или иной степени ее придерживаются И. Урбан (4) и Дж. Боффа (5).

В отличие от них Р. Такер видел разрыв преемственности между большевизмом и сталинизмом, даже пропасть между ними (6) и, соответственно, искал образцы сталинизма в царизме и других формах монархического правления.

Не могут обойтись без обращения к образцам и такие работы, которые охватывают события на значительном хронологическом отрезке или в широких пространственных рамках. В этом случае массовость, разнородность, а зачастую и несопоставимость источников и их сведений требует внесения некоего упорядочивающего начала, каким и может выступать образец. Подобный подход мы видим в работе, посвященной изучению брака и семьи в западноевропейских странах с древнейших времен до наших дней (7). Естественно, что при таком хронологическом размахе в работе не могут быть затронуты все аспекты данной темы, поэтому автор сосредоточил внимание на традициях - с одной стороны, и на правовых основах - с другой. Взаимодействие образцов, обладающих разной скоростью трансформации - основной центр его внимания. Отмечу, что здесь мы имеем дело со стыком традиции и образца - стыком, о котором еще будет говориться в следующей главе.

Историко-этнографическое исследование Ф. Броделя "Структура повседневности: возможное и невозможное" (8) также насыщено примерами изучения образцов.

Отметим, что здесь присутствуют многие элементы теории социальных эстафет - скорость распространения эстафет в различных социальных средах, ограниченность поля реализации образцов, важная роль нормативных систем.

Монографию Б. А. Рыбакова "Язычество древней Руси" (9) можно отнести к историко-археологическим исследованиям, хотя многие элементы в ней связаны и с этнографией, и с письменной историей. В

предшествующей ей работе того же автора "Язычество древних славян" (10) Б. А. Рыбаков на многочисленных примерах показывает воспроизведение одного и того же культового образца в археологических, этнографических и исторических источниках. В следующей работе Б. А. Рыбаков концентрирует внимание на взаимоотношениях и взаимосвязях язычества и христианства в древней Руси.

Вполне понятно, что в указанных случаях речь идет о трансформации и трансляции образца из одной нормативной системы в другую, из одной эстафеты в другую, причем сам образец также изменяется.

Продолжая тему образцов в изучении религиозных представлений, обратимся к статье Р. М. Айдиняна "Понятие религии и генезис религиозно-мистических представлений" (11). При этом обратим внимание на периодизацию и определение последовательности форм религии.

В целом существует достаточно много различных исторических периодизаций форм религии. (12)

Р. М. Айдинян выбирает в качестве "путеводной нити" принцип восхождения от конкретного к абстрактному и принцип персонификации представлений и понятий. На первом этапе человек персонифицирует в вещи (живой или неживой) отображение внешних свойств и связей. Здесь есть реальная почва для возникновения фетишизма.

На следующем этапе абстрагирования свойств вещи от самой вещи и персонификации этих свойств возникает манизм. Далее душа противопоставляется телу и наделяется самостоятельным бытием - возникает анимизм. А затем душа, персонифицируясь, еще больше отрывается от тела - этот путь ведет через демонизм к теизму (13).

Казалось бы, данные положения никак не связаны с основной темой нашей работы - "атомарным уровнем исследования в истории". Однако это не так. В своей основе мы здесь имеем дело с трансформацией образца. Человек обладает сознанием, душой, возможностью действовать - и "по своему образу и подобию", а точнее - по образцу, наделяет этими же свойствами элементы окружающего мира, что и отражает фетишизм. Боясь впасть в чересчур упрощенное изложение, я не буду вдаваться в детальное рассмотрение форм религии как форм реализации образцов самосознания человека - это тема отдельного разговора, тем более, что многое здесь уже сказано Э. Тейлором, Дж. Фрезером и другими. Однако связь между наглядно неовеществленными явлениями - ветром, теплом, холодом, - и манизмом, сновидениями и анимизмом, по всей вероятности, имеет место.

Данный пассаж приведен мною как пример того, что в ряде случаев (более того, наиболее часто) образцы неких действий следует искать в пограничных сферах - развитии человеческого сознания, языка, в соответствующих природных и социальных условиях. В последней главе данной работы я постараюсь показать это на примере анализа погребальных комплексов.

В области археологии достаточно сложно найти работу, которая в той или иной степени не обращалась к поиску образцов - что в отечественной науке, что в зарубежной. Работа Х. Хундта (14)

посвящена анализу влияния типов переднеазиатских бронзовых топоров на развитие подобного оружия в дунайской области. Рассматривая переднеазиатские топоры как образцы для изготовления топоров дунайских, автор показывает, что последние не могли развиваться самостоятельно, поскольку попытки найти образцы для них среди местного материала, – в виде каменных ли топоров, в виде ли техники обработки других типов бронзовых изделий, – не увенчались успехом. Здесь интересно, что исходной аксиомой исследования является требование наличия образца у исследуемого объекта.

Несколько иначе ставит вопрос Д. Клер (15). Изучая проблемы адаптации первобытного человека к климатическим условиям по материалам каменных орудий труда, автор опирается скорее на анализ нормативных систем, полей возможных реализаций того или иного образца. Смена климатических условий неизбежно влечет за собой смену типа хозяйственной деятельности, а значит, и смену типов орудий труда. Здесь и появляется возможность рассматривать процесс трансформации образцов.

2. Историография. Источниковедение. Вспомогательные исторические дисциплины

Начнем свое рассмотрение с историографии. Вот, например, монография В. И. Буганова "Отечественная историография русского летописания" (16). Не имея возможности в кратком изложении дать разбор всего текста, остановимся на анализе отечественной историографии начального русского летописания. Более того, поскольку изучение летописей может вестись в самых различных аспектах, сосредоточим свое внимание на историографии источниковедческого метода.

Родоначальником изучения начального русского летописания В. И. Буганов считает В. Н. Татищева (17). Основной метод В. Н. Татищева – сравнение списков. (18).

В этих построениях интересны два аспекта – не только передача образцов источниковедческой критики, но и их совмещение, порождающее новый образец, дающий начало новой эстафете. С другой стороны, при анализе историографии источниковедения особенно наглядно видно, что источниковедение полностью ориентировано на поиск образцов, настолько, что даже если их нет в реальности – их требуется реконструировать, пусть с нарушением общенаучной логики исследования. Можно сказать, что поиск образцов – основная скрытая парадигма источниковедения.

Несколько сложнее анализировать историографию историографии. Возьмем для примера монографию Р. А. Киреевой "Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г." (19). Посмотрим, как излагается в ней проблема выявления историографических направлений в трудах дореволюционных историков. (20)

В качестве основного вывода подчеркну, что историографические исследования необходимо лежат в русле поиска образцов и их воспроизведений, т. е. эстафет. И не только потому, что этому способствует сам материал, содержательно унифицированный, но и

реальная ситуация истории исторической (как, впрочем, и любой другой) науки: историк неизбежно основывается на наблюдениях и выводах своих предшественников, либо принимая их и подтверждая, либо трансформируя, либо строя доказательство "от обратного". В любом случае он "работает" с полученным образцом. Но так ли обстоит дело в других областях исторической науки? Перейдем к рассмотрению ситуации в источниковедении.

Один из основных методов источниковедческого анализа – текстологическое изучение. Его изложению посвящена монография Д. С. Лихачева "Текстология" (21). Приведем его описание основных приемов текстологического анализа.

"Основа текстологического изучения произведения – это сличение списков" (22). На этой основе производится выявление копии, редакции, извода, архетипа, протографи и авторского текста. Сравниваются между собой и тексты разных произведений – как с целью выяснения их взаимоотношений, так и с целью обнаружения языковых норм соответствующего времени или места. В результате текстологического анализа строятся генеалогические стеммы, отражающие взаимоотношения списков.

Поиск образца и сравнение с ним, анализ трансформации образца выходит на первый план при интерпретации соотношения текстов.

Немаловажное значение имеет сравнение текстов и при установлении правильного чтения.

Из изложенного ясно, что весь текстологический анализ есть работа с образцами. Даже построение генеалогических стемм – это графическое воспроизведение схемы трансформации образца. В данном случае нас особенно интересует различие Д. С. Лихачевым типов передачи образцов – в разделе, посвященном анализу происхождения ошибок: действительно, если ошибки переписывания возникают при передаче образца по "продукту" деятельности, т.е. в ходе простого прямого копирования, то ошибки осмысления возникают при совершенно других механизмах передачи образцов. Но об этом мы будем говорить в следующих главах.

Важно также обратить внимание на тот факт, что далеко не всегда акты воспроизведения одного и того же образца суть одинаковые действия или, иначе говоря, элементы одной и той же эстафеты. Д. С. Лихачев различает не только механическое переписывание и осмысление, но и редакторскую правку текста, и литературную переработку. Результат всех этих действий в конкретном тексте может быть внешне один и тот же, но полученный совершенно разными способами.. Таким образом, один и тот же фрагмент текста, кочующий из списка в список, из произведения в произведение может выступать каждый раз в виде образца разного типа действия – копирования, осмысления, переработки, а то и просто восприятия событий или типа их отображения.

Д. С. Лихачев свидетельствует об еще одной важной стороне источниковедческого анализа – о возможности выявить, что не только источниковеды, но и древнерусские переписчики действовали сугубо по образцам. Вот как он описывает работу писца: 1 – писец прочитывает отрывок оригинала; 2 – запоминает его; 3 – внутренне

диктует самому себе текст, который он запомнил; 4 - воспроизводит текст письменно.

Источниковедение, естественно, не ограничивается текстологией. Но все его области так или иначе находятся в русле анализа образцов и эстафет. Изучение филиграней строится на наблюдениях, с одной стороны, за постепенной трансформацией исходного образца (например, "голова шута с семью колокольчиками"), а с другой - за размыванием оттисков с одной и той же филигрании.

Приведу еще один пример из области источниковедения, который, как представляется, со всей отчетливостью демонстрирует ориентацию на поиск образцов в этой области исторической науки. Речь идет о статье В. С. Семенцова "Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты" (23). Правда, в отличие от всех ранее рассмотренных работ тут совершенно не учитывается нормативная система, ее влияние на трансформацию образца. Зато присутствует ряд весьма важных наблюдений. Это касается прежде всего воспроизведения по процессу деятельности и его связи с воспроизведением по продукту деятельности, а также механизма постепенного разрушения образца, происходящего даже при активном стремлении не допустить этого.

Вопросам преемственности между Ветхим и Новым заветами посвящена работа К. Спронка (24). Идея о блаженстве в загробном мире, сформированная в русле религиозного сознания на Ближнем Востоке, с расширением "сферы влияния" христианства претерпевает изменения, сталкиваясь с местными образцами представлений о "том свете" - это служит причиной разночтений в ветхозаветных и новозаветных текстах, отражающих в ряде случаев один и тот же образец, но после его взаимодействия с другими эстафетами или попадания в другую нормативную систему.

Близка по тематике работа Х. Фишера (25), посвященная анализу интерпретации греческих религиозных сюжетов в Египте греко-римского времени. При этом упор делается на произведения искусства и их интерпретацию, т.е. на образцы восприятия. Вообще это, пожалуй, наиболее интересная сейчас область исследования в русле поиска образцов и анализа механизмов их передачи и трансформации. Данное направление важно не только для конкретно-исторических исследований, но и для развития исторической теории.

В более простом варианте оно представлено в статье Ц. Недермана (26), рассматривающего влияние Цицероновской традиции на представление о грехе, природе и происхождении государства в Западной Европе VI - XV вв.

Несколько иной вид исследования отражен в статье К. Шрайнера (27). Он на основе одного источника - поддельной привилегии папы Урбана II монастырю Хирзау - реконструирует образцы восприятия немецкого монашества в области истории, права, теологии. Работы в этом направлении появляются время от времени в исторической науке, но как правило, в качестве сюжетов в рамках изучения других вопросов, поскольку такого рода анализ сложен по исполнению и во многом базируется на данных психолингвистики и

прочих, пока не очень знакомых историкам дисциплин. Статья К. Шрайдера – приятное исключение.

Таким образом, осознанное или подсознательное обращение к поискам образцов характерно не только для отечественной исторической науки. Особый интерес в области источниковедения вызывает работа Т. Зиккеля (28), посвященная изучению императорских и королевских дипломов и папских булл. Основной упор при этом делается на изучение образцов формы средневековых актов, что и не удивительно, поскольку этот вид источников очень стандартизирован. Следующий шаг был предпринят Ю. Фиккелем (29), обратившимся уже к анализу содержания и ищущим образцы восприятия ситуации в целом, а также, что тоже понятно, образцы решения юридических казусов. Надо отметить, что для дипломатики как раздела источниковедения (вернее, как вспомогательной исторической дисциплины) этот аспект особенно важен, т.к. в эпоху средневековья господствовало прецедентное право, т.е. основанное прежде всего на образцах восприятия реальных ситуаций. И здесь задача реконструкции образцов и механизмов их передачи и трансформации необходимо должна быть решена.

Таким образом, в той или иной степени к идее поиска образцов и анализа эстафет их передачи обращается большинство историков. Есть, правда, виды исторических исследований, для которых в целом подобное обращение не свойственно, но их анализ выходит за рамки данной темы.

Наблюдение над конкретными источниковедческими работами позволяют не только прийти к выводу, что в них активно используются образцы и эстафеты, но и получить некоторые основания для более детальной классификации эстафет, причем добытые источниковедами опытным путем.

Так, если Д. С. Лихачев в своем исследовании в основном обращается к анализу группы эстафет, передаваемых по продукту, то В. С. Семенов – по деятельности. Однако внутри этих групп существует определенная дифференциация.

При передаче эстафет по продукту Д. С. Лихачев дает основания для различения их по отношению к продукту. При копировании текста деятельность писца находится на пересечении двух эстафет (в целом, конечно, значительно большего их числа, но для данного аспекта важны два) – приемов копирования, переписывания и самого текста. При этом текст выступает в качестве переменной, а приемы копирования – постоянной составляющих деятельности писца. При осмыслении текста основа деятельности состоит во вписывании текста в изменившуюся нормативную систему; а отсюда также пересечение эстафеты текста и нормативной системы. В этом случае текст как целое выступает как нечто постоянное, а отдельные его компоненты – как переменные. Совсем по-другому дело обстоит в случае использования некоего текста как образца при создании нового произведения. Здесь уже сам текст как целое есть нечто переменное, а отдельные его компоненты – постоянные. Более простое различение можно производить по тому, что именно в образце-продукте подлежит воспроизведению: он в совокупности своих черт (копирование), его содержание (осмысление) или его форма (переработка).

В статье В. С. Семенцова речь идет в основном об эстафетах, передаваемых по деятельности. Однако и здесь можно провести некоторую дифференциацию. Это, во-первых, воспроизведение с реконструкцией некоторых, в основном ментальных, компонентов и без таковой, в надежде, что точное воспроизведение проявленной деятельности с неизбежностью приведет к воспроизведению ментальных компонентов. А во-вторых, различие физического, словесного и ментального воспроизведения, а в рамках словесного - физического и ментального компонентов.

Подводя итоги данной главы, можно сделать вывод, что имплицитно (по большей части) в работах действительно присутствует ориентация на поиск образцов и эстафет. Это, безусловно, аргумент в пользу применимости теории социальных эстафет в исторической науке, однако с таким же, возможно, успехом на нее претендуют теория традиций, преемственности и социальной памяти. Поэтому в следующей главе мы обратимся к разбору этих теорий и их роли в историческом исследовании.

1. С. М. Соловьев. Сочинения. Кн. 1. М., 1988
2. Й. Хейзинга. Осень средневековья. М., 1988
3. V. Yurian. Bolshevism. - Notre Dame. Ind. 1952
4. I. R. Urban, ed. Stalinism: Its Impact on Russia and the World. L.: 1982
5. G. Boffa. Il fenomeno Stalin nella storia della XX secolo. Roma, 1982
6. Robert C. Tucker. The Soviet Political Mind. New York, 1971
7. I. Quademet. Le mariage en Occident: Les mœurs et le droit. Paris. 1987
8. Ф. Бродель. Структура повседневности: возможное и невозможное. М., 1986
9. Б. А. Рыбаков. Язычество древней Руси. М., 1987
10. Он же. Язычество древних славян. М., 1981
11. Р. М. Айдинян. Понятие религии и генезис религиозно-мистических представлений. - Категории исторических наук. Л-д, 1988
12. М. И. Шахнович. От суеверий к науке. Л-д, 1948, с. 370; Б. И. Шаревская. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964, с. 201 - 208; А. Ф. Анисимов. Этапы развития первобытной религии. М. - Л-д, 1967; Ю. И. Семенов. Как возникло человеческое общество. М., 1966; С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964; И. А. Кривелев. К вопросу о типологии религиозных верований. - Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 209
13. Р. М. Айдинян. Ук. соч., с. 166 - 169
14. Н.-И. Hundt. Zu einigen Vorderasiatischen Schoftlochaxten und ihrem Einfluss auf den Donaulandischen Guss von Bronzeixten. - Ib. des Romisch-Germanischen, Zentrali museums, Mainz. + Mainz, 1986, 33-1
15. D. S. Claire. The development of termal alteration technologies in Florida: Implication for the study of prehistorie adaptation. - Florida, anthropologist. - gainesville, 1987, vol. 40, N 3

16. В. И. Буганов. Отечественная историография русского летописания. М., 1975
17. Там же, с. 7
18. О. Р. Квирквелия. Типология приемов в исследовании нарративных источников периода средневековья. - Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989
19. Р. А. Киреева. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983
20. О. Р. Квирквелия. Проблемы применения методов моделирования...
21. Д. С. Лихачев. Текстология. Л-д, 1983
22. Там же, с. 175
23. В. С. Семенцов. Проблемы трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхавадгиты. - Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988
24. K. Spronk. Beatific afterlife in ancient Israel and in the ancient near East. - Neukirchenor. 1986
25. H. G. Fisher. The Ancient Egyptian attitude towards the monstros. - Monsters and demons in the ancont and medieval worlds. - Mainz on Rhine, 1987
26. C. I. Nederman. Natura, sin and the origins of society. The Ciceronial tradition in medieval political thought. - I. of the history of ideas. - Philadelphia, 1988
27. K. Schreiner. Hirsau. Urban II und johannes Trithemeus. Ein gelaltschtes Papstprinleg als Rechtsbavustisein des Klosters Hirsau im 12. Yahrundert. - Dt. Arch. fur Erforschung des mittelalters. Koln, 1987
28. T. Sickel. Beitrage zur Diplomatic. Wein. 1861 - 1882
29. Y. Firker. Beitrage zur Urkundelehre. Insbruk, 1877 - 1878

Глава 4

"АТОМАРНЫЙ" УРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Итак, в ходе нашего рассмотрения мы пришли к выводу, что "атомарный" уровень исторического исследования в неявной форме присутствует в конкретных разработках, но, как правило, на неосознанном уровне, вне теоретико-методологического осмысления. В то же время, как представляется, пришла пора переходить от неявных, невербализованных и неосознаваемых установок к формированию исторической теории "атомарного" уровня.

Впрочем, прежде, чем формировать такого рода теорию, имеет, видимо, смысл посмотреть, нет ли каких-либо соответствующих наработок среди ныне существующих теорий. Подобный вопрос может показаться парадоксальным, ведь если такая теория есть, то она должна быть известна историкам, которые опять-таки должны на нее опираться. Но весь интерес заключается в том, что на сей день практика исторического исследования и теории, связанные с исторической картиной мира, существуют абсолютно раздельно: они разрабатываются в рамках разных научных сообществ - первая среди историков, вторые преимущественно среди философов; они публикуются

в разных изданиях, обсуждаются и утверждаются как научные направления в разных учреждениях.

Это приводит зачастую к тому, что представители этих направлений очень слабо осведомлены о положении дел в пограничной, смежной области. "Возникает впечатление, что на Земле существуют несколько совершенно различных цивилизаций. Их служители добровольно замыкаются в границах своих культурных микрокосмов" (1).

Именно поэтому поиск, который мы собираемся предпринять, вполне оправдан и, более того, как мне кажется, необходим.

1. Традиции. Преемственность. Социальная память.

Прежде всего наше внимание должно привлечь активное бытование в исторической науке таких направлений, как изучение традиций и преемственности. Эти направления весьма распространены и популярны. Правда, "до сих пор не существует общей теории традиций" (2), но сама распространенность этого понятия показательна. Что понимается под традицией? "Традиция - исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение опыт, практика в какой-либо области общественной жизни, действительности и т. п.; обычная принятая норма, манера чего-либо" (3).

Если пытаться суммировать указанные выше высказывания, то можно сделать вывод о том, что разными авторами под традициями понимается то механизм передачи социального опыта, то его содержание. Второе понимание встречается чаще, однако и оно не является достаточно четко разработанным. Кроме того, при таком подходе за пределами внимания исследователей остается вопрос о том, как именно происходит передача социального опыта. Впрочем, четкого ответа на этот вопрос нет и при первом подходе к пониманию традиций.

Еще один существенный недостаток - статичность понимания традиций. Ю. И. Бокань и А. Н. Антонов делают попытку преодолеть его, используя в своей работе такие понятия, как "норма", "образец", "стереотип", "программа", "практическая идея", однако, поскольку их соотношение определяется лишь частично, выход из тупика оказывается весьма затруднительным. Как представляется, основную негативную роль здесь играет противопоставление традиций и новаций и следующая из него необходимость их различения. По сути, речь все время идет о двух разных процессах - сохранения традиций и появления новаций. Ниже мы попытаемся рассматривать их как единый процесс.

Проблема исторической преемственности является как бы другой стороной проблемы традиций. "Преемственность - это связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы, т. е. при переходе его из одного состояния в другое" (4). Таким образом, в центре внимания

оказывается именно момент перехода нового в старое и появление нового.

Приведу следующую аналогию: рассмотрим исторический процесс как отснятую киноленту. Тогда элементы, повторяющиеся из кадра в кадр, есть традиция, а элементы, общие для двух соседних кадров, – преемственность. За пределами нашего внимания остаются два момента: почему и как именно происходят изменения, возникают отличия между последовательным рядом кадров. Но эти вопросы не находят ответа в рамках интерпретации понятий традиции и преемственности.

Если пытаться соотнести понятие образцов (будем пока все же применять это обозначение, оно не столь расплывчато, как традиция), норм – нормативных систем и преемственности, то получится, что образцы и нормативные системы образуют синхронный срез, а преемственность – диахронный. Но к этому мы еще вернемся.

Еще одно направление, близкое к рассматриваемым здесь проблемам, – изучение социальной памяти. Одним из первых начал заниматься этим Я. К. Ребане. (5)

Обратим внимание на следующее построение: социальная информация передается через орудия, средства и продукты труда в виде навыков, традиций, ритуалов и т. п. Как представляется, здесь смешаны два принципиально разных вида передачи информации – один из них идет действительно через орудия, средства и продукты труда, а другой – через приобретение навыков, традиции и ритуалы. При этом первый реализуется через осознание, а второй – через подражание.

Увидев нож, человек может путем размышлений или опытным путем понять, для чего он предназначен (но вероятность адекватности результатов такой реконструкции истинной функции предмета не слишком велика), но он может получить ту же информацию, даже более точную, подражая действиям другого человека, использующего нож. Это весьма упрощенный пример, но по сути два данных вида передачи социальной информации различаются принципиально.

Однако, в случае, если мы будем опираться на определение социальной памяти как специального социального института, а процесса ее функционирования и формирования как целенаправленного, то данное направление нас не слишком интересует, т. к. это не "картина мира", а отдельный, весьма частный ее фрагмент. Гораздо более перспективно в этом аспекте понимание социальной памяти как некоего хранилища, формируемого естественно-историческим путем. Однако и в этом случае в общем-то ответа ни на один интересующий нас вопрос мы не получаем. А вопросы это такие: что именно передается из поколения в поколение; как передается; на каких носителях происходит передача.

К сожалению, ни одно из рассмотренных выше направлений – анализ традиций, преемственности и понятие социальной памяти – не дает ответа на все поставленные вопросы. Но и это не самое важное – существенней то, что они, в ряде случаев выдвигая интересные и значимые положения, не стыкуются между собой, хотя некоторые мотивы "кочуют" из направления в направление.

Существует, на мой взгляд, еще и методологическая ограниченность всех трех направлений. Если традиции понимаются прежде всего как "великий тормоз, это - сила инерции в истории" (6), то при понимании преемственности в центре внимания тоже оценочные характеристики, но с обратным знаком - преемственность обеспечивает сохранность прежде всего положительных, прогрессивных элементов накопленного человеческого опыта. Понятие "социальная память" вроде бы лишено оценочных характеристик, нейтрально относительно прогрессивных и регрессивных элементов опыта, но и не объясняет причин их сохранения и передачи.

Тогда перед нами встает задача найти некую теорию, которая отвечала бы на наши вопросы или, по крайней мере, создавала предпосылки для получения ответов.

2. Теория социальных эстафет.

Разработка основных положений теории социальных эстафет и нормативных систем принадлежит М. А. Розову (7). Однако, несмотря на то, что автор неоднократно обращается за примерами к области гуманитарных наук, собственно исторические исследования затронуты им довольно мало. Это и понятно, т. к. само строение исторической науки, разделенность ее (как на уровне учебной специализации, так и на уровне административного деления на институты) и большинства собственно исторических исследований по территориальному и хронологическому признакам, а также ориентация (на уровне парадигмы) на поиск прежде всего конкретизации общесоциологических законов, не способствует поиску и анализу образцов и эстафет, особенно для специалиста, не включенного в эту область деятельности.

Поэтому, опираясь на высказывания М. А. Розова, я дополняю их своими рассуждениями, за которые автор теории социальных эстафет, естественно, никакой ответственности не несет.

Хочется особо выделить образцы-идеалы, воспринимаемые как оптимальные решения неких задач. Образцы-идеалы в подавляющем большинстве случаев выступают в форме образцов-целей: изготовление философского камня, построение коммунизма. В форме образцов-действий образцы-идеалы присутствуют в различных уставных положениях: моральном кодексе строителя коммунизма, правилах поведения в общественных местах.

Все образцы-идеалы можно разделить на две группы: некогда уже реализованные и никогда ранее не реализовывавшиеся, но существующие как цель. К первым можно отнести, например, поэзию А. С. Пушкина, ко вторым - идею построения коммунизма.

Среди образцов-идеалов первой группы любопытно выделить образцы, адекватное воспроизведение которых отнюдь не является целью. Именно таким образцом является поэзия А. С. Пушкина, подражание которой вовсе не имеет целью полное повторение образца, т.е. переписывания стихотворения А. С. Пушкина. Более того, в конечном итоге результат этого подражания должен коренным образом отличаться от образца, но быть сопоставимым с ним, в частности, по значимости.

Среди второй группы любопытно отметить образцы - анти-идеалы, т. е. фиксирующие не то, что должно быть создано, а то, что должно быть разрушено. При этом созидательная часть образца-идеала представлена весьма размыто и обобщенно. Характерно, что именно эта расплывчатость и обобщенность созидательной части такого образца делает его особо устойчивым при смене условий реализации.

Передача образца происходит четырьмя основными способами: непосредственным подражанием действию или результату действия и следованием описанию способа действия для достижения конкретного результата или описанию алгоритма решения задач данного типа. В первом случае передача идет через субъект предшествующего действия, во втором - через результат действия, в третьем и четвертом - через знаковую систему. Любопытно, что если в первых двух случаях образец для подражания неизбежно должен существовать в реальности, то в двух последних - совсем необязательно, здесь мы имеем дело с разновидностью образца-идеала.

Эстафеты различаются не только по способу передачи образца, но и по форме. Условно можно отметить три формы: концентрическую, линейную и древовидную. Под концентрической формой эстафеты понимается ее пространственное распространение в относительно узкий хронологический период. Линейная форма понимается как передача образца в узком пространственно-социальном ареале, но хронологически длительная. К этой форме относится передача секретов мастерства от отца к сыну, передача знаний для "посвященных" в различных социальных группах, обрядов и обычаев локального характера, а древовидная форма распространения эстафет является синтезирующей относительно линейной и концентрической и отражает распространение образцов как во времени, так и в пространстве. В отличие от концентрической формы она имеет меньшую скорость распространения в пространстве, а в отличие от линейной - больший территориально-социальный охват.

Разделение эстафет на три предложенные группы является в известной мере условным, т. к. в чистом виде эти формы в реальности не представлены. Однако и отдельно взятая эстафета не обладает онтологическим существованием.

Интересно, что концентрическая и древовидная формы распространения образцов тесно связаны с тиражированием образца, а следовательно, и подвержены взаимному переходу. Так, некий образец мог передаваться в линейной форме в виде, например, описания, которое затем было опубликовано (тиражирование образца) и получило распространение - форма распространения стала концентрической. Затем у ряда субъектов данный образец не прижился, и концентрическая форма перешла в обратно-древовидную. Приведу конкретный пример смены форм: произведения античных авторов в ту эпоху, когда они были созданы, распространялись в умеренно концентрической форме. Затем их актуальность уменьшилась, и форма плавно перешла в линейную, а в эпоху Возрождения - вновь в концентрическую, а потом, по мере угасания острого интереса к античности, - в обратно-древовидную.

При анализе эстафет важным представляется их соотношение с целенаправленностью. Степень целенаправленности действия в рамках

эстафеты служит критерием определения "возраста" последней, некой ступени ее эволюции. Первоначально, как представляется, любое подражание является целенаправленным, однако затем воспроизведение образца превращается в навык, в привычку, а затем - в утрату цели. Так, обряд захоронения всегда поначалу содержателен как в целом, так и во всех своих элементах. Однако затем детали содержания утрачиваются, а в конце "жизни" обряда исчезает вообще представление о его цели, если не в целом, то в конкретных обрядовых действиях.

Показателем первого этапа служит полисеманτικότητα его элементов, на втором этапе их значение стандартизируется, а на третьем возникают ошибки в их "употреблении".

Целесообразность действия тесно связана с его осознанностью. С этой точки зрения можно различать: рефлекторные подражания; неосознанные подражания - навыки; сознательные подражания. Сопоставимы при этом прежде всего эстафеты с относительно равной степенью осознанности действия.

Вообще соотношение действия и его осознания - весьма интересная проблема, прежде всего потому, что эстафета восприятия и эстафета действия меняются с разной скоростью. Некоторые исследования показывают, что в среднем осознание отстает от действия на сей день приблизительно на 25 лет. Однако этот разрыв не является величиной постоянной - есть основания полагать, что где-то в XII в. он был равен 75 годам, а в более ранние эпохи - еще больше.

В то же время понятно, что гибкость и результативность экономической и политической деятельности во многом зависит именно от скорости осознания новых условий. Недаром сегодня на повестке дня один из основных вопросов - формирование нового мышления. Анализ - детальный! - закономерностей трансформации эстафет осознания может способствовать поиску наиболее рациональных путей этого формирования.

Надо сказать, что разными скоростями изменения характеризуются не только эстафеты действия и осознания. Скорость изменения образца - индивидуальная характеристика любой эстафеты. Конечно, при этом каждая группа эстафет имеет скорости в определенных пределах. Например, наиболее стабильна эстафета цели, наиболее мобильна - моды. В результате в реальной практике мы имеем дело с пучками эстафет, часть из которых относительно стабильна, часть легко изменяется и т.д. Вспомним, что ни одно реальное действие не является реализацией одного, единственного образца, оно входит в состав целой серии эстафет, как входящих в единый пучок, так и изолированных.

В основе образования пучка эстафет и в качестве гаранта его относительной стабильности выступает эстафета цели, которая служит критерием отбора остальных эстафет, - способа действия, формы конечного результата и т. п. Пучки эстафет могут быть стабильными - не по составу, а по существованию - и, так сказать, "краткосрочными". Стабильные пучки эстафет связаны с удовлетворением жизненных потребностей человека - таких, как

добывание пищи, например. "Краткосрочные" пучки эстафет связаны с решением частных задач.

Отметим также, что абсолютно идентичное воспроизведение образца в принципе невозможно. В ходе же статистически значимого числа реализаций образца неизбежно накапливаются ошибки. Накопление ошибок ведет к разрушению образца, к тому, что он перестает удовлетворять те потребности, в соответствии с которыми проводилась его реализация. Возможен, правда, и другой вариант, когда в ходе накопления ошибок образец получает более оптимальный вид.

С разрушением образца происходит и угасание эстафеты. Но поскольку, как уже отмечалось, отдельно взятая эстафета – плод воображения, то это угасание воплощается в распаде данной эстафеты, которую корректнее было бы назвать пучком, на более частные эстафеты. Например, с угасанием эстафеты обработки кремня с целью изготовления орудий она распалась на эстафету обработки кремня для добычи огня, а в последствии – для кремневых ружей, и эстафету форм орудий (первые металлические орудия унаследовали форму от каменных).

Другой путь трансформации образцов – пересечение эстафет. Правда, здесь трансформация образцов может оказаться настолько существенной, что стоит говорить о порождении нового образца. Именно на пересечении эстафет родились такие науки, как биохимия или геофизика. Интересно, что в результате пересечения эстафет практически никогда не возникает образца, "среднеарифметического" из исходных. Некоторые характеристики в новом образце наследуются от одного из предшествующих, некоторые – от другого, и те, и другие трансформируются, "притираются" друг к другу. В этом аспекте было бы очень любопытно посмотреть, образец какого типа должен возникнуть в результате сближения умственного труда с физическим. Понятно, что в основе лежат две эстафеты – по роду труда, – но вот каков должен быть новый образец, полученный при их пересечении? Пересечение эстафет может быть как сознательным, так и неосознанным, и в этом плане необходим серьезный анализ. В то же время достаточно часта ситуация, когда в процессе сознательного пересечения эстафет не учитываются закономерности этого процесса (да и не могут учитываться, потому что данная теория не получила еще, к сожалению, достаточного применения), в результате чего новый образец либо не обладает необходимыми качествами, либо вообще не происходит формирования нового образца. Реальный пример ситуации такого рода – развитие в исторических исследованиях направления, связанного с применением статистико-математических методов. По замыслу оно должно было привести к образованию исследований нового типа, однако в реальности задачи остались прежними, интерпретации – тоже, подходы не изменились, а статистико-математические методы в подавляющем большинстве случаев играют роль модного аксессуара. Это явление вполне справедливо было охарактеризовано М. А. Розовым как подмена теоретизации науки ее математизацией.

Пересечение эстафет может быть случайным или целенаправленным. Целенаправленное пересечение связано, как

правило, с изменением цели, устареванием образца, сменой материала, изменением технологии и т.п.

Однако основным фактором, влияющим на пересечение эстафет, да и вообще все процессы, связанные с трансформацией самих эстафет или их состава, является влияние окружающей среды, или нормативной системы. Эти определенные условия могут быть рассмотрены как нормативные системы, накладывающие ограничения как на выбор образцов, так и на форму их реализации. По составу нормативные системы могут быть знаковые, ценностные и т. д.

Связь нормативных систем с экосистемами обеспечивает устойчивость первых, т. к. распространение образцов происходит, естественно, в социальной среде и детерминировано ее потребностями, возможностями и ценностными установками, а они, в свою очередь, во многом обусловлены средой обитания данного общества.

Комплекс потребностей, возможностей и ценностных установок и является той нормативной средой, которая регулирует процесс движения эстафет. Это, однако, не означает, что сама нормативная система неизменна. Она также является эстафетой, но наиболее стабильной. В состав нормативной системы входят прежде всего эстафеты, образцы которых являются оптимальными. Сюда же относятся эстафеты, связанные с удовлетворением повседневных потребностей человека и социума – добыча пропитания, строительство жилища и т. п. Устойчивые эстафеты, входящие в состав нормативной системы – реализующие образцы-идеалы с большой полисемантичностью, выступающие в качестве цели (ср. вековечную мечту человечества о "золотом веке", стремление к миру и пр.).

Значительный пласт нормативных систем образуют неосознанные, "реликтовые" эстафеты, в основном связанные с нормативами поведения. Устойчивый пласт – эстафеты, существенно детерминированные биопсихологическими факторами – например, эстафеты восприятия, речи и др. Однако наиболее важный пласт нормативных систем – эстафеты, которые могут быть реализованы только коллективно, т. е. определяющие действия социальных групп. Понятно, что к ним относится вся политическая, экономическая и т. п. деятельность.

Таким образом, можно сказать, что нормативные системы – это эстафеты, по отношению к которым частные эстафеты выступают как зависимые. В свою очередь, частные эстафеты выступают как нормативные системы по отношению к еще более локальным, еще менее устойчивым эстафетам. Исходя из этого утверждения можно сделать вывод, что каждый конкретный акт совершается в рамках не одной, а целого ряда иерархически организованных нормативных систем. В каком-то смысле близко к нему мнение В. М. Розина (8).

Различные нормативные системы, существующие синхронно, оказывают существенное влияние друг на друга. Естественно, что при этом доминирующую роль играют нормативные системы, связанные с экономическим базисом общества. Далее по силе влияния идет нормативные системы коллективного действия. Наиболее зависимы и переменны личные нормативные системы. Однако и их зависимость относительна, т. к. в ряде случаев и личностные нормативные

системы оказывают существенное влияние на нормативные системы более высокого уровня социальной общности.

Необходимо учитывать, что, поскольку данная конкретная эстафета входит в ряд нормативных систем, то ежели одна из нормативных систем, в которую она входит, претерпевает некоторые изменения и тем самым трансформирует эстафету, то трансформировавшаяся эстафета оказывает влияние в плане изменения на все те нормативные системы, в которые она входит. Собственно, именно таким способом, на мой взгляд, и происходит воздействие нормативных систем, существующих синхронно, друг на друга.

Еще один аспект анализа взаимодействия нормативных систем и эстафет – анализ их на совместимость. Об эстафетах можно говорить как о контактных, т. е. возможность сосуществования которых в рамках одной нормативной системы не исключена, и контрарных, взаимоисключающих. Можно представить себе ситуацию, когда одна и та же нормативная система предоставляет условия для реализации двум эстафетам, сосуществование которых невозможно. В этом случае "выживает" та эстафета, которая наиболее тесно связана с удовлетворением насущных потребностей социума или индивида.

В этом же аспекте можно рассматривать совместимость нормативных систем. В историческом плане можно привести такие примеры совместимости нормативных систем, как явление ассимиляции, ситуация двоеверия, двоевластия и т. д. В принципе такая ситуация всегда неустойчива и неизбежно ведет либо к формированию новой нормативной системы, включающей элементы обеих предшествующих, либо к возобладанию одной из них и вытеснению другой.

Важно, однако, то, что совместимость нормативных систем обусловлена наличием в них ряда сходных базовых элементов. Так, мирное сосуществование славянского язычества с христианством было возможно лишь потому, что в язычестве уже возникли тенденции к выдвиганию "главного" бога, а в христианстве всегда существовал определенный простор для присутствия "малых богов". Привнесение государственности в некий социум будет успешным только в том случае, если в недрах последнего уже созрели соответствующие идеи и институты и если привносимая государственность не слишком высокого уровня.

Приближаясь к концу нашего рассмотрения основных проблем теории социальных эстафет в рамках исторического исследования, хотелось бы остановиться еще на некоторых моментах. Представляется, что построение исторического исследования на основе теории социальных эстафет не только должно не препятствовать решению традиционных исторических задач, но и создавать условия для расширения их круга. В частности, в последнее время получил широкое распространение анализ конфликтных ситуаций в истории. В русле теории социальных эстафет он должен проводиться на базе анализа совместимости нормативных систем, эстафет и образцов.

В основе хронологического среза мир предстает перед нами как совокупность образцов различных типов. При этом развитие понимается как поток эстафет, местами пересекающихся, местами исчезающих или появляющихся. В качестве побудительной причины

исторического прогресса может рассматриваться поиск оптимального образца-идеала. Важным представляется отметить существование внесистемных образцов, т. е. образцов, не образовавших эстафету. В их число входят прежде всего "неудачные" образцы. Человечество развивается методом проб и ошибок. Вот эти пробы и ошибки составляют костяк внесистемных образцов.

Утверждение, что любое действие есть действие по образцу и что любая эстафета детерминирована нормативной системой, вызывает глухое раздражение внешним сходством с лапласовским детерминизмом. Чтобы снять его, необходимо отметить, что пучок эстафет, идентифицируемых с человеческой личностью, носит сугубо динамический характер. Человек ежесекундно знакомится с новыми образцами, часть из которых входит в состав его пучка эстафет, вытесняя другие образцы, в том или ином смысле устаревшие. Как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так нельзя и дважды пронаблюдать один и тот же пучок эстафет у одной и той же личности.

Такое утверждение, однако, не снимает еще полностью с теории социальных эстафет обвинение в излишне жестком детерминизме, т. к. смена эстафет в пучке может представляться и строго определенной, находящейся вне сферы человеческой, личностной деятельности. И здесь на помощь приходит категория принятия решений. Каждый конкретный человек для достижения поставленной им цели имеет набор образцов, из которых он в состоянии выбрать наиболее устраивающий его. Безусловно, этот выбор также происходит в соответствии с его образцами поведения, мышления и т. п. Более того, чем масштабнее социально, чем менее личностной является его цель, тем меньше у него выбор. При этом сам человек может этого и не осознавать (9). Однако более подробно мы остановимся на данной проблеме в следующей главе.

1. В. Ф. Шварцман. Поиск внеземных цивилизаций - проблема астрофизики или культуры в целом? - Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1987, с. 44
2. А. К. Уледов. Социальная сущность традиций и их роль в жизнедеятельности социалистического общества. - Социалистические традиции и их роль в коммунистическом воспитании. М., 1980, с. 15 - 16; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 68; Э. С. Маркарян. Теория культуры и современная наука. М., 1983; Он же. Узловые проблемы теории культурной традиции. - Советская этнография, 1981, № 2; В. Д. Плахов. Категория "традиция" и ее функции в исторических исследованиях. - Категории исторических наук. Л-д, 1988
3. Ю. И. Бокань, А. Н. Антонов. Человеческий фактор: традиции и новаторство. М., 1988
4. Э. А. Баллер. Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987, с. 7; Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986, с. 47
5. Я. К. Ребане. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8,

- с. 46; А. С. Уйбо. Теория и историческое познание. Таллинн, 1988, с. 117; В. А. Колеватов. Социальная память и познание. М., 1984
6. Напр., М. А. Розов. К методологии анализа рефлектирующих систем. - Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987; Он же. Проблема ценностей и развитие науки. - Наука и ценности. Новосибирск, 1987
7. Он же. Понятие исследовательской программы. - Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск, 1987, с. 11; Он же. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977, с. 74
8. В. М. Розин. Опыт гуманитарного исследования художественной реальности поэтических произведений. - Проблемы гуманитарного познания, с. 122 - 123
9. О. Р. Квирквелия. Теория социальных эстафет и моделирование в истории. - Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1987; О. Р. Квирквелия, В. В. Радилиловский. К вопросу о формировании модели развития научного знания в археологии. - Великий Октябрь и некоторые вопросы исторической науки. Фрунзе, 1987

Глава 5

"АТОМАРНЫЙ" УРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

1. Элементы "атомарного" уровня исторического исследования

При формировании "атомарного" уровня исторического исследования следует прежде всего, по всей вероятности, снять понятие "исторический факт" как базовое, поскольку, во-первых, уточнение понятия исторического факта неизбежно привело бы к анализу понятий "история" и "исторический", что является задачей хотя и тривиальной по постановке, но весьма сложной по решению и к тому же находящейся вне магистрального направления данной работы; во-вторых, потребовалось бы рассмотрение понятия "факт"; к тому же следовало бы уточнить, действительно ли то, что должно быть положено в основание "атомарного" уровня исторического исследования, относится к числу фактов.

Эти вопросы сами по себе очень важны, однако их удобнее решать после того, как определены требования к "атому" исторического исследования, критерии его выявления и существенные характеристики.

В-третьих, на сей день понятие исторического факта страдает как излишней полисемантичностью, так и мировоззренческой перегруженностью. К тому же оно весьма отягчено традицией, что, как известно, не способствует каким-либо трансформациям. Таким образом, представляется более удобным отказаться от понятия "исторический факт" в качестве "атомарного" для исторического исследования и ввести некое новое или иное, не столь многозначное понятие.

Однако прежде, чем искать понятие, следует, видимо, четче сформулировать его содержание, т. е. прежде, чем как-либо "обозвать" "атом" исторического исследования, следует понять, что он собой представляет, каким требованиям исторической науки должен отвечать.

Основное требование к "атомам" исторического исследования – требование их сопоставимости. Это определяется прежде всего номотетической ориентацией науки в целом и истории – в частности. Однако в принципе сопоставимо все со всем: война с битвой за урожай – по деятельности; создание Повести 1606 г. со стольпинской реформой – по месту действия; процесс по делу Н. И. Бухарина с любовью Сталина к "Хванчкаре" – по субъекту действия, и т. п. Слов нет, в рамках определенных конкретных исследований и такие сопоставления могут оказаться продуктивными, но вряд ли они могут быть положены в основание определения "атома" исторического исследования.

И. А. Гобозов пишет о сопоставлении фактов, сходных и близких по пространственному расположению и времени (1). Однако, как я уже пыталась показать, пространственно-временная близость не является решающей, понятие же сходства в данном случае нуждается в уточнении.

Представляется, что можно наметить следующие аспекты сопоставимости "атомов" (повторю, что объектом исторического исследования неизбежно будет некое действие): это прежде всего сопоставимость по уровню общности, при которой общность понимается двояко – как общность субъектов действия и общность объектов действия, т. е. сравнимы между собой действия двух личностей, двух государств и т. п.; несравнимы действия личности и государства, семьи и партии и т. п. Это же касается направленности действия на личность, социальную группу, государство и т. п.

Опять же подчеркну, что несопоставимость не является абсолютной, она есть несопоставимость именно на "атомарном" уровне исследования. При этом стоит иметь в виду, что действия личности в ряде случаев могут быть сопоставимы с действиями группы – во-первых, когда личность выступает в качестве единственного представителя группы, например, царя, последнего из могикиан и т. п. Во-вторых, когда личность рассматривается как типичный представитель, хотя в этом случае ее "типичность" следует предварительно доказать.

Еще один аспект сопоставимости – сопоставимость по уровню сложности действия. Так, деятельность может включать в себя и создание некоего идеального образца, и следование ему, а может состоять лишь из повторения, дублирования уже известного образца. И хотя результаты деятельности могут быть весьма схожи, действия по их достижению в рамках "атомарного" уровня исследования несопоставимы. Здесь также присутствует сопоставимость по результату действия – ведь можно рассматривать создание идеального образца как результат отдельного действия и сравнивать только воплощение его на практике. Однако и тогда действия создателя образца и подражателя несопоставимы, ибо первый ищет, а второй лишь повторяет (подобное утверждение не всегда корректно, т. к.

подражающий может иметь образец для подражания в виде продукта, но не зная технологии его изготовления). Существует необходимость учитывать контекст действия, его обусловленность биосоциальными и пространственно-временными характеристиками окружения.

Однако этот пункт не столь однозначен, как может показаться, ибо очень часто сопоставимыми оказываются действия, внешне совершенно различные, но совпадающие по своему социальному значению. Простейший пример – разные формы приветствия в различных регионах. Поэтому, может быть, имеет смысл объединить форму действия и условия действия в одно условие – сопоставимость целей действия.

Возвращаясь к вопросу о сопоставимости по результату действия, отметим, что речь идет не о значимости этого результата, не об успешности действия, а именно о форме результата. Две основные формы уже названы – это идеальный образ, или идея, и его конкретное воплощение.

Теперь вернемся к образцам. Итак, если любая человеческая деятельность есть деятельность по образцам, а любая человеческая акция есть реализация совокупности образцов, то следует ответить на следующий вопрос: все ли ее элементы в состоянии выступать в качестве реальных, а не только потенциальных образцов? И где предел детализации различения элементов акции? Ведь вполне понятно, что любое действие можно разложить на бесконечно большое количество составляющих его актов. Представляется, что критерием предела детализации могут служить два фактора: социальность акта – нижняя граница, и относительная инвариантность образца в рамках условий его реализации. К вопросу об устойчивости образцов мы еще вернемся чуть ниже, а здесь отмечу, что требование социальности акта-образца позволяет резко различить физиологические, психофизиологические и прочие действия, которые, конечно же, неизбежно социально детерминированы, но тем не менее по существу социальными акциями не являются – ни по цели, ни по форме, ни по результату действия.

Получение человеком образцов происходит как путем обучения и воспитания, так и путем самообучения и накопления личного опыта (при этом самообучение есть накопление чужого опыта).

Говоря об устойчивости образцов, упомянем такой аспект. В принципе, процесс появления нового образца упрощенно можно представить себе следующим образом: возникает некая нетривиальная, нестандартная новая задача, ищутся пути ее решения, в ходе чего как пробуются старые образцы, так и создаются новые. Часть из них – причем значительная – не отвечает либо условиям реализации, либо конечной цели действия. В результате отбора образцом, порождающим подражания, становится акция, наиболее полно для данной ситуации отвечающая исходным требованиям. Этим обеспечивается "выживаемость" образцов, их устойчивость, часть из которых, в силу своего оптимального характера, становится образцами-идеалами.

Однако в эпоху широкого развития средств коммуникации происходит глобальное тиражирование образцов, оптимальность которых отнюдь не очевидна. С помощью прессы, радио, телевидения и т. п. тиражируются образцы, которые сразу получают

распространение. Тем самым "естественный" отбор образцов и формирование образцов-идеалов подменяется "искусственным" отбором и формированием образцов - анти-идеалов. Несмотря на то, что это процесс во многом неизбежный для современного уровня развития цивилизации, рассмотрение его дает возможность поставить и решить весьма актуальную задачу - формирование принципов отбора образцов для тиражирования.

Еще один аспект, который вскользь уже упоминался, - комплексный, биосоциальный характер образца. Это, казалось бы, тривиальное утверждение имеет большое значение для анализа образцов. Биологическая и социальная составляющие каждая по-своему ограничивает варибельность образцов, придает им относительную устойчивость. Однако определение меры их устойчивости и ее характера возможно только через анализ этих составляющих.

Для этого вернемся к "атомам" исторического исследования. Каково соотношение между ними и образцами? Естественно, образцы - это не "атомы", поскольку последние, как уже говорилось, есть действие, а образцы - основы, генерализирующие действие. В то же время, если рассматривать всю человеческую деятельность как совокупность актов подражания, то понятно, что основой для их сопоставления могут служить именно образцы. Тогда образцы суть "ядра атомов" исторического исследования, их центры. Поскольку одновременно образцы суть "ядра" актов подражания, можно прийти к выводу, что сами "атомы" исторического исследования суть акты подражания, или акты воспроизведения образцов.

Но тогда, по идее, ядра "атомов" исторического исследования, т.е. образцы, должны быть "элементарны", неделимы и однородны. Поиск неделимости, однородности образца может вестись по трем направлениям. Прежде всего, учитывая его биосоциальный характер, можно искать тот уровень, который отражал бы только биологическую составляющую человеческой деятельности. Это, казалось бы, логично и позволило бы ввести критерий минимальной социальной значимости. Однако при детальном рассмотрении актов человеческой деятельности приходишь к выводу, весьма, впрочем, тривиальному, что человек - существо биосоциальное, и любое его действие есть не совокупность биологического и социального, а совокупность биосоциальных актов. Даже отправление простейших физиологических потребностей у человека социально детерминировано.

Другой подход - поиск психически "элементарных" актов. Но этот путь сопряжен с теми же трудностями, что и предыдущий.

Третий путь - поиск элементов с минимальной социальной значимостью. Здесь ситуация прямо противоположна биологическому, но столь же сложная. Представляется, что комплексный, биосоциальный характер образца требует столь же комплексного, биосоциального подхода к его анализу.

Таким образом, сложность состава образца - явление неизбежное. И не только в силу его биосоциального характера, но и в силу его онтологической неисчерпаемости. Действие столь же неисчерпаемо, сколь и деятельность. Поэтому целью анализа образцов является не достижение их абсолютной "элементарности", а определение уровней сложности образцов, разработка шкал их оценки.

По смыслу же можно различать образцы потребностей, форм, в которых могло бы воплотиться их удовлетворение, способов достижения цели, образцов действия и его результатов.

Итак, "ядром атома" исторического исследования является, по моему мнению, образец для подражания. Самим же "атомом" выступает тогда исторически значимое воспроизведение образца.

Поскольку выше мы определили социальную значимость "атома" исторического исследования через социальную значимость его последствий, то тем самым мы однозначно вписали "атом" в социальную эстафету. Это значит, что воспроизведение образца является "атомом" исторического исследования в тех случаях, когда предстает этапом некой эстафеты.

Теперь мне кажется рациональным перейти к рассмотрению соотношения нормативной системы и личности в истории, а также социальной эстафеты и исторической закономерности. В первом случае основной наш интерес будет сосредоточен вокруг проблемы личностного выбора, а во втором - вокруг альтернативности исторического процесса.

2. Образцы и роль личности в истории

Роль личности в истории - не только предмет острых дискуссий историков всех времен и народов, но и индикатор их социальной позиции. Для советских историков, опиравшихся на труды классиков марксизма-ленинизма, вопрос, казалось бы, был решен. И тем не менее в конкретных исследованиях то и дело проскальзывал знакомый лик персонификации истории.

Ярчайший пример тому - лавинообразный поток публикаций, порожденный новым этапом развенчания культа личности Сталина. Был ли Сталин параноиком? Мучил ли он животных? Любил ли детей? - такие вопросы кочевали из газеты в газету, из журнала в журнал. Честно говоря, я давно уже не стремлюсь узнать на них ответы. Меня значительно больше интересует другое - каким же был тот народ, который оказался достоин такого правителя? Но вот об этом публикаций было очень мало.

И именно поэтому мне представляется своевременным обращение к вопросу о роли личности в истории, естественно, в контексте данного исследования.

В предыдущем параграфе я уже упоминала о том, что следует различать эстафеты и нормативные системы индивидуальные и коллективные. Коллективные эстафеты - это те, образцы которых не могут быть реализованы отдельным человеком. Коллективные нормативные системы - те, действие которых распространяются на некую социальную группу.

Выше опять-таки говорилось, что каждый индивид, равно как и любая социальная группа, является носителем совокупности эстафет, и его действия детерминированы совокупностью нормативных систем. В состав и первых, и вторых входят как коллективные, так и индивидуальные эстафеты и нормативные системы - напомним приведенное уже высказывание В. М. Розина.

В силу этого правомерно поставить перед собой два вопроса: 1 - есть ли у человека свобода выбора, причем реальная, а не существующая лишь в его воображении и 2 - решается ли первый вопрос в рамках исторической науки.

Выбор предполагает наличие объектов выбора - причем осознаваемых таковыми, - критериев выбора, его цели, процедуры, механизма реализации и, наконец, субъекта выбора. Современная дискуссия проходит, в основном, вокруг объектов выбора - можно ли было пойти другим путем? Изредка они затрагивают тему критериев и целей выбора. При этом в качестве критериев выбора выдвигается максимизация человеческого блага при минимизации человеческих издержек, т. е. весьма размытый критерий: каков допустимый минимум блага и максимум издержек; что вообще такое человеческое благо и, наконец, кто имеет право отвечать на все эти вопросы?

Сложно обстоит дело с субъектом выбора. Под ним понимается, в явном или неявном виде, либо лидер - конкретная личность, наделенная властью, либо общество в целом, в совокупности его членов. В любом случае речь идет о личностном выборе. В таком случае процедура выбора - объект изучения психологии. И вопрос о том, мог ли данный субъект сделать в данной ситуации иной выбор, прямого отношения ни к истории как науке, ни к историческим закономерностям не имеет.

Конечно, субъекты различаются по степени овладения механизмами реализации выбора, именно поэтому разговор о свободе выбора неизбежно сводится к обсуждению роли лидера. А лидер, как и любой другой человек, в меру своих способностей осознает или даже воображает варианты выбора, руководствуется своими моральными (или аморальными) принципами, преследует свои цели доступными ему средствами. Это - не историческая задача, или, по крайней мере, не принадлежит к числу основных задач исторического исследования. Владение же механизмами реализации выбора определяет степень воздействия личности на исторический процесс, и тогда задача по своему характеру исторична.

Значит ли это, что я абсолютизирую роль личности в истории? Отнюдь, даже наоборот. Личность социально и культурно детерминирована, она действует в рамках определенных нормативных систем, это во-первых, а во-вторых, она делает свой выбор не в изоляции, а в контексте личностных выборов других членов общества, т. е. подчиняясь социуму, вернее, воспроизводя имеющиеся в нем образцы. Никакой лидер не в состоянии реализовать свой выбор, не опираясь на готовность к нему рядовых граждан. Исторический процесс в данном аспекте представляется мне непрерывной чередой личностных выборов, совокупность которых определяет тенденции развития общества. Постоянные столкновения таких выборов - источник движения.

Я вполне осознаю видимую противоречивость своей позиции: признавая жесткую детерминированность личности, я в то же время допускаю для нее свободу выбора. Но разговор о механизмах принятия решений - отдельный и специальный. Здесь же скажу, что, во-первых, система детерминаций выбора конкретного человека меняется по составу непрерывно, постоянно, в зависимости от субъективных и

объективных условий. Как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так нельзя дважды застать одну и ту же систему детерминаций. Меняется и системы приоритетов, предпочтений. Поэтому большое значение имеет момент принятия решения: то, что мы выбрали бы вчера, уже не выберем завтра. А наступление этого момента (принятия решения) для каждого индивидуально, оно зависит от скорости осознания необходимости сделать выбор, от степени информированности, социальной активности, быстроты реакции и еще от целого ряда условий.

Во-вторых, имплицитно в рассуждениях историков присутствует триада: альтернатива - принятие решения (выбор альтернативы) - реализация выбора. Здесь за всеми элементами стоит человек. А следовательно, он может осознавать или не осознавать реальные альтернативы, воображать отсутствующие альтернативы и считать их реальными. Принятие им решения детерминировано целым рядом условий, среди которых наличие осознанной альтернативы - не самое важное. Даже осознав и выбрав "правильную" альтернативу, человек может не найти - по объективным или субъективным причинам - адекватного механизма реализации выбора. Поэтому наличие альтернативы еще не означает возможности ее реализации, что в общем-то и служит одним из краеугольных камней моей убежденности в том, что могло быть так, как было.

Стремление же, сознательное или подспудное, к гиперболизации значения выбора альтернативы политическим лидером есть по сути стремление найти стрелочника. При этом не учитывается тот факт, что рядовые граждане своей личной позицией определяют, в конечном счете, возможность реализации той или иной альтернативы. Альтернативность - категория прежде всего нравственная. А если учесть, что находясь внутри каждой конкретной точки исторического процесса, невозможно определить, какая тенденция побеждает, то это обстоятельство приобретает особую гражданскую значимость.

Итак, я утверждаю, что человек мог сделать только тот выбор, который сделал. Но в таком случае, видимо, совершенно необходимо знать, какие нормативные системы и как конкретно влияют на выбор. Весьма сильны детерминанты неосознаваемых нормативных систем, реализация образцов которых доведена до автоматизма. Это происходит прежде всего потому, что для того, чтобы выйти из-под влияния такой нормативной системы, необходимо ее сначала осознать.

Мужчина, придя на свидание с женщиной, дарит ей цветы. А почему именно цветы, а не шишки, ракушки, красивые камушки? Я здесь не рассматриваю дарение полезных вещей, это немного иное, я говорю о подарке, единственное требование к которому - быть красивым. Но для того, чтобы подарить не красивый цветок, а, например, красивую лягушку, необходимо не только умозрительно осознать возможность существования других подарков такого типа, но и суметь выработать в себе восприятие неких предметов как, во-первых, красивых, а во-вторых, - пригодных для подарка. Я уж не говорю о смелости, которая нужна для того, чтобы сделать такой подарок.

Почти непреодолимо и влияние коллективных нормативных систем. Причем если мы различим в них две группы - те, которые требуют ото

всех одинаковых действий (маршировать в ногу, дружно аплодировать), и те, которые требуют реализации особых образцов в общем контексте (работа на конвейере), то заметим, что влияние нормативных систем первой группы хорошо изучено психологами и сходно с рефлексивным подражанием, а нормативные системы второй группы требуют постоянного воспроизведения одного и того же образца, тем самым со временем переходя в разряд автоматически действующих нормативных систем.

Достаточно устойчивы нормативные системы целей и ценностей. Однако в рамках совокупности нормативных систем все равно, как правило, остается место личностному выбору. Можно пойти на работу дворами, а можно по улице, можно подъехать автобусом или трамваем. Что же теперь детерминирует выбор?

И тут, пожалуй, пора вспомнить еще об одном виде детерминаций, связанном с образцами и эстафетами лишь опосредовано, - о причинно-следственных связях. Я выбираю дворы потому, что тороплюсь, улицу - потому, что на мне новое платье, трамвай - потому, что он подошел раньше и т. д. Конечно, и в этом случае я действую по образцу, но выбираю его в соответствии с реальными конкретными условиями. И тут еще один важный момент - я поступаю в соответствии не с условиями вообще, а с известными мне компонентами этих условий. Степень информированности об условиях и осознания последних - основа выбора образца.

Однако подобные рассуждения опять-таки с неизбежностью приводят к постановке нового вопроса: что такое история - наука о людях или о человечестве? Если это история людей, то сделанные выше наблюдения, видимо, имеют право на существование. Если же нет, то какое может иметь значение анатомирование моего желания проехаться на автобусе?

Но что такое человечество как субъект исторического процесса? И что такое его выбор? Об этом мы поговорим в следующем параграфе.

Сейчас же хотелось бы остановиться еще на двух аспектах данной проблемы. Во-первых, я безоговорочный сторонник положения, согласно которому народ имеет того правителя, которого заслуживает. Во-вторых, правитель, лидер делает тот выбор, который он может сделать в рамках данных систем эстафет и нормативов в данный конкретный момент. С этой точки зрения он не бывает ни в чем виноват. При этом я имею в виду не уголовную, административную или какую-либо иную ответственность за совершенные деяния, а невиновность именно с исторической точки зрения. Виноват народ (правда, содержание этого понятия каждый раз требуется конкретизировать), который допускает принятие того или иного решения.

Высказывая такую точку зрения, я регулярно встречаюсь с возражением, что она справедлива только в том случае, если народ имеет реальную возможность выбора. Однако народ всегда имеет возможность выбора, если не в виде выборов как таковых, то в каком-либо ином варианте. Революции, царубийства, восстания, импичменты - это все варианты реализации выбора правителя. А если учесть, что под выбором правителя имеется в виду не выбор конкретного лица - Петра Первого или Владимира Путина, - а

политики, то возможности для реализации выбора еще шире – на правителя можно воздействовать не только снятием его с поста, казнью или убийством, но и восстаниями, стачками и другими формами сопротивления его политике. И тогда, хотя личность правителя останется той же, изменится его политика.

Поэтому можно переформулировать начальное высказывание следующим образом: народ имеет не столько "того", сколько "такого" правителя, какого он заслуживает. Отрицание этого положения, на мой взгляд, свидетельствует о стремлении не нести никакой ответственности за события, происходящие вокруг человека.

Говоря о личной свободе выбора И. М. Клямкин отмечает: "Степень этой свободы тем выше, чем более индивидуализированным является характер деятельности, способ самовыражения человека. И она тем меньше, чем ближе он по роду занятий соприкасается с деятельностью и интересами больших масс людей. Поэтому она является максимальной в искусстве и минимальной в политике. Особенно если политику приходится действовать в условиях, когда большинство пребывает еще в исторических границах другой, неличностной, неиндивидуальной культуры и потому не самодетерминирующейся на уровне индивида" (2).

И еще один аспект. Говоря о роли личности в истории, особенно понимая под личностью политического лидера, всегда следует различать личность и маску, конкретного человека и его политическую роль. В общественном сознании существует набор "типажей" правителя, при помощи одного из которых и опознается данный конкретный правитель. И это опознание далеко не напрямую связано с характером и личными качествами самого человека. Борис Годунов вовсе не был пожирателем детей, Александр I – властитель, конечно, лукавый, но далеко не слабый, а Николай II, по свидетельству людей, близко его знавших, был мягкосердечен и сентиментален, но далеко не кровав. В последней главе данной работы я попытаюсь показать, насколько Григорий Отрепьев не был предателем и мелким авантюристом.

При этом интересно, что "личные качества лидера тут играют отнюдь не решающую роль, культ может сложиться и вопреки им" (3).

Однако маска, приписываемая тому или иному человеку, выбирается, конечно, не произвольно. Она объясняет поступки и действия не одного только лидера, но и всего механизма власти, отчасти тем самым мистифицируя и одновременно мифологизируя последний. Стремление к персонификации власти уходит корнями вглубь веков, действительно в мифологическое сознание. Но оно живо и сегодня.

Л. Гозман и А. Эткин указывают на весьма важное для нас обстоятельство: "Никакая мифология не имеет конкретного творца. Картина мира тоталитарного сознания тоже не имеет автора. Тираны не могут претендовать на это авторство. Скорее наоборот, сами они, какими мы их знаем, являются ее порождениями" (4). Говоря о том, что мифологическое сознание в частности порождает веру в бессмертие лидеров, авторы отмечают: "Не исключено, что сами лидеры разделяли эти идеи, хотя никто не узнает о том, до какой

степени они осознавали их. Не случайно, наверно, что мало кто из руководителей тоталитарного толка позаботился о преемнике" (5).

Итак, необходимо различать личность, маску и персонифицированную власть. А также учесть еще одно: механизм власти – вещь сложная, вдаваться в подробности его анализа здесь не место. Но одно могу сказать точно – лидер либо соответствует этому механизму, либо подчиняется ему, либо механизм его сминает. Роль личности, конкретного человека здесь минимальна. Она детерминирована столь существенно, что места личностному (не субъективному, а именно личностному) фактору не остается.

И в этой связи мне кажется справедливым высказывание А. С. Сенявского: "Сталинизм (в его развитой форме 30-х – начала 50-х годов) появился не потому, что этого захотел Сталин, а потому, что с определенного момента он и не мог не появиться, хотя бы олицетворялся и иными именами" (6).

Подведу итоги.

В рассуждениях по поводу альтернатив в историческом процессе часто встречается аргументация, состоящая в том, что субъективный фактор рассматривается как фактор определяющий или обуславливающий выбор альтернатив. При этом неизбежно следует вывод, что данный фактор следует рассматривать как нечто, не включенное в ткань исторического процесса и следовательно с ним не связанное вообще или связанное лишь частично. Образно говоря, субъективный фактор сидит на берегу реки – исторического процесса – и, наблюдая за течением, время от времени вмешивается в последнее с целью ускорить или попытаться изменить направление. Эта позиция представляется принципиально неверной: субъективный фактор может рассматриваться только как элемент исторической реальности, как ее порождение, ею же детерминированное.

Наиболее очевидна эта детерминация при анализе субъективного фактора с помощью таких теоретических оснований как концепция социальной памяти Ребана, теория социальных эстафет Розова, теория фреймов Минского да и просто понятия "традиция".

Известно, что распознавание реальной ситуации возможно только на основе имеющегося исторического опыта, так сказать, накопленного "банка" предшествующих ситуаций. С другой стороны, наличие банка предшествующих ситуаций в значительной степени создает предпосылки для возникновения альтернатив. И вопрос здесь заключается в том, являются ли накопления банка достаточными. В то же время в рамках субъективной деятельности происходит накопление банка исторически апробированных приемов и методов трансформации предшествующих ситуаций и их переосмысления.

Однако даже исторически детерминированные трансформации в рамках субъективного фактора не могут оцениваться чрезмерно высоко. Дело не только в том, что не может быть предложено ничего кардинально нового, но и в том, что поддержание дееспособности старого, хорошо отлаженного механизма требует несоизмеримо меньше усилий и затрат, чем приведение в действие и отладка нового. В силу этого "массовидность" субъективного фактора, его активность и т. п. не может оцениваться безотносительно к степени устойчивости реализуемого варианта.

Еще один полемический перекося в дискуссиях по проблеме альтернативности в истории – подмена субъективного фактора личностным. В то же время разница между ними значительна и, на мой взгляд, очевидна: если субъективный фактор полностью детерминирован историческим процессом, то личностный может давать и дает единичные "выбросы". Но личностный фактор функционирует только в рамках субъективного.

Однако при этом не следует забывать, что субъективный фактор может быть персонифицирован, что особенно заметно при оценке степени влияния на выбор альтернатив деятелей "верхнего эшелона власти". Здесь я предложила бы ввести понятие системности субъекта. Степень включенности личности в конкретную систему определяет и степень ее детерминированности историческим процессом.

И последнее. Говоря о выборе альтернатив и о роли в нем субъективного фактора нельзя не задаться вопросом, на чьи плечи ложилось бремя этого выбора. Субъективный фактор выбирать не может. Осознав ситуацию, выбор может сделать личность. Субъективный фактор, проявляясь через совокупность личностей, не только выдвигает альтернативы, но и порождает борьбу за их реализацию (7).

3. Эстафеты и альтернативность исторического процесса

Прежде всего отмечу, что при решении вопроса об онтологическом статусе альтернатив в историческом процессе я занимаю следующую позицию: случайность – это непознанная закономерность. В силу этого ни о каком случайном повороте событий я говорить не считаю возможным.

В то же время это не означает, что я отрицаю саму возможность вариативности исторического процесса, однако понимаю ее следующим образом: исторический процесс в целом состоит из совокупности процессов более частного характера. Каждый из этих процессов закономерен в рамках самого себя и процессов более низкого уровня общности, однако по отношению к процессам более высокого уровня общности он может выступать как случайный. Условием возникновения альтернативной ситуации выступает пересечение двух и более закономерных процессов.

Представляется важным учесть, что в целом по историческому процессу сложно говорить о каких-либо периодах неодолимости исторического процесса или же его вариативности. Альтернативы присутствуют постоянно, но на разных уровнях общности процессов, являющихся составной частью исторического процесса в целом. Причем это появление альтернатив – явление не хаотическое, а упорядоченное при помощи механизма выбора.

Так, принятие решения или осуществление выбора альтернативы на некоем достаточно высоком уровне общности (быть или не быть войне) порождает вариативную ситуацию на более низком уровне (где быть, когда, какими силами). Принятие решения на этом уровне приводит к возникновению альтернатив на следующем уровне (кто возглавит, в котором часу и пр.) и т. д.

Естественно, подобное снижение уровня общности альтернативных ситуаций неизбежно приведет нас к альтернативам на уровне деятельности отдельного субъекта, отдельной личности. И здесь можно задаться вопросом о критерии историчности альтернатив. Этот вопрос может и должен решаться только в рамках вопроса о критериях исторической значимости вообще.

Уже упоминалось, что исторический процесс в целом состоит из совокупности более частных процессов. Эти процессы протекают с разной скоростью и обладают разными пространственно-временными особенностями. Особенно велика разница между скоростью возникновения экономической ситуации, политической динамикой и их осознанием. Как мне кажется, в этой разнице скоростей кроется, в частности, причина неудачи реформ 60-х гг. прошлого века и неизбежность периода застоя. Должна была не только возникнуть ситуация экономического кризиса, но и произойти его осознание, а осознание всегда отстает.

В разговоре об альтернативной истории в ряде случаев забывается вопрос о дальности действия альтернатив. Если бы Наполеон завоевал Россию, это еще не значит, что мы до сих пор жили бы во Франции. Абсолютизация роли выбора альтернатив приводит к ослаблению внимания к тому обстоятельству, что они возникли в ходе пересечения закономерных процессов, которые могли быть трансформированы, приторможены, но не могли исчезнуть вообще.

Это позволяет сформулировать ответ на вопрос о том, что есть альтернатива в историческом процессе, несколько по-иному: альтернативные варианты – это формы проявления одного и того же закономерного процесса. Поэтому когда что-либо в истории кажется нам случайным, вспомним: случайность – это непознанная закономерность.

Усиление интереса к альтернативам привело к существенному размыванию этого понятия. Сегодня под альтернативой понимается все, что угодно: и развилка на пути исторического процесса, и способность мышления к оценке вариантов, действительных или воображаемых, и потенциальная возможность выбора, и некая противостоящая победившей сила. В то же время указывается, что альтернативы могут быть использованные и неиспользованные (хотя во втором случае чему они альтернативы?), что они могут качественно изменяться, что может наличествовать или отсутствовать возможность их реализации. Такая разноголосица мнений требует хотя бы формальной стандартизации понятия или, по крайней мере, анализа его употребления.

Для начала приведем некоторые взгляды на исторический процесс в целом.

Ю. П. Лисовский отмечает: "... исторический процесс движется некими спазматическими толчками, этапами развития и определяется собственной системой парадигм – условий развития. Развитие в данном направлении продолжается до тех пор, пока не истощаются его ресурсы и не возникают новые условия, требующие новой парадигмы. Этапы развития завершаются обычно ломкой, взрывами, мутационными сдвигами. Именно в узловых точках происходит вызревание альтернативных направлений развития... исторический процесс можно

условно представить себе в качестве своего рода бесконечной дихотомической цепочки, где каждая точка мутации выбрасывает по меньшей мере две альтернативы, из коих одна - реально осуществившаяся, а другая - эвентуальная, но в силу тех или иных причин не реализовавшаяся. Каждая из альтернатив представляет собой синтез тех или иных, основанных на опыте прошлых концепций, национальных традиций, сложного переплетения старого и нового, формируется под влиянием идеологий и под воздействием исторических личностей" (8).

В этом фрагменте весьма показательна тенденция к "одушевлению" абстрактных понятий, наделение их способностью действовать: исторический процесс движется, условия возникают и требуют, точка мутации выбрасывает альтернативы. Это весьма распространенный тип изложения, и в данном случае не он главное. Главное, что скрывается (не только в данном фрагменте, но и в любых текстах с аналогичным принципом изложения) за ним - теологичность восприятия исторического процесса, при котором что-то как-то происходит, кто-то что-то выбирает, кто-то кое-где у нас порой...

Гораздо ближе мне позиция И. М. Клямкина: "Неприятие концепции альтернативности не означает и того, что большие и малые социальные группы лишаются исторического выбора. Более того, они, как и отдельные люди, обречены выбирать. Выбирают же они в соответствии со своими объективно обусловленными интересами, которые сталкиваются с другими интересами, тоже объективно обусловленными. Но какой из этих интересов окажется доминирующим, системообразующим на данный момент, в данной точке истории, предсказать невозможно; соотношение исторических сил выявляется только в их деятельности, в их непосредственном соприкосновении. В этом - драматизм истории, который, если угодно, в том и заключается, что есть выбор желаемого результата и нет альтернативности результата" (9).

Еще одно мнение, которое высказал Ю. А. Левада: "Рассматривая альтернативы - сбывшиеся и несбывшиеся, - не стоит все же подходить к истории как к сети железных дорог с узловыми станциями, от которых расходятся предопределенные маршруты. История - поле, где возможны самые различные направления движения, более или менее вероятные. А вероятность эта в конечном счете зависит от соотношения социальных сил в тот или иной момент... Место Клио в образной системе историка заменяет поезд, движение которого можно лишь ускорить или затормозить... Мне кажется, идея однолинейности укрепилась в умах потому, что отечественная история представлялась серией "задач", которые надо было "решать" (10). Мне очень близка идея, что исторический процесс не может иметь цель, не может решать задачи. Это удел людей, а не безликой силы.

И еще одно. За последний век в истории нашей страны прошла полоса выбора "не тех" альтернатив. В чем дело? На мой взгляд - в уже упомянутой выше сакрализации этой процедуры. "Явное противоречие между непрестанной борьбой за торможение прогресса и провозглашаемыми целями всестороннего развития убеждает нас в том, что борьбой этой движет глубоко бессознательная, иррациональная

система верований, надежд и предпочтений" (11). Уже неоднократно цитированные мною авторы совершенно справедливо замечают: "Вместо анализа подлинных причин наших трудностей идет активный поиск врагов. Бюрократы и гидростроители, сионисты и кооператоры, масоны и неизвестно кто еще" (12).

Есть ли выход из создавшегося положения? По-моему, да. Он прежде всего в десакрализации понятий, в постановке реальных целей, в однозначной аргументации выбора, в создании атмосферы размеренного, планомерного, осмысленного всеми продвижения вперед. Пора стремиться не к "светлому будущему", а к гарантированному настоящему.

Ну, а что касается исторической науки, то для нее анализ альтернатив - один из рядовых, хотя пока еще слабо разработанных и распространенных методов исследования, имеющий чисто прикладной характер. Он позволяет определить не то, что могло бы быть, а почему не могло быть иначе, чем было.

Однако дискуссия об альтернативах имеет уже то методологическое значение, что позволяет понять многоплановость исторического процесса. В рамках данной эстафеты, при воздействии конкретной нормативной системы выбор образца закономерен. Но вот пересечение двух образцов может быть случайным. Человек вполне закономерно идет на работу. Расшатавшийся кирпич вполне закономерно падает. Но вот то, что эти две закономерности пересекаются - уже случайность. И вообще, случайность есть непознанная закономерность. В этом особый смысл и актуальность изучения механизма передачи эстафет.

Признание многоплановости исторического процесса заставляет меня, в частности, не согласиться с теорией ускорения исторического процесса Б. Ф. Поршнева (13). Хронология исторического прогресса, построенная на основе прогресса технологического, как у Б. Ф. Поршнева, действительно свидетельствует о его ускорении. Однако у исторического прогресса есть и другая сторона. Его можно рассматривать как взаимодействие идеи, образца, и ее реализации. Если обратиться к высказываемой, в том числе и Б. Ф. Поршневым, идее о том, что человеческая деятельность есть по преимуществу деятельность по образцам, то можно говорить о разных типах образцов - мышления и действия, или идеи и ее реализации. При этом реализация идей и обуславливает технологический прогресс.

Разные типы образцов обладают и разной скоростью распространения. Особенно это касается образцов-идеалов, т. е. таких идей, реализация которых связана со значительными трудностями. Здесь интересен и такой момент, как скорость порождения идей - она в ходе исторического прогресса либо падает, либо остается на одинаковом уровне, что связано с качественным скачком в развитии человеческого сознания, впоследствии существенно не меняющегося. Можно предположить, что в первый период после качественного скачка скорость порождения идей монотонно увеличивалась в связи с освоением человеком новых "мощностей" своего мышления, пока не был достигнут оптимум. Дальнейшая динамика порождения идей связана с необходимостью

решать нестандартные задачи. Здесь можно сделать некоторые любопытные наблюдения.

Во-первых, нестандартных задач тем больше, чем ниже уровень развития техники и технологии. В этом смысле труд земледельца требует значительно большего числа новых идей и, соответственно, интеллектуальных усилий при использовании сохи, чем при использовании трактора. Это связано с большим противостоянием человека и окружающей среды в первом случае, причем последняя еще может достойно сопротивляться человеку и ставить его в экстраординарные условия. Во-вторых, число нестандартных задач скачкообразно возрастает в связи с освоением некоторой новой области деятельности - металлообработка в древности, космические исследования на современном этапе. Это позволяет предположить, что скорости прогресса технологического и прогресса идей отнюдь не находятся в прямой функциональной зависимости.

Если же попробовать оценивать прогресс идей не по числу нестандартных решений, а по доле членов общества, вовлеченных в принятие этих решений, то и здесь ситуация неоднозначна. С одной стороны, параллельно с усложнением социальной структуры общества уменьшается доля его членов, принимающих участие в нестандартных решениях. При этом исключаются из их числа как верхние слои общества - аппарат управления и власти, - так и нижние - слои непосредственных исполнителей. С этих позиций интеллигенция - прослойка, состоящая именно из тех членов общества, которые способны и призваны решать нестандартные задачи.

С другой стороны, существенное значение имеет стандартизация как процессов производства, так и их продуктов. Понятно, что чем выше стандартизация, тем меньше нестандартных решений. В частности, на современном этапе проектировщик, обязанный, по идее, принимать нестандартные решения, вынужден работать в рамках ГОСТа, т. е. опираясь на типовые детали и стандартный (в большей или меньшей степени) процесс реализации. Дальнейшая же работа по реализации его идей идет уже по накатанному пути. Таким образом, из нескольких сотен или тысяч участников реализации нестандартного решения только очень ограниченное число людей действует нестандартно. В результате суммарная степень интеллектуализации деятельности монотонно падает.

Немаловажное значение при рассмотрении ускорения исторического прогресса имеет и усложнение социальной структуры цивилизации в целом, выражающееся, в первую очередь, в специализации отдельных стран и регионов (из всех вышеуказанных положений с необходимостью вытекает, что специализация - в любых масштабах - также тормозит процесс порождения идей).

Возвращаясь к первоначально заданной идее рассмотрения процесса ускорения исторического прогресса, я прихожу к выводу, что, во-первых, нецелесообразно брать за основу такого рассмотрения только одну из сторон исторического процесса, а во-вторых, что суммарное, по разным сторонам, ускорение исторического прогресса близко к нулю.

Отмечу по ходу изложения, что монография Б. Ф. Поршнева вызывает желание поразмышлять не только над четко

сформулированными в ней проблемами, но и по вопросам, лишь косвенно затрагиваемым автором. Поводом к этим размышлениям служит гармоничное, комплексное сочетание в одном исследовании эко- и социофакторов. В частности, к интересным выводам приводят наблюдения над формированием различных типов мировосприятия в связи с экологическими условиями жизни их носителей.

Давно уже стало традиционным противопоставление мировосприятия Востока и Запада, первое из которых ассоциируется с мирозерцанием, а второе – с мировоззрением. Не вдаваясь в детали рассмотрения специфики и содержания этих видов мировосприятия, отметим, что первое основано на диалектическом противопоставлении, а второе – на гармоническом синтезе. Близко к этому рассуждение В. Е. Ронкина: "Мне хотелось бы остановиться на роли того или иного способа общения в разных культурах. Культуры, ориентированные прежде всего на преобразование внешней среды, полагаются на сотрудничество и диалогичность. Преобразуя внешнюю среду, человек не может не противопоставлять себя ей как субъект-преобразователь объекту преобразования. Приспосабливая психику к среде, человек ориентируется на единство с ней; чем активнее идет процесс этого приспособления, тем более размытой оказывается грань между индивидуальным "я" и внешним миром, поэтому мир перестает быть "внешним".

Европейская культура отдавала предпочтение диалогу... Понятие о личности как некоем феномене, противостоящем коллективному "мы" – толпе, массе – безусловное завоевание европейской культуры... Только представление о самом себе как о безусловной ценности может породить представление о "другом" как о чем-то объективно существующем, имеющем не только свое собственное "я", но и моральное право на его сохранение и защиту. Единство с окружающим, напротив, создает представление о "единственно правильном", а это безусловное не может быть ни чем иным, как проекцией своего субъективного отношения к миру на этот же мир.

В истории России монолог-единство всегда превалировал над диалогом-сотрудничеством" (14). Соглашаясь в принципе с различием, проведенным В. Е. Ронкиным, я не могу принять его отрицательной оценки монологичности. Диалогичность всегда есть противопоставление, а поиск компромиссов всегда есть путь к монологичности.

Если же попытаться найти экологические корни их формирования, то ось Восток-Запад окажется явно не функциональной. Видимо, значительно перспективней различение зон, благоприятствующих и препятствующих человеческой деятельности. Действительно, мировоззрение должно было сформироваться прежде всего в тех условиях, где человек был поставлен перед постоянной необходимостью борьбы с природой, приводящей его к отчуждению от природы. В условиях же, где эта борьба происходила в более мягких формах или вовсе отсутствовала, в подобном противопоставлении не было необходимости, и формировалось гармоническое мирозерцание.

Любопытно, что с этих позиций новую интерпретацию может получить тот факт, что начиная с позапрошлого века в европейскую философию все активнее проникают "восточные" мотивы (особенно

заметные в экзистенциализме), а также усиливается интерес к различным восточным религиям. Если исходить из экологических соображений, то это может быть объяснено тем простым фактом, что в связи с достигнутым уровнем развития техники и технологии противостояние человека и природы стало неактуальным из-за безоговорочного поражения последней. А вслед за снятием актуальности противостояния последовало и смягчение мировоззрения в сторону мирозерцания. Конечно, это лишь гипотеза, да и рамки данной работы не позволяют весомо ее аргументировать, но я привела ее лишь как пример порождающей силы концепции Б. Ф. Поршнева.

И последний момент, который хотелось бы отметить в связи с этой монографией – методологическое значение тезиса автора о том, что прогресс, предполагая последовательное устранение и пересиливание чего-либо противоположного, является одновременно регрессом этого обратного начала. Значит, в ряде случаев для того, чтобы понять, что именно появляется и развивается, следует выяснить, что угасает и исчезает. Этот подход не является пока общепринятым, хотя мне кажется, что он таит в себе большие познавательные возможности. И исследование Б. Ф. Поршнева – одно из убедительных тому доказательств.

Впрочем, число аргументов можно увеличить. Так, весьма перспективно применение этого тезиса при анализе погребальных обрядов, где с течением времени наблюдается переход от относительно простых "иероглифических" форм к более сложным и соответственно труднее интерпретируемым полисемантическим формам. Аналогично удобен он и при изучении изменений в археологической культуре в связи с миграцией ее носителей, когда смена экологических условий с необходимостью диктует замещение отдельных ее элементов, например, деревянных срубов каменными обкладками, примеси супеси в глине примесями угля и т. п. В историческом исследовании, объектом которого являются усложняющиеся с течением времени структуры, подобный подход может оказаться путеводной нитью, в ряде случаев единственной.

Но вернемся к историческому процессу. Мне хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство. В свое время получила скандальную известность разработка М. М. Постникова и А. Т. Фоменко, в которой делалась попытка доказать, что античность – плод выдумки средневековых писателей (естественно, я излагаю их кредо весьма упрощенно). Такой вывод делался на основании выявленных повторов в историческом процессе. Конечно, интерпретация подобных параллелизмов как результата вымысла антинаучна. Но факт остается фактом – такие параллелизмы существуют, и им должно быть найдено объяснение. Представляется, что это еще один весьма важный аргумент в пользу необходимости поиска специфических, конкретно-исторических закономерностей.

1. И. А. Гобозов. Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987
2. XX век: альтернатива развития. – Рабочий класс и современный мир. 1989, № 1, с. 65
3. Ю. Крышук. Нева. 1989, № 7, с. 151

4. Л. Гузман, А. Эткинд. От культа власти к власти людей. - Нева, 1989, №7, с. 160
5. Там же, с. 163
6. XX век..., с. 66
7. Там же, с. 62
8. Там же, с. 65
9. Там же, № 2, с. 78 - 79
10. Л. Гузман, А. Эткинд. Ук. соч., с. 162
11. Там же, с. 161
12. Б. Ф. Поршнев. О начале человеческой истории. М., 1974; О. Р. Квирквелия, Ю. П. Черносвитов. Концепция Поршнева и комплексный подход к изучению ранних этапов человеческой истории. - Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1987
13. Там же, с. 23
14. XX век..., с. 83

Глава 6

"АТОМАРНЫЙ" УРОВЕНЬ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: АВТОРСКАЯ ПРАКТИКА

Вопросы поиска образцов в ходе анализа исторических исследований были уже существенно затронуты в 3 главе данной работы. В этой же главе мы рассмотрим несколько примеров из личной практики.

Историография (понимаемая как история исторической науки) имеет ту же структуру, что и сама историческая наука. Наиболее существенно различаются историография истории и историография источниковедения. Моя конкретно-историческая специализация - источниковедение, поэтому и приводимые мною примеры - из области историографии источниковедения.

Изначально было определено, что в данной работе история рассматривается как наука - со всеми вытекающими из этого следствиями, а именно: признается, что она имеет свою теорию, методологию, методiku и пр.; свою аксиоматику, гипотетику, критерии верификации и пр. Однако одного признания мало, необходимо их выявить в конкретных исследованиях, взятых как по отдельности, так и в совокупности. В первом сюжете делается попытка определить методологические основы кабинетного этапа в археологии на базе размытого множества работ. Во втором сюжете анализируется роль гипотетики и аксиоматики в источниковедческом исследовании и тенденции ее трансформации в изучении Повести временных лет. Третий сюжет обращен к другой стороне - роль эмпирического материала (исторических источников) в исследовании.

Естественно, что приводимые примеры ни в коей мере не характеризуют ситуацию в историографии в целом, они отражают лишь спектр моих личностных интересов в этой области.

1. Археологические исследования - кабинетный этап

Традиционно археологическое исследование делится на два основных этапа - полевой и кабинетный. На полевом этапе проводятся собственно раскопки и первичная обработка материала. Методика полевого этапа исследования не только достаточно хорошо отработана, но и приобрела вид учебников и методических указаний. Здесь налицо значительная стандартизация и унификация, а следовательно, и воспроизведение образцов.

Большинство методов кабинетного исследуется базируется на интуитивной или полуинтуитивной оценки материала и возможностей его анализа. Это, казалось бы, должно приводить к разногласию мнений и способов, однако при анализе выясняется, что методы, используемые археологами, более или менее стандартны и повторяются от исследования к исследованию, даже вне зависимости от смены задач, т. е. имплицитно и, видимо, зачастую неосознанно они воспроизводят один и тот же образец. Это, с одной стороны, обусловило возможность постановки ряда методологических задач, а с другой - потребовало специального исследования в поисках этого образца (1).

Анализ исследовательской процедуры логичнее всего вести по ее компонентам. Таковыми являются: а) исследовательская задача; б) выбор исходных гипотез; в) совокупность исходных предварительных знаний, в том числе и теоретических; г) методы и средства проверки гипотез; д) конечный результат - новое знание (2). В поисках конкретных примеров я буду неоднократно обращаться к очень интересной, порой даже увлекательной (насколько это возможно для научного исследования) монографии И. Н. Хлопина (3).

Она привлекла мое внимание тем, что в отличие от большинства работ в ней излагаются положенные в основание исследования аксиомы и гипотезы, а также в достаточной степени последовательно описываются получение результатов и их интерпретация. В то же время хочу подчеркнуть, что ни в коей мере не берусь судить о качестве конкретно-исторических выводов, полноте охвата материала и прочих содержательных характеристиках исследования. Меня интересовала лишь формальная сторона анализа катакомбных погребений и связанного с ними погребального обряда.

Совершенно очевидно, что исследователь, приступающий к работе над конкретным материалом, имеет определенный запас профессиональных знаний, позволяющий ему, во-первых, оценить этот материал как археологический, а во-вторых, выстроить по отношению к нему некую систему предположений. Эти знания априорны по отношению к конкретному материалу, значит, не базируются на трансформации, которую он содержит. Именно эти априорные знания мы будем в дальнейшем называть аксиомами.

В монографии И. Н. Хлопина есть такое предложение: "... "Тот свет" представляется определенному обществу в виде идеального слепка действительности материального бытия, поскольку первобытные люди вряд ли могли вообразить мир, принципиально отличный от того, в котором жили" (4). Эта внеисточниковая гипотеза положена в основание целого комплекса гипотез, связанных с занятиями населения, его хозяйством, взаимоотношениями и т. д. В частности, она определяет и возможность реконструкции типа жилища по

погребальному сооружению, которая базируется также на источниковой аксиоме, согласно которой "основными строительными материалами были камень и дерево... Их употребляли на сооружение склепов, их же использовали для постройки жилищ" (5). Не споря в целом с этим постулатом, отмечу, что здесь сказывается образец восприятия: если есть отражение, то должно быть отражаемое.

В результате же исследования априорные знания подтверждаются или опровергаются, трансформируются в той или иной степени, и мы имеем дело уже со знанием, включающим в себя информацию, извлеченную из материала.

Взаимодействие исследователя и материала можно условно назвать "распознаванием образов". Из этого следует, что опознаны могут быть только те образцы, представление о которых существует в концепции исследователя. Таким образом, известная доля субъективизма в исследовании, проявляющегося как в опознании реального объекта, так и в выборе системы признаков и критериев для решения вопроса о сходстве и различии объектов, неизбежна.

Отметим, что теоретические построения представляют собой не произвольный набор утверждений, а определенную, структурно строго упорядоченную систему аксиом.

Система аксиом состоит из двух подсистем - общенаучных, т. е. не проверяемых в рамках данной науки, и конкретно-научных, не проверяемых в данном исследовании, утверждений. Так, система внеисточниковых аксиом может быть реконструирована по рассуждениям И. Н. Хлопина о наличии земледелия у древнего населения долины Сумбара: 1 - долина Сумбара - центр сортового разнообразия пшениц; 2 - там не могло существовать только собирательское или скотоводческое хозяйство; 3 - произрастали пшеница и ячмень; 4 - из них делали хлеб, кашу и пиво. Заметим, что, как указывает сам автор, непосредственных свидетельств наличия земледелия не найдено.

К разряду источниковых аксиом можно отнести следующие утверждения: "одновременно погребенные мужчины и женщины... одного поколения... считаются состоящими в брачных отношениях... Есть единичные погребения женщин с младенцами или детьми раннего возраста, которыми принимаются нами за... захоронения матери и ребенка" (6). Здесь отчетливо сказывается влияние образца восприятия автора - он не может опознать в захоронениях ничего, кроме известных ему ситуаций.

Каждая подсистема и система в целом являются многоуровневыми, где уровни определяются степенью общности построений.

Знание фиксируется в форме системы утверждений и гипотез - "предложений", которые устанавливают отношения между понятиями. "Предложения" определенного уровня оперируют понятиями соответствующего уровня обобщения и выступают в виде "определяемое - отношение - определение". Определяемое в утверждении некоего уровня является определением в утверждении более высокого уровня обобщения, и наоборот - определение некоего уровня является определяемым в утверждении более низкого уровня обобщения.

Очень большое значение в исследовании имеет корректная постановка задач. Постановка задачи исследования, для решения

которой требуется пересмотр системы утверждений, является некорректной. При этом под пересмотром будем понимать не опровержение или трансформацию, а вообще верификацию. Это означает, что задача должна быть сформирована на том уровне обобщения, который проверяется в данном исследовании и по отношению к которому система утверждений выступает порождающей. Задача есть гипотеза наиболее высокого для данной системы уровня обобщения гипотез, и она сама выступает порождающей по отношению к гипотезам более низкого уровня. Гипотеза низшего уровня обобщения должна быть обращена непосредственно к материалу, в противном случае задача также сформирована неверно.

Взаимодействие гипотезы и аксиомы можно наглядно продемонстрировать на примере рассуждений И. Н. Хлопина об устройстве кенотафов: "Инвентарь в них расположен так, как будто присутствовал сам объект погребения. Разумеется, то была кукла из органического материала, одетая надлежащим образом и положенная на дно погребальной камеры... Вокруг куклы были расставлены сосуды и разложены вещи, но от нее самой ничего не сохранилось" (7). Связь с конкретным материалом здесь осуществляется только через расположение инвентаря, который, однако, сам по себе подтверждением наличия (изначального) куклы не является, и таким образом это построение есть гипотеза, основанная на аксиоме, что данное погребение – кенотаф. Известный исследователю образец захоронения с наличием погребенного послужил здесь образцом восприятия.

Система гипотез, также как и система утверждений (аксиом), является многоуровневой по степени обобщения построений. Различие здесь состоит лишь в том, что и определяемые, и определения принадлежат к сфере археологии и данного конкретного исследования, в силу чего могут и должны быть проверены, верифицированы на материале.

Верхний уровень системы гипотез смыкается с нижним уровнем системы аксиом, т. е. определяемое верхнего уровня гипотез является определением нижнего уровня аксиом. Этим осуществляется связь между внеисточниковым и источниковым знанием в системе утверждений. Это означает, что гипотеза верхнего уровня, не будучи верифицирована, вступает в противоречие с системой аксиом, в результате чего следует смена или глобальная трансформация последней.

В процессе исследования гипотеза вступает во взаимодействие с конкретным материалом. Это происходит на нижнем уровне системы гипотез обращением непосредственно к материалу. Определения гипотезы данного уровня характеризуются тем, что они могут быть конкретно опознаны в реальных объектах. Взаимодействие гипотезы и материала служит основой верификации гипотез, о чем речь впереди. Сейчас отметим только, что гипотеза, нашедшая подтверждение в материале, становится утверждением (для данной системы утверждений).

Необходимо учесть, что в системе аксиом и гипотез могут находиться "боковые" построения, т.е. не продиктованные данным теоретическим основанием и более того, вообще не относящиеся к

сфере данной науки (в нашем случае - археологии), а также не вырастающие из данного конкретного материала. Это относится в первую очередь к данным, предоставляемым естественными науками и относящимся к изучению биосферы. Такие данные получены при анализе процессов и явлений, не относящихся к объектам археологии, методами, не являющимися археологическими, и интерпретированы вне системы археологического знания. По сути дела, эти "боковые" построения выступают в археологическом исследовании в качестве аксиом, хотя в рамках своих наук они могут быть и гипотезами. Такие построения не подвергаются ни анализу, ни тем более проверке в рамках археологического исследования. Принцип И. Н. Хлопина, по которому в тех случаях, когда "антропологическое определение расходится с тем, которое можно сделать на основании погребального инвентаря... предпочтение отдается погребальному инвентарю" (8), в методологическом аспекте является некорректным, так как сведения других наук, введенные в археологическое исследование в качестве "боковых" аксиом, проверке не подлежит. При этом, естественно, мы считаем, что данные сведения достоверны, т. е. у исследователя-археолога нет оснований не доверять способу их получения.

"Боковые" построения могут находиться на любом уровне обобщения. В отличие от аксиом теоретического основания исследования, они выступают и как дополнительные сведения по интересующему археолога вопросу, и как некие нормы и константы (санитарные нормы площади жилища, нормы необходимого количества продуктов питания, нормы урожайности различных видов почв и т. п.). Аксиоматичность "боковых" построений требует пристального по отношению к ним внимания исследователя, по крайней мере - понимания их содержания и принципов организации.

Особую значимость проблеме формирования языка описания источников придает тот факт, что конкретный материал не может быть введен в исследование в своем естественном, предметно-орудийном виде. При этом система терминов столь же многоуровневая, сколь и система аксиом и гипотез, причем наличествует взаимно однозначное соответствие между уровнями этих систем. Тогда реально предположить, что теоретические термины можно разделить на обще- и конкретнонаучные. При этом в общенаучных утверждениях в качестве определяемого выступает общенаучный термин, а в качестве определения - конкретнонаучный. В конкретнонаучных утверждениях определяемое - конкретнонаучный термин, а определение - эмпирический.

Эмпирические термины можно в свою очередь разделить на обобщенные и конкретные. Определениями в конкретнонаучных утверждениях служат обобщенные термины, определяемые на уровне гипотез терминами конкретными.

Эмпирические термины могут быть разделены и по другому принципу - на обыденные и источниковые. Если первый принцип деления позволяет нам конкретизировать взаимосвязь между уровнями системы аксиом и гипотез и системы терминов, то второй - понять порождающую роль терминов по отношению к понятиям (аксиомам и гипотезам). Поскольку эмпирические термины вводятся из жизненного

опыта, практической и профессиональной деятельности исследователя, то они не увязаны в систему аксиом и, будучи "опознаны" в материале, сами порождают целый пласт гипотез, в основании которого лежит аксиома о наличии данного элемента в материале.

Такова, например, роль ножа, принимаемого И. Н. Хлопиным за ковровый, в истории ковроделания; сосуда, опознанного как хумча, в определении сакральной роли воды в погребальном обряде и т. п. Предположение о неверности такого рода опознавания приводит к лавинообразному пересмотру всей порожденной им системы гипотез.

Система аксиом и гипотез представлена в определенной знаковой системе - языке (в данном случае неважно, естественном или формальном) и оперирует определенным набором знаков - терминов. Назовем совокупность терминов системы словарем. В словаре также можно выделить два пласта - назовем их условно "активным" и "пассивным". Под вторым будем понимать термины, полностью или частично не определяемые в рамках данной науки, концепции или системы. Они могут относиться как к самым верхним, так и к самым нижним уровням системы. На верхних уровнях располагаются общенаучные термины, на нижних - конкретнонаучные. Появление в "предложении" "пассивного" термина свидетельствует либо о том, что данное "предложение" есть аксиома, либо о том, что оно сведено к нулевому для данной системы уровню обобщения. К "пассивным" относятся также термины отношения.

"Опознание" или же описание элементов материала происходит в терминах словаря системы аксиом и гипотез. Рассмотрим эту процедуру подробнее. На основании априорных данных исследователем выдвигается гипотеза, которая неизбежно оказывается гипотезой некоего уровня и оперирует соответствующим набором понятий - словарем. Далее гипотеза вступает во взаимодействие с конкретным материалом. Для этого материал расчленяется на элементы (признаки), и для каждого из них исследователь подбирает термин из словаря гипотез.

Из всего вышеизложенного можно сделать два основных вывода: 1 - описание материала есть понятийный аналог системы аксиом и гипотез; 2 - именно в языке описания материала происходит взаимодействие теоретического и эмпирического уровней знания.

Зависимость описания реального материала от системы аксиом и гипотез, от знаний, накопленного опыта и мировоззрения исследователя ставят со всей серьезностью вопрос о принципах верификации гипотез. Что же может служить критерием их достоверности? Естественно, соответствие анализируемому материалу. Собственно, работа исследователя над материалом и заключается в создании и трансформации иерархической системы гипотез с целью приведения ее в соответствие с данными, содержащимися в источниках. В рамках предлагаемой здесь системы гипотеза становится утверждением, т. е. получает подтверждение в материале, если ее словарь однозначно покрывает все множество элементов материала. Это означает, что все определения гипотезы "опознаны" в элементах материала и при этом "неопознанных" элементов в материале не оказалось.

Если же верификация данной гипотезы дает отрицательный результат, то рассматривается соотношение материала и гипотезы другого уровня или альтернативной гипотезы того же уровня. В случае глобального несоответствия гипотеза трансформируется, в нее включаются новые определения или же исключается часть исходных. Естественно, что этот процесс не носит механического характера, т. к. введение новых определений требует и дополнительных построений, определяющих их, а исключение части исходных – исключения их из всех построений, как более высокого, так и более низкого уровня.

Практически процесс формирования описания материала начинается с одного из достаточно низких уровней источниковых гипотез. Основное движение происходит по уровням вверх, в плане все большего обобщения материала, хотя возможны и переходы вниз с целью пересмотра и упрочения основания для верификации гипотез более высокого уровня. Движение происходит дискретно, шагами, – происходит взаимодействие гипотезы и материала, гипотеза в случае необходимости трансформируется, фиксируется описание материала на данном уровне (гипотеза становится утверждением), затем происходит переход к гипотезе следующего уровня.

Необходимо отметить также ряд обстоятельств. Предложенная модель описания археологического материала инвариантна относительно археологической типологии. Отметим также, что не существует абсолютной шкалы уровней утверждений и, соответственно, понятий. Вся иерархическая система утверждений определяется конкретной задачей исследования. И хотя отдельные понятия, утверждения и даже группы утверждений, порожденные разными проблемами, могут совпадать, но, будучи включенными в различные структуры, ориентированные на разные задачи, они оказываются несопоставимыми по уровню обобщения. И последнее. Я не рассматриваю вопрос о соотношении языка описания и анализа с исторической реальностью, а ограничиваюсь построением модели логически строгого формирования языка описания археологического материала.

Интерпретация же результатов начинается с вопроса о том, что именно понимается под результатами. Здесь возможны два ответа – под результатом понимается только конечный, итоговый вывод из анализа системы гипотез, и под результатом может пониматься каждая отдельная верификация гипотезы. Второй путь представляется более верным в силу того, что сама принципиальная возможность интерпретации является в значительной мере критерием верификации гипотезы, т.е. должна быть проверена на каждом этапе исследования.

Интересным примером поэтапной интерпретации результатов является анализ позы погребенного в катакомбах долины Сумбара. Первоначально постулируется взаимосвязь погребального обряда долины Сумбара с мифом о превращениях Ахура Мазды, и в рамках этой аксиомы интерпретируется поза погребенного на правом или левом боку в зависимости от пола. Затем, опять-таки исходя из этой аксиомы, формируется гипотеза (выглядящая, правда, как аксиома, в крайнем случае, как интерпретация; однако для первой у нее нет порождений, а для второй – тех результатов, которые могли бы быть так интерпретированы), вводящая в исследование нечто, вообще

отсутствующее в материале, - интервал возрождения покойников. Аргументом в пользу права на существование этой гипотезы служит интерпретация позы погребенного. Здесь опять-таки сказывается наличие образца восприятия у автора исследования.

Иногда под результатами интерпретации понимаются и введенные самим исследователем аксиомы: 1 - погребальное сооружение было копией жилища - аксиома, положенная в основание исследования; 2 - для помещения туда навечно тела умершего и для вечного пребывания его духа там - "боковая" аксиома по данным этнографии; 3 - в конструкции погребального сооружения нет овеществленных остатков идеологических представлений - утверждение, связанное с отсутствием требующейся системы аксиом. Можно привести целый ряд примеров интерпретации катакомб именно на уровне идеологических представлений. Здесь отчетливо видна связь интерпретации с системой аксиом, в данном случае, к сожалению, даже не опосредованная материалом.

Отметим, что учет при интерпретации не только сходства, но и различия, не только наличия, но и отсутствия позволяет в ряде случаев поставить новые вопросы, порождает новые гипотезы. Например, при анализе отсутствующих форм керамики в погребениях долины Сумбара возникает вопрос о причинах отсутствия сосудов для мясной пищи, которые сам автор, сосредоточивший внимание на анализе причин наличия других форм, не рассматривает.

Критериями истинности интерпретации могут выступать степень ее зависимости от конкретного материала (степень ее "продиктованности" конкретными данными) и ширина поля интерпретаций, т. е. количество интерпретаций, возможных на данном материале в данном исследовании.

Исходя из вышеизложенного следует основной вывод относительно методов анализа археологического материала: наиболее перспективным является применение математических методов, как в плане создания языка описания (и формализации такового) материала, так и выявления взаимосвязей и соотношения между его элементами.

Основное требование при выборе метода должно быть сформулировано так: максимальное соответствие содержательной части исследования, максимальная адекватность результата поставленной задаче.

Наиболее простым, прямым и рациональным способом достижения этого является базирование математических методов на традиционных приемах, построение системы описания объектов на собственно археологических характеристиках. Генетическая связь формально-логических и традиционных методов археологического исследования, как мне кажется, - наиболее перспективный путь внедрения новых методов в археологию, позволяющий апробировать точные методы в традиционно гуманитарных областях.

2. Исследование Повести временных лет

Со второй половине 60-х гг. XX в. проникновение формальных методов в историческую науку идет все убыстряющимися темпами. Им затронуты археология и этнография, изучение собственно

исторического процесса и источниковедение. Лишь одна область исторической науки на сей день не испытала воздействия этой тенденции – историография. В данном параграфе я попытаюсь показать, что это исключение не обусловлено принципиальной неприменимостью формальных методов при изучении истории исторической науки, что могло бы свидетельствовать об отсутствии в ней образцов и эстафет. В качестве базового примера обратимся к возможности использования в ней типологии. Этот выбор обусловлен тем, что именно типологические построения наиболее отчетливо ориентированы на поиск образцов.

Для начала определим, что будет пониматься под типологией. Обычно под типологией понимается метод научного познания, в основе которого лежит обладающее определенными свойствами разбиение изучаемой совокупности объектов на группы. При этом для большей четкости будем использовать термин "типологизация" для обозначения процесса разбиения, а термин "типология" – для обозначения его результатов.

Необходимость типологизации возникает в связи с потребностью либо в упорядоченном описании множеств весьма неоднородных объектов, либо в изучении каких-либо (в зависимости от задачи) закономерностей на основе анализа таких множеств (9). В рамках наших интересов отметим, что именно типологизация, результаты которой нанесены на хронологическую ось, дает основания говорить о принципах трансформации образцов.

Существуют ли подобные потребности в историографии? По всей вероятности, первая из упомянутых задач не предельно актуальна, т. к., хотя исторические исследования и являются множеством весьма неоднородных объектов, но их описания строятся по устоявшейся содержательной схеме – период, которому посвящено исследование; регион; круг рассматриваемых проблем. И эта схема пока себя оправдывает.

Иначе обстоит дело со второй задачей. Изучение, более того, выявление каких-либо закономерностей развития исторической науки опирается, как правило, на узкий круг факторов – накопленный опыт исторических исследований; обнаружение новых данных; основная идеологическая парадигма. Но все эти факторы являются внешними по отношению к историческому исследованию и, рассматриваемые изолированно, не отражающими внутренние закономерности развития самой исторической науки в целом и в особенности ее методологии. Таким образом, актуальность второй задачи кажется мне очевидной.

Однако такое признание ставит нас перед необходимостью определить, что же именно в историографии следует подвергнуть типологизации, какие параметры исторических исследований должны быть положены в ее основу.

Как представляется, один из компонентов может включать в себя параметры, описывающие структуру аксиом и гипотез исследования. Типологизация, основанная на оценке уровня обобщения построений, степени их связи с конкретным материалом позволит выявить конкретно-научную методологию автора, принципы верификации гипотез и интерпретации результатов.

Другим направлением может быть оценка исследований по уровню их системности. Параметрами при такой типологии послужит широта охвата конкретного материала и степень "увязанности" в исследовании отдельных его элементов.

Для конкретного применения предлагаемой методики историографического анализа немаловажное значение имеет выбор проблемы, историография которой будет исследоваться. Прежде всего необходимо, чтобы она была освещена в значительном числе работ, а массив последних покрывал достаточно длительный хронологический период. Одной из таких проблем является определение источников Повести временных лет.

Далее необходимо выбрать конкретных исследователей, чьи работы будут положены в основу исследования. Я пошла по пути введения формального критерия - индекса цитирования, на основании которого, а также в соответствии с требованием хронологического разрыва между творчеством выбранных исследователей, объектами нашего изучения становятся работы А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева и А. Г. Кузьмина. В качестве корректирующих рассматривались работы А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, М. Х. Алешковского. (10)

3. Алгоритм источниковедческого исследования Иного сказания

Возможности типологии на основе данных о степени системности исследования я продемонстрирую на материалах памятника публицистики 1 пол. XVII в. - Иного сказания. Принцип подхода здесь несколько отличается от предыдущего. В качестве фактора, определяющего системность исследования, я буду рассматривать круг привлекаемых исследователями источников и степень взаимосвязанности их изучения.

В самом начале XX в. была опубликована монография С. Ф. Платонова (11), в центре внимания которой находилось Иное сказание. Для определения его места в публицистике XVII в. были привлечены такие памятники, как Повесть, како восхити..., Житие царевича Димитрия, позднее вошедшее в Минеи Германа Тулупова, Хронограф 2 редакции. Критерием верификации гипотезы о первичности того или иного памятника выступала избыточность его информации по отношению к некоему другому памятнику. С. Ф. Платонов провел последовательное сравнение Иного сказания со всеми вышеперечисленными памятниками и пришел к выводу о его первичности, т. к. именно Иное сказание оказалось наиболее полным. Необходимо учесть, однако, что избыточность Иного сказания определялась каждый раз на основании сравнения с одним конкретным текстом.

Уже в 1926 г. Е. Н. Кушева (12) существенно пересмотрела выводы С. Ф. Платонова. Ее исследование опиралось практически на тот же круг источников (за исключением Повести, како отомсти..., которой не было у С. Ф. Платонова), однако она рассмотрела их в комплексе, что позволило выявить одно чрезвычайно важное обстоятельство - избыточность Иного сказания базируется прежде всего не на оригинальности его сообщений, а на контаминации различных источников. Например, избыточность текста А по отношению

к тексту В происходит за счет включенных в текст А сообщений текста В. Избыточность же текста А по отношению к тексту В происходит за счет сообщений текста В, вошедших в состав текста А.

Вышедшая в 1974 г. статья В. И. Буганова, В. И. Корецкого и А. Л. Станиславского (13) лишь косвенно касалась Иного сказания, однако в ней отразился новый этап в развитии данной тенденции, заключающейся в том, что анализировались не столько совпадающие фрагменты текстов, сколько различающиеся.

Подобный подход позволил В. И. Корецкому (14) поставить вопрос о существовании некоего недошедшего до нас источника, отразившегося в целом ряде памятников. (**Приложение 1**).

Отметим, что хотя здесь мы имеем дело с трансформацией образца действия – сравнения текстов, – это направление совершенно не учитывает того, что сходство текстов может объясняться не воспроизведением одного и того же образца текста, т. е. переписыванием отдельных фрагментов из одного памятника в другой, а воспроизведением одного и того же образца восприятия реальности, когда реальность распознается в одних и тех же образах, в сходном контексте. Об этом мы еще будем говорить в последующих главах, здесь просто отмечу, что подобное игнорирование этой возможности существенно обедняет подход.

Таким образом, построение типологии исследований в источниковедении на базе трансформации образца позволяет сделать ряд значимых наблюдений над закономерностями развития истории исторической науки.

Ввиду отсутствия жесткой парадигмы источниковедения, существенно затрудняющего формализацию основных элементов исследования, я сделала попытку выявить алгоритм решения задачи обнаружения источников традиционными методами. Вот как он выглядит:

1 процедура: проверка анализируемого текста на однородность. Под однородностью может пониматься однородность и стилистическая, и тематическая, и концептуальная. Как правило, исследователи не объясняют детально, какие критерии положены ими в основание интерпретации результатов сравнения. Более того, представляется, что зачастую они присутствуют имплицитно и неосознанно для самих исследователей. Эта процедура относится к уровню порождения гипотез – если текст однороден, далее проверяется гипотеза о его самостоятельности, если нет – о наличии источников или зависимых текстов.

2 процедура: определение круга текстов, имеющих общие места с анализируемым памятником. В идеале эта процедура подразумевает перебор всех известных текстов, однако на практике она порождает процедуру первичного поиска.

3 процедура: первичный поиск текстов, связанных с анализируемым. Принципы организации поиска находятся в прямой зависимости от задач исследования – с ориентацией на автора, время, место создания памятника, описание определенных событий и т. п. В нашем

случае при изучении Иного сказания в центре внимания находится ориентация на описание одного и того же круга событий. Однако и после такого отбора круг текстов, нуждающихся в сравнении с анализируемым, оказывается, как правило, слишком широк. Тогда организуется поиск по информативным элементам – именам, географическим названиям, датам и т. д.

В то же время поиск просто по совокупности этих элементов и даже по их частотным характеристикам слишком незначительно сужает круг текстов, т. к. понятно, что проведенный на предыдущем этапе отсев по описываемым событиям уже в значительной степени определил набор этих элементов. Более рациональным является выявление информативных признаков в определенных фрагментах текстов или, иначе говоря, последовательность этих элементов в текстах. Сравнение в этом случае ведется по сюжетам, что, кстати говоря, уже на данном этапе позволяет определить фрагменты текстов, связанные с аналогичными фрагментами в анализируемом памятнике.

4 процедура: определение первичности фрагментов, а затем и текстов. Критериями в определении первичности выступают, в частности, избыточность информации в некоем тексте и искажения фрагмента при передаче. Кроме уже указанной выше опасности спутать исходную избыточность текста с избыточностью, порожденной контаминацией различных источников, здесь существует еще риск принять ошибки переписчиков за искажения фрагментов текста при передаче. Пожалуй, эта процедура наиболее сложная и почти полностью основана на интуиции исследователя.

5 процедура: выявление фрагментов анализируемого текста, не нашедших аналогий в других текстах, и проверка их на однородность. Если выявленные фрагменты неоднородны, поиск источников продолжается, но круг текстов, сравниваемых с анализируемым, расширяется. Если же они однородны, то вводится новая процедура.

6 процедура: проверка выявленных фрагментов на сходство с фрагментами, нашедшими аналогии в других текстах. Здесь работает новая гипотеза – если выявленные фрагменты однородны и отличны от фрагментов, источники которых обнаружены, то это либо самостоятельный авторский текст, либо отражение недошедшего до нас источника. Во втором случае далее следует реконструкция этого источника. Если же выявленные фрагменты однородны и схожи с фрагментами, источники которых обнаружены, то возможна, например, гипотеза о том, что здесь может иметь место ситуация восхождения текстов – анализируемого и сходного с ним – к общему источнику. Тогда возможен переход к следующей процедуре.

7 процедура: поиск текстов, сходных с анализируемым структурно. В основе этой процедуры лежит гипотеза, что искомым первоисточником выявленных фрагментов может быть отражен еще в ряде текстов, однако не прямым цитированием, а информационной структурой.

8 процедура: выявление и сравнение информативных элементов в структурно схожих текстах. Она аналогична второму этапу процедуры 3 и служит целям проверки гипотезы о восхождении схожих текстов к общему источнику.

9 процедура: аналогична процедуре 4 определения первичности сходных текстов.

10 процедура: на основании сопоставления данных всех схожих текстов выявляется характеристика первоисточника – содержание, структура, концепция и т.п.

Реализация процедур 1 – 10 позволяет выявить круг источников анализируемого текста и перейти к определению его характеристик.

11 процедура: выявление типа анализируемого текста или же отражения в нем определенного этапа работы автора-составителя. Таких типов можно назвать четыре: сборник, подборка, редакция, законченное историческое произведение. Критериями их определения выступает сочетание заимствованных и авторских фрагментов, концептуальная целостность памятника, коррекция сведений различных источников и т. п. Впрочем, подробнее мы будем говорить об этом в следующей главе.

12 процедура: определение целей создания анализируемого памятника и его места среди других памятников той же группы. Критериями служат степень новизны сведений и концепции, концептуальная направленность и т. д.

13 процедура: выявление интересующих исследователя характеристик анализируемого памятника. Я говорю здесь столь обобщенно, поскольку содержание этой процедуры полностью диктуется конкретной задачей исследования.

14 процедура: определение времени создания анализируемого памятника. Здесь можно выделить два этапа – локализация памятника во времени, в частности, по описываемым событиям, и по взаимосвязанным с ним памятникам – его источники определяют верхнюю границу, а памятники, источником для которых послужил данный текст – нижнюю.

15 процедура: изучение последующего бытования анализируемого памятника.

Последовательность процедур в исследованиях этого типа может быть представлена в виде блок-схемы решения (см. **Приложение 2**).

Процедуры 1, 3, 5, 6, 8 и 9 являются наиболее разработанными в области создания новых методик источниковедческого исследования.

В сфере применения новых методов исследования текстов можно выявить три направления – атрибуция текстов (процедуры 1 и 13), анализ взаимосвязи между текстами (процедуры 2 – 4, 8, 9 и 14) и анализ содержания текстов.

Естественно, предлагаемый алгоритм - равно как и любое стандартизированное описание - схематичен, неполон, не учитывает многих нюансов и особенностей. Кроме того, в конкретных исследованиях ряд процедур может быть опущен или трансформирован, порядок их может быть иным.

Подводя итоги приведенным выше рассуждениям, можно сделать вывод о перспективности использования понятий образца (в явном, вербализованном или имплицитном виде) методов типологизации и структурирования при анализе исследований в области исторической науки. Оно позволяет не только оценить степень адекватности полученных исследователем результатов изучаемой исторической реальности, но и выявить его методические приемы, реконструировать имплицитно присутствующие в исследовании теоретические и методологические построения. Это особенно важно при изучении историографии периода XIX - первой половины XX вв., когда, с одной стороны, "кухня" исследования редко проникала в конечный текст его изложения, а с другой стороны, часть изучаемых историками памятников - как археологических, так и письменных, - не дошла до нас в первоначальном виде или утрачена вообще. В этих случаях оценка степени достоверности полученных историком выводов и сделанных им наблюдений представляет особую значимость.

Немаловажную роль может сыграть применение данного подхода и при изучении закономерностей исследовательского процесса, его основных тенденций, наиболее перспективных направлений. Однако разработка конкретных методик в данной области еще далека от совершенства.

1. О. Р. Квирквелия. Методологические проблемы кабинетного исследования. - Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988; О. Р. Квирквелия, В. В. Радилловский. Некоторые методологические проблемы развития научного знания в археологии. - Там же
2. А. И. Ракитов. Историческое познание. М., 1982, с. 107
3. И. Н. Хлопин. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л-д, 1983
4. Там же, с. 72
5. Там же, с. 93
6. Там же, с. 75
7. Там же, с. 89
8. Там же, с. 75
9. Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982, с. 8
10. О. Р. Квирквелия. Типология приемов в исследовании нарративных источников...
11. С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. Спб, 1908
12. Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. - Уч. записки Саратовск. у-та. Саратов, 1926, т. 5 (14)
13. В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский. "Повесть како отомсти" - памятник ранней публицистики Смутного времени. - ТОДРЛ, т. XXVIII, Л-д, 1974

14. В. И. Корецкий. Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева. - Летописи и хроники, 2976. М., 1976; Он же. "История Иосифа о разорении русском" - летописный источник В. Н. Татищева. - ВИД, Л-д, 1973, вып. 5

Глава 7

"АТОМАРНЫЙ" УРОВЕНЬ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: АВТОРСКАЯ ПРАКТИКА

Выше, в предыдущих главах, я уже неоднократно говорила о том, что ни одну из традиционных источниковедческих задач нельзя решать, не обращаясь к анализу сходства, преемственности, традиции, т. е. относясь к источнику как уникальному. В данной главе я постараюсь проиллюстрировать это своими собственными разработками.

1. Вещественные источники

Вещественные источники используются преимущественно в археологии, а также в некоторых вспомогательных исторических дисциплинах: нумизматике, сфрагистике и пр. При этом в археологических исследованиях поиск аналогий и выявление эволюции составляют основное содержание кабинетного этапа. В связи с этим, казалось бы, нет необходимости приводить специальные примеры для демонстрации этого положения. Однако в данном случае я хотела бы выдвинуть на первый план новые аспекты исследования. И первая в этом ряду - археология каменного века. Она обладает некоторыми особенностями - массовость материала, достаточно однородного по сырью - камень, кость - при слабой стандартизации форм.

При изучении верхнепалеолитического кремневого материала археологи сталкиваются с положением, при котором основной объект изучения - кремневые орудия - составляют лишь малую долю в общем объеме материала. Остальное - "отходы производства" - каменные сколы (пластины и отщепы) и нуклеусы - материал массовый, но слабо поддающийся научному осмыслению и, казалось бы, не содержащий никаких уникальных данных. Однако это не совсем так.

Основываясь на предположении, что при изучении кремневого материала мы имеем дело с образцом действия, т. е. имеющиеся у нас сколы и нуклеусы суть результат действия по образцу, выдвинем гипотезу, что и сколы, получаемые при обработке нуклеуса, несмотря на все разнообразие форм, должны иметь нечто общее, являясь результатом воспроизведения одного и того же образца действия. При этом допустим, что имелись некие стадии обработки желвака - исходного кремневого фрагмента. Тогда сколы, сделанные на разных стадиях, будут отличаться друг от друга.

Однако эти допущения не указывают на методику анализа сколов. Здесь возможен такой подход: брюшко любого скола идентично по формам и размерам грани нуклеуса, появившейся в результате получения скола. Тогда измерив и описав грани имеющихся в материале нуклеусов, можно отобрать группу сколов, параметры

брюшка которых совпадают с параметрами граней нуклеуса, и таким образом восстановить последнюю стадию в обработке нуклеуса, или же первую в нашей реконструкции.

Далее ситуация несколько сложнее, поскольку грани сколов, сделанных на последнем этапе, - только часть исходной грани нуклеуса, с которого был сделан скол. Поэтому размеры грани сколов для реконструкции параметров брюшка сколов предыдущего этапа удваиваются. Далее следует аналогичная процедура выбора сколов с подходящими параметрами брюшка. И обе процедуры повторяются до тех пор, пока на гранях сколов не появятся остатки желвачной корки, свидетельствующей о том, что это сколы первого этапа обработки.

Такая реконструкция позволила выявить некоторые новые аспекты в изучении кремневого материала, например, установить последовательность в обработке нуклеусов и параметры сколов, сделанных на разных ее стадиях. При этом оказалось, что, во-первых, пластины с сильно вогнутым брюшком делались на ранних стадиях обработки желвака. И вообще, этот параметр - один из определяющих при отнесении скола к той или иной стадии: чем больше вогнутость, тем на более ранней стадии сделан скол. Во-вторых, выявилось два разных образца очистки нуклеуса от желвачной корки - чешуйчатыми сколами и удлиненными.

Не менее важным оказалось установить среднее число сколов, сделанных на каждой стадии с одного нуклеуса и с каждого нуклеуса в целом. Это позволило сформулировать задачу определения первоначального "объема производства". Понятно, что кремневый материал, найденный на стоянке, не репрезентативен для ее решения - сколы терялись и выбрасывались, в том числе за пределами стоянки. Однако казалось важным определить, не сколько сколов и нуклеусов найдено, а сколько было создано.

Для этого проведем простейшую операцию: сопоставим число граней нуклеусов с числом сколов, отнесенных нами к последней стадии обработки нуклеуса, и уточним данные по максимуму (это требование понятно, если учесть, что нуклеус, с которого были сделаны "лишние" сколы, или сколы с "лишнего" нуклеуса могли быть утрачены, а вот появиться "лишние" сколы и нуклеусы ниоткуда не могли). Например, если граней нуклеусов у нас 60, а сколов - 96, следовательно, 36 сколов не могли быть сделаны с этих нуклеусов. Если при этом нуклеусов 10, т.е. среднее число граней нуклеуса - 6, то на основании числа "лишних" сколов мы должны реконструировать число первоначально обработанных нуклеусов как 16 ($10 + 36 : 6$). Та же операция продельвается на каждой следующей стадии, причем при выявлении нового максимума пересматриваются данные анализа всех предшествующих стадий. Более детально эта процедура описывается в (1).

В результате мы получаем более достоверные данные о первоначальном объеме производства. Не менее важна информация о том, сколы каких стадий менее всего (относительно первоначального объема) представлены в реальном материале. Можно предположить, что уносились со стоянки прежде всего сколы, имеющие функциональное значение или превращенные в орудия. Они и должны были чаще всего теряться и ломаться.

Следующая задача, которую можно поставить, связана с количеством людей, занимающихся обработкой нуклеусов. Достаточно часто в ходе археологических раскопок по толщине культурного слоя, его насыщенности и пр. можно определить длительность существования стоянки. По ее размерам, а также по выходу полезных веществ биосферы данного региона (принципы расчета см. (2)) можно определить число ее обитателей и поло-возрастную структуру населения. Эти данные позволяют выдвинуть гипотезы о количестве людей, занимавшихся обработкой кремня.

Так, на стоянке Сванта Саване, существовавшей 10 - 15 лет, где проживало около 50 человек, найдено 60 нуклеусов. Это значит, что в среднем обрабатывалось максимум 6 нуклеусов в год. Если этим занимались все взрослые мужчины стоянки - около 18 человек, - то получается, что каждый из них обрабатывал максимум 1 нуклеус за 3 года. Эта гипотеза заведомо неверна, ибо при такой частоте воспроизведения образца действия приобретение устойчивых навыков, обучение подражанием, а тем более совершенствование техники невозможно. В то же время кремневый материал данной стоянки свидетельствует о высокой технике обработки кремня. Следовательно, занималось этим не все население, и даже не все мужское население, а весьма незначительная его часть, по всей вероятности, старики. Только тогда была реальная возможность передачи эстафеты обработки кремня.

Особое направление в археологии, связанное с изучением не отдельных памятников или вещественных комплексов, а неких глобальных исторических процессов на определенной территории, представлено в данной работе моделированием процесса урбанизации на территории Ташкентского оазиса со II в. до н. э. по XIII в. н. э. (3).

Археология современности как таковая - достаточно редкое явление в отечественной исторической науке. А жаль.

Как я уже писала выше, закономерности, по которым передаются эстафеты в различных сферах жизни общества, заставляют задуматься над весьма сложными вопросами. В частности, археологов давно занимает вопрос о том, каким образом соотносятся закономерности изменения и сочетания вещевого материала и социально-демографических характеристик. Как правило, решается этот вопрос просто: разница в погребальном инвентаре - это разница в имущественном положении населения, смена одних форм керамики другими - изменение в этническом составе. Однако, поскольку археология занимается дописьменными периодами, то проверить эти построения зачастую не представляется возможным.

Археологи часто употребляют понятие "археологическая культура". По поводу его содержания шла в свое время оживленная дискуссия (4), однако чаще всего оно определяется как устойчивое сочетание видов археологических источников в хоро-хронологическом континууме. Несколько лет назад я попробовала выявить "археологические культуры" на материале современных выселенных домов, идущих на снос или капитальный ремонт (такое уточнение необходимо, т. к. при выезде из дома по причине обмена или покупки новой жилплощади, но из дома, который будет далее заселен другими

жильцами, психология покидания дома совершенно иная, работают иные образцы действия). Эта работа носила чисто "прикидочный" характер, а ее результаты – сугубо предварительные.

Тем не менее, выделить две "археологические культуры" и по два их "локальных варианта" удалось. Однако при сопоставлении их состава с данными о владельцах квартир выяснилось, что почти никакой социально-демографической группировки, аналогичной "археологическим культурам" или "локальным вариантам" не получается. Работают только два признака, и то не на всем массиве – давность проживания в Москве (обследовались только московские квартиры, хотя корректирующие наблюдения делались и в других регионах) и военная профессия главы семьи. Это значит, что устойчивое сочетание видов вещевого материала не характеризует однозначно какую-либо социальную группу, выявленную по стандартным параметрам – пол, возраст, образование, специальность и пр.

Однако этот сюжет интересен как пример того, что каждый человек является носителем пучка эстафет, как перекрещивающихся, влияющих друг на друга, так и существующих совершенно независимо. Важен и еще один аспект: целый ряд образцов реализуется нами неосознанно. Мы не можем, как правило, толком объяснить, почему выбрали в магазине чашку с красным цветком, а не синим, тарелку с "гофрированным" краем, а не гладким. И тем не менее мы в этом действии следуем некоему образцу. Поэтому за "археологическими культурами" стоят, безусловно, некие социальные группы, но вот чем объединены их члены? Что заставляет их следовать одному образцу? Я не готова сегодня ответить на этот вопрос, но искать ответ, видимо, необходимо. Он поможет нам разобраться в реальной структуре общества, псевдомонументного на уровне стандартных параметров.

Если первый материал данного параграфа относится к "пещерной" археологии, то этот – к подводной. Не вдаваясь сейчас в подробности изложения специфики подводной археологии и ее места среди других наук, обратимся к двум аспектам изучения ее источников.

Прежде всего, это относительно редко встречающийся в "сухопутной" археологии вид источников – корабли. Дело в том, что для археологии в целом не характерна мгновенная гибель и "консервация" памятника – все-таки памятники типа Помпей исключение, а не правило. Значительно чаще памятник постепенно и складывается, и разрушается. При этом в процессе разрушения воздействие антропогенного фактора очень сильно. Даже после сильного пожара на пепелище приходят люди, уносят сохранившиеся предметы и т.п.

Таким образом, состав "мертвого", дошедшего до археолога памятника никогда не бывает идентичен по составу памятнику (тому же самому) "живому". А это значит, что археологи не имеют информации о реальном составе, наборе инвентаря на изучаемом ими памятнике. Причем речь идет именно о наборе, т. к. в целом по памятнику картина, конечно, иная – условно говоря, все вещи, бытовавшие на памятнике, рано или поздно теряются, ломаются и выбрасываются (если не увозятся и не уносятся) – так что по

памятнику в целом информация более или менее адекватна. Но на вопрос, "сосуществовали" ли данные вещи в пределах одного набора, ответить значительно труднее.

Выше речь шла, понятно, о памятниках жилого типа - городищах, поселениях, стоянках и т. п. Остальные же типы археологических памятников еще менее в состоянии показать слепок с реальной жизни. Могильники, при всей их способности воспроизводить реальные условия жизни - тип жилища, способ передвижения, пищу и пр., - во-первых, воспроизводят их весьма специфическим и трудно интерпретируемым образом, а во-вторых, имеют тенденцию к запаздыванию относительно реальных условий - обряды, как известно, более консервативны и более устойчивы, чем реальные условия.

Другой тип памятников единовременного "сокрытия" - клады. Они вообще представляют собой срез только с одной стороны реальной жизни, да и то фрагментарный.

Совсем другое дело - затонувшие корабли. Отправляясь в плавание, люди брали с собой минимальный набор инвентаря, необходимый в повседневной жизни. После затопления корабля воздействие антропогенного фактора на процесс "растаскивания" этого набора практически исключен. Таким образом, мы имеем дело со слепком с "живого" набора. Выше мы говорили о том, что каждая эстафета имеет свою скорость распространения и свой не только пространственно-временной, но и социальный ареал. Археологи реконструируют, как правило, последовательность предметов в каждой эстафете, но вот вопрос о том, какие этапы данного набора эстафет синхронны, находит свое решение далеко не всегда.

Конечно, надо отметить, что на корабле мы имеем слепок с минимального набора, во-первых, а во-вторых, с набора, характерного для определенной социальной группы - мореплавателей. И тем не менее он позволяет корректировать наблюдения, сделанные на "сухопутных" памятниках. Пожалуй, в этом наиболее интересный аспект исследований в подводной археологии.

Продолжая рассуждать в том же направлении, можно сделать еще одно интересное направление. Как известно, при анализе вещевых комплексов учитывается прежде всего отнесенность вещей к определенному археологическому слою. Скажу очевидную вещь: в подобном комплексе вещи объединены по времени их выхода из употребления, а не по времени их создания или бытования. Учитывая, что разные виды археологических источников имеют разную длительность существования - в зависимости как от прочности материала, так и от своей ценности, - а также то, что они могут выходить из употребления на разных этапах своего существования, подобная ситуация не только требует к себе пристального внимания и корректной интерпретации, но и нуждается в целенаправленном осмыслении неких основополагающих понятий, в частности, бытования вещей.

Чуть остановимся и на выходе вещей из употребления на разных этапах их бытования, а именно уточним, какие, собственно, бывают эти этапы. Основано это уточнение на утверждении, что любая вещь в основе своей полифункциональна. Однако ряд ее функций реализуется не параллельно, а последовательно. Наглядным примером может

служить перенесение вещи из сферы "живой" реальности в реальность загробного мира. Хотя и в рамках "живой" реальности происходит смена функций, может быть, менее заметная для глаз столь отдаленного от нее во времени наблюдателя, как археолог.

Особо значимым представляется переход вещи из сферы практического применения в сферу применения идеологического. Однако выявить функцию, доминирующую на данном этапе бытования вещи можно, как правило, только по контексту, т. е. основываясь на наборе инвентаря в его совокупности. А именно это, как уже указывалось, трудно сделать при анализе комплексов с "сухопутных" памятников. Комплекс вещей, выступающий по отношению к данной вещи нормативной системой, дает основания для адекватной интерпретации, для грамотного датирования вещи и комплекса в целом.

Замечу, что, как об этом уже говорилось выше, главное в нашем исследовании – не столько предложить новые, оригинальные решения, сколько поставить нетрадиционные вопросы или же выделить нетрадиционные аспекты в уже известных направлениях. Основные положения теории социальных эстафет, в общем-то, самоочевидны. Ее заслугой, на мой взгляд, является концентрация внимания на этих самоочевидных вещах, в результате чего выясняется, что мы далеко не все еще изучили в этой очевидности, не все учли и исчерпали.

Еще один опыт работы с вещественными источниками был у меня связан с русскими буллами домонгольского периода (5).

2. Письменные источники.

В ходе предыдущего изложения уже неоднократно упоминались образцы восприятия окружающего мира. Умение выявлять их и анализировать необходимо при изучении письменных источников, поскольку именно их набор наиболее точно характеризует автора. При этом необходимо учесть, что выявлять образцы необходимо учитывая не только систему фиксации каких-то событий, но и систему умолчаний.

Такой подход отнюдь не является нововведением в исторической науке. Для примера могу сослаться на исследование В. Т. Пашуто (6), проведенное, правда, без привлечения каких-либо формальных методов. А вот работа Д. В. Деопика (7), в которой он анализирует китайскую летопись, интересна не только применяемой в ней методикой, но и перспективностью перенесения последней на другие летописи.

Для проверки гипотезы о том, что набор образцов фиксации и умолчания служит определяющей характеристикой автора в качестве исследовательского материала мною был использован отрывок из Новгородской 1 летописи старшего извода (8).

При работе с летописями и другими произведениями исторического жанра одной из важных задач является выяснение соотношения различных памятников и их списков. При этом как сам конкретный памятник, так и реконструируемые в процессе его исследования протографы рассматриваются обычно как самостоятельные законченные исторические произведения в некой генетической цепи текстов. Учитывая, что ряд фрагментов текста, а иногда и

достаточно большие куски кочуют из одного памятника в другой, такой подход оставляет в стороне вопросы, связанные непосредственно с созданием памятника, т. е. не раскрывают процесса работы средневекового историографа.

В одной из предыдущих глав я уже говорила, что за воспроизведением одного и того же фрагмента текста может стоять воспроизведение совершенно разных образцов действия – переписчика, редактора, составителя и пр. Работа над историческим произведением несомненно проходила ряд этапов, которые нашли отражение в конкретных дошедших до нас рукописях, обладающих целым рядом сходных черт. Если для раннего периода развития летописания возможность реконструкции процесса создания исторического произведения затруднена из-за ограниченного круга сохранившихся источников, то XVII в. дает все основания для такого подхода. (9)

Вооружившись изложенными выше методиками, я приступила к анализу Иного сказания – памятника публицистики 1 пол. XVII в. Прежде всего попробуем выявить его структуру. Для этого определим состав сюжетов для каждой части Иного сказания, ориентируясь на высказанные С. Ф. Платоновым предположения о членении памятника (10).

Для первой части могут быть названы группы: Наречение на царство, Венчание на царство, Смерть царя, Ход военных действий, Ссылки, Слухи, Уникальные сообщения (т. е. не составляющие группы внутри сообщений данной части; к таковым отнесены, например, Досмотр погребения царевича Димитрия, Женильба Отрепьева, Перенесение мощей царевича Димитрия и т. п.). По этому перечислению сразу видно, что критерием отбора фактов для фиксации является не столько сюжет, сколько персонаж.

На втором этапе определим степень полноты каждого из потоков. Для первой части Иного сказания каждая из групп, кроме Смерти царя, может быть дополнена событиями, не нашедшими отображения в Ином сказании: ни в Наречении, ни в Венчании на царство нет сюжетов, связанных с Федором Иоанновичем; упоминаются только ссылки Шуйских, хотя для этого периода известно и о ссылке Романовых, Бельского и многих других; военные действия описываются только в связи с Отрепьевым; в таком же контексте отмечены и волнения в Москве, хотя они были и при ссылке Бельского, и при московских пожарах. Но все сюжеты этой части Иного сказания объединяет их связь либо с Борисом Годуновым, либо с царевичем Димитрием, либо с Григорием Отрепьевым, либо с Василием Шуйским.

Во второй части Иного сказания – грамотах Василия Шуйского – нельзя говорить о выборе сюжетов, т. к. грамоты включены в состав Иного сказания полностью. Здесь определяющим может быть выбор самих грамот, но этот аспект будет рассмотрен позже.

В третьей части Иного сказания, т. е. в описании времени правления Василия Шуйского вплоть до отхода правительственных войск от Калуги, и в четвертой – летописных заметках, общих с Хронографом 2 редакции, – присутствуют следующие потоки сообщений и отдельные сообщения: Ход военных действий; Венчание на царство; Чудеса. Последняя группа (в третьей и четвертой частях Иного сказания упомянуты три чуда) может быть объединена с сообщениями

первой части о чудесах у гроба царевича Димитрия. Таким образом группы сюжетов во всех трех рассмотренных частях Иного сказания (первой, третьей и четвертой) совпадают.

В пятой части Иного сказания – летописных заметках от воцарения Михаила Романова до воцарения Алексея Михайловича – состав сюжетов изменяется: появляются сюжеты, связанные с внешнеполитическими событиями – посольствами, договорами и т. п., не свойственные всему предыдущему тексту Иного сказания; сюжеты, связанные с церковными событиями – приход иерусалимского патриарха, принесение Христовой срачицы, смерти и поставления митрополитов и т. п.; сюжеты, связанные с рождением и смертью детей царя Михаила; началась фиксация явлений природы – пожаров, обратного течения Волхова. Налицо значительное расхождение тематики сюжетов. Однако оно может быть вызвано отсутствием событий той или иной группы в период, описывающийся в предыдущей части Иного сказания. Проверим это предположение.

В группу сюжетов, связанных с внешнеполитическими событиями периода до воцарения Михаила Романова, могли бы войти: приезд Малат-Кирея, литовских послов, греков, грузин и т. д. К группе сюжетов, связанных с церковными событиями, могут быть отнесены: ссылка Дионисия, приход патриарха иерусалимского; в группу, связанную с рождением и смертью детей царя – рождение и смерть царевны Феодосии; о стихийных бедствиях и природных явлениях – буря в Москве в 7103 г., мор во Пскове и Иван-городе.

Таким образом, отсутствие в первых частях Иного сказания сообщений данных групп не обусловлено отсутствием соответствующих событий. Это позволяет сделать вывод об отличии последней части Иного сказания от остального текста и, следовательно, о наличии двух этапов в создании Иного сказания: а) до воцарения Михаила Романова; б) позднейшие летописные записки. Этот вывод нуждается в текстологической проверке.

Свидетельством единовременного написания первых двух частей Иного сказания – вплоть до воцарения Шуйского и грамоты Шуйского – служит взаимодополнительность сюжетов и отсутствие повторов. В первой и второй частях употребляются такие выражения, как "злое прелщение", "неправедно восхищати", "укор и поношение", "пожат смертоносным серпом", "вниде в сердце" и т. п., а также восклицательные предложения, начинающиеся с междометия "О...". Выражение "Богу попушающу, а сотоне действующу" присутствует также в Новом летописце и в Повести, како отомсти...

О. М. Державина (11) делает вывод о трафаретности сравнений в Ином сказании, которые тем самым, видимо, не могут быть использованы при решении вопроса об авторстве, зависимости текстов или их частей. Однако большинство текстов, на основании анализа которых О. М. Державина делает свой вывод, восходят к общему источнику: здесь и Повесть Катырева-Ростовского, и Житие царевича Димитрия, внесенное в Минеи Г. Тулупова, и Временник дьяка Ивана Тимофеева, который согласно наблюдениям В. И. Корецкого восходит к Истории Иосифа (12). Таким образом возможно, что сходство сравнений есть результат использования одного и того же источника, а не трафаретности выражений.

Это позволяет говорить о единстве первой и третьей части Иного сказания. Правда, И. И. Смирнов, говоря о битвах в ходе восстания И. И. Болотникова (т. е. в третьей части Иного сказания), пишет: "... не может быть сомнений в том, что под двумя битвами, о которых говорит автор, следует разуметь "бой" на реке Пахре и сражение у села Троицкого" (13) и делает вывод, что автор был очевидцем описываемых событий. Текстологические же параллели в описаниях битв позволяют считать, что автор не имел достоверных и подробных сведений о битвах под Москвой и воспользовался для описания их приведенным им же рассказом о битвах с Григорием Отрепьевым, взяв их из летописного источника.

Сходство, хотя и не столь яркое, проявляется и в стиле первой и четвертой частей, а также третьей и четвертой частей Иного сказания: это и объяснение бед "грех наших ради", и упоминание Петрушки Горчакова вместо Ивашки (хотя в третьей части и сказано, что "такового же ("царевича Петра") не было). Таким образом, первые четыре части оказываются тесно связанными между собой, восходящими к одному и тому же источнику и использующими Хронограф 2 редакции. Они могут расцениваться как отображения одного и того же этапа создания памятника.

Однако, если мы делаем предположение об использовании в ряде текстов одного и того же источника, то его следует аргументировать. Один из возможных способов – поиск дополнительных сведений в различных текстах. Уточним: если различные тексты воспроизводят один и тот же образец, причем воспроизведение заведомо фрагментарно, то сопоставление этих воспроизведений и обнаружение не только их совпадения, но и взаимодополнительности позволит получить требующиеся аргументы. Поэтому обратимся к анализу ряда сюжетов (полный их перечень и разбор в рамках данной работы невозможен из-за значительного объема).

УДЕЛ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. Иное сказание, Повесть, како восхити... и Повесть Катыева-Ростовского говорят о том, что в Углич были отправлены только Димитрий с матерью. Сказание о Гришке Отрепьеве дополняет этот список Федором и другими Нагими, а Новый летописец утверждает, что с ними уехали также мамка Волохова, сын его (?) Данилка и Микита Качалов. Следовательно, в данном сюжете зависимость между текстами прослеживается слабо.

УБИЕНИЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. Иное сказание и Повесть Катыева-Ростовского говорят о том, что Годунов посылает в Углич Михаила Битяговского и Никиту Качалова. Повесть, како восхити... добавляет к ним Данилу Битяговского, а Сказание о Гришке Отрепьеве упоминает только Битяговских, хотя в убийстве Димитрия по этому тексту принимает участие и Никита Качалов. Этим Сказание вроде бы сближается с Новым летописцем, который в предыдущем сюжете упомянул об отъезде Никиты Качалова в Углич вместе с царевичем.

Однако в самом Новом летописце возникает ряд противоречий – Борис повторно посылает в Углич Никиту Качалова, а также появляется два Данилы – Битяговский и Волохов. Текст Нового летописца весьма избыточен относительно других памятников, что позволяет предположить здесь небрежную контаминацию двух или более источников. Тогда может быть объяснено непонятное местоимение

"его" в предыдущем сюжете – видимо некий источник, перечисляя уехавших в Углич вместе с царевичем, упомянул и Михаила Битяговского с сыном его Данилой. Очевидно, что в данном сюжете зависимость между текстами прослеживается слабо.

ССЫЛКА ШУЙСКИХ. Этот сюжет отсутствует только в Повести Катырева-Ростовского. Остальные тексты дополняют друг друга: Новый летописец говорит о ссылке и убийствах Ивана Петровича на Белозере и Андрея Ивановича в Каргополе. Иное сказание и Повесть, како восхити... упоминают о ссылке еще и Василия Ивановича, но без указания места. Наиболее осведомленным выглядит Сказание о Гришке Отрепьеве, в котором говорится о ссылке также Дмитрия и Ивана Ивановичей в Шую и называется место ссылки Василия и Алексея Ивановичей – Галич. По его же сведениям Иван Петрович был удушен Иваном Турениным в 7097 г., тогда же Смирнов-Маматов убил Андрея Ивановича. Новый летописец упоминает также о ссылке Татевых, Колычевых и других.

Иное сказание и Повесть, како восхити... упоминает о казни "гостей многих". Сказание о Гришке Отрепьеве уточняет их число – 7 человек, а Новый летописец называет имя одного из них – Федора Нагая "с 6 товарищами". Таким образом данный сюжет дает все основания говорить о тесной взаимосвязи всех памятников, кроме Повести Катырева-Ростовского.

СМЕРТЬ БОРИСА ГОДУНОВА. Иное сказание и Повесть, как восхити... говорят о самоубийстве Бориса. В Сказании о Гришке Отрепьеве, Повести Катырева-Ростовского и Новом летописцев просматривается версия отравления. Неясна и дата его смерти: Иное сказание – 13 апреля 7113 г., Сказание о Гришке Отрепьеве – 8 апреля, а Новый летописец просто оставляет на месте числа пробел.

Расходятся и сведения о длительности правления Бориса Годунова: Иное сказание – 7 лет и 5 недель, Сказание о Гришке Отрепьеве – 6 лет и полосьма месяца, Новый летописец – 7 лет. На самом деле, если считать от смерти царя Федора, то прошло 7 лет и 4 месяца, если от воцарения Бориса – 6 лет и 5 месяцев. Наиболее вероятным представляется, что Новый летописец дал округленную дату, Иное сказание – от наречения Бориса на царство, а автор Сказания о Гришке Отрепьеве – от сентября 7106 г., т. е. от собора. В целом же данный сюжет не дает оснований для выводов о зависимости текстов.

ПОХОД БОРИСА НА СЕРПУХОВ. Сюжет присутствует только в Новом летописце и Повести Катырева-Ростовского, которые утверждают, что после наречения на царство и вплоть до венчания на него Борис ходил на Серпухов воевать с крымским ханом. Из Нового летописца неясно, что послужило причиной похода, но Повесть Катырева-Ростовского дополняет, что в Москву был послан гонец с извещением о готовящемся походе хана на столицу. В Новом летописце указана дата возвращения Бориса – Петров день. В данном сюжете есть взаимодополнительность сведений, что позволяет говорить о связи текстов этих двух памятников.

БИОГРАФИЯ ОТРЕПЬЕВА. Сведения о жизни Отрепьева в период, предшествовавший походу на Москву, весьма различаются по информативной насыщенности: Сказание о Гришке Отрепьеве знает

только, что он чернец, Повесть Катырева-Ростовского – что еще и сын боярский, Иное сказание добавляет – сын Юшки Яковлева сына Отрепьева. Наиболее подробен Новый летописец, в котором говорится, что в Галиче был сын боярский Замятня Отрепьев, у которого в свою очередь было два сына – Смирной и Богдан, а у Богдана сын Юшка. Еще более различается география деятельности Отрепьева в этот период. От текста к тексту обрастает подробностями и вся биография Отрепьева, причем меньше всего их в раннем произведении – Сказании о Гришке Отрепьеве, больше всего – в позднем Новом летописце.

БИТВА ПОД НОВГОРОД-СЕВЕРСКИМ. Сюжет отсутствует в Повести, како восхити... В остальных текстах сходятся следующие эпизоды: в Новгород-Северском сидели Н. Р. Трубецкой и П. Ф. Басманов. Им на помощь были посланы правительственные войска под предводительством Ф. И. Мстиславского и Д. И. Шуйского. Произошла битва, в которой победили войска Отрепьева, а Ф. И. Мстиславский был ранен.

Новый летописец уточняет, что из Москвы был послан только Д. И. Шуйский, а с Ф. И. Мстиславским они соединились в Брянске. Сказание о Гришке Отрепьеве называет точную дату сражения – в декабре, в пятницу перед Рождеством, что совпадает с данными Дневной записи. Иное сказание указывает на участие в битве В. И. Шуйского, однако этому противоречат данные Нового летописца и Сказания о Гришке Отрепьеве, которые упоминают о приходе В. И. Шуйского только в битве при Добрыницах.

СТОЯНИЕ ПОД КРОМАМИ. Отсутствует в Повести, како восхити... В остальных текстах очень разная степень информативной насыщенности. Повесть Катырева-Ростовского упоминает только, что бояре пошли под Кромы и стояли там 3 месяца, а город взять не могли. Судя по сообщениям Сказания о Гришке Отрепьеве и Нового летописца, бояре пошли под Рыльск и под Кромы, но далее сказание говорит уже только о том, что в Кромах сидел атаман Корела, и город взять не удалось, а летописец более детально описывает события: Ф. И. Мстиславский пошел на Рыльск, где сидели изменники Григорий Рошин Долгорукий и Яков Змеев, но взять его не смог и отошел под Радонежский острог, а оттуда на Кромы, под которыми стоял Ф. И. Шереметев, а в городе сидел атаман Корела и Григорий Акинфиев.

Здесь не совсем понятно, откуда под Кромами взялся Ф. И. Шереметев, но Иное сказание уточняет, что именно его первоначально послал Годунов, и лишь потом на помощь пришли Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский. Интересны также упоминания Нового летописца об отъезде в Москву Трубецкого и Басманова и аналогичные данные Сказания о Гришке Отрепьеве об отъезде Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского. В целом в этом сюжете есть признаки взаимодополнительности памятников.

ДОСМОТР ПОГРЕБЕНИЯ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. Есть только в Ином сказании. В досмотре принимал участие В. И. Шуйский. Из текста Иного сказания непонятно, как он оказался в Москве, ведь в предыдущем фрагменте он упомянут среди участников битвы при Добрыницах. Недоумение снимается текстом Сказания о Гришке Отрепьеве, говорящем об отъезде Шуйского в Москву.

ЖЕНИТЬБА ОТРЕПЬЕВА. Противоречий в изложении этого сюжета нет, только Сказание о Гришке Отрепьеве и Повесть, како восхити... дают

взаимодополняющие варианты даты: Сказание – "на 3 неделе в четверток на Иоанна Богослова противу пятницы и памяти Николы", что свидетельствует об общем источнике информации.

УБИЙСТВО ОТРЕПЬЕВА. В изложении хода событий разночтений нет. Сказание о Гришке Отрепьеве дает избыточную информацию о числе убитых и ограбленных поляков и литовцев. Что же касается даты убийства Отрепьева, то 5 текстов дают 4 варианта: Новый летописец – 14 мая, Повесть, како восхити... и Сказание о Гришке Отрепьеве – 17 мая, Повесть Катырева-Ростовского – на 10 день после женитьбы, Иное сказание – на 10 день после женитьбы 16 мая (последние два варианта дают взаимодополняющую информацию).

"На 10 день после женитьбы" – т. е. после 8 мая – это 17 мая: видимо, Иное сказание и Новый летописец ошиблись в расчетах. В Повести Катырева-Ростовского есть еще одна интересная деталь в описании сожжения Отрепьева: его положили "во ад, юже сам сотвори". Однако никаких упоминаний об этом "аде" в Повести Катырева-Ростовского нет, зато они есть в Повести, како восхити... и Ином сказании, что опять-таки свидетельствует об общем источнике этих текстов.

ПРОЩЕНИЕ ШУЙСКИХ. Сюжет есть только в Сказании о Гришке Отрепьеве, причем датируется условно – до женитьбы Отрепьева, т. е. до 8 мая, в том же 7114 г. Это очень важное сообщение, так как из других текстов непонятно, каким образом В. И. Шуйский мог уже через 4 дня после смерти Отрепьева быть наречен на царство. В описании брачного обряда Отрепьева фигурируют некие дружка Дмитрий Иванович и тысяцкий боярин Василий Иванович без указания фамилий. В Росписи чинам Совета при Отрепьеве такие имена и отчества имеют только братья Шуйские, что косвенно подтверждает сообщение Сказания о Гришке Отрепьеве. Здесь можно усмотреть еще один случай взаимодополнительности текстов.

ВЫВОДЫ. Рассмотрение основных сюжетов позволяет придти к выводу о наличии общего источника для анализируемых текстов. Основанием служит взаимодополнительность текстов. Граф связей см. **Приложение 3**.

Теперь попробуем применить для выявления позиции автора-составителя Иного сказания анализ принципов отбора фактов для фиксации из текстов, послуживших источниками Иного сказания.

ПОВЕСТЬ, КАКО ОТОМСТИ... Она почти полностью вошла в состав Иного сказания и принципиальных (не стилистических или орфографических, а содержательных) разночтений довольно мало:

1. При описании воцарения Федора Иоанновича автор Иного сказания заменяет нейтральное "отпусти на удел" Повести, како отомсти... на более резкое – царевич Димитрий был "отогнан" в Углич.

2. Повесть, како отомсти... говорит о ссылке Борисом Годуновым бояр и вельмож и в первую очередь родственников царя Федора Иоанновича. В Ином сказании родственники Федора Иоанновича не упоминаются вообще, зато появляются сосланные воеводы.

3. По мнению автора Повести, како отомсти... Бог хотел отомстить Борису Годунову за несправедное убийство царевича Димитрия и царя Федора Иоанновича. Иное сказание добавляет: "и прочих неповинно от него убиенных".

Отметим также, что в Ином сказании нет эпизода, вошедшего в Повесть, како восхити... и восходящего, скорее всего, к их общему летописному источнику – о "привораживании" царя Федора Иоанновича Борисом Годуновым. Автор Иного сказания явно не склонен обелять Федора Иоанновича и выставлять его жертвой Бориса Годунова. Характерно также упоминание воевод среди прочих пострадавших – нет ли в этом намек на социальное положение автора Иного сказания?

4. Иное сказание ничего не говорит об обещаниях Отрепьева, данных воеводам: "... от темницы свобождение и от уз разрешение. И обещася воинскому чину поместья и вотчины изобилувати, и златом и серебром удовлети, а гостем и торговым и всяким тяглым людем великую льготу давати", в результате чего Отрепьева в городах ждали с радостью (о чем Иное сказание тоже не упоминает).

5. При описании состава посольства за мощами царевича Дмитрия Иное сказание не упоминает Нагих, заменив их безличным "с товарищами".

ЖИТИЕ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ. В состав Иного сказания вошла только первая часть – об убиении и погребении царевича, в которой автор Иного сказания также сжимает характеристику царя Федора Иоанновича как "благочестивого и христолюбивого", даваемую в Житии.

Интересен сам выбор жития. В XVII в. была широко распространена редакция, вошедшая позднее в Минеи Милютина, однако составитель Иного сказания обратился к житию, вошедшему позднее в состав Минеи Германа Тулупова. Сопоставление текстов обоих житий позволяет предположить, что житие, вошедшее в состав Минеи Милютина, не устраивало составителя Иного сказания по трем причинам: 1) оправдание царя Федора Иоанновича; 2) уделение большого внимания Нагим; 3) компроментация Василия Шуйского в связи с его ролью в следствии по делу об убийстве царевича. При анализе принципа отбора сюжетов уже был сделан вывод, что именно эти три момента привлекали особое внимание составителя Иного сказания.

Использование в Ином сказании ПОВЕСТИ ТЕРЕНТИЯ подтверждает мнение, что автор Иного сказания – москвич. Возможно, свидетельствует оно и еще о чем-либо, так как упоминание о "чудесах" в целом не характерно для Иного сказания – может быть, следует искать некую связь между протопопом Терентием и автором Иного сказания, но это пока лишь на уровне предположения.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА. Сопоставим списки сюжетов в обоих памятниках в обобщенном виде:

Иное сказание	Сказание Палицына
1. Регентский совет	–
2. Убиение царевича Дмитрия	очень кратко
3. Ссылки бояр	очень кратко
4. –	Гонения на Романовых
5. –	Голод
6. –	Планы Годунова по поводу его детей
7. Поход Отрепьева	очень кратко
8. –	Обличение Отрепьева родственниками

Таким образом, сюжеты, полно описанные в одном памятнике, отсутствуют или описаны весьма кратко в другом. Памятуя о том, что Иное сказание вторично относительно Сказания Авраамия Палицына, можно прийти к выводу, что полное заглавие Иного сказания - "Той же первой Истории последнее вторым сказанием иже в первой скращено zde же приполнено, и где в первой полно, zde же скратно писано. Инаго творение" - отражает действительное соотношение его со Сказанием Авраамия Палицына. По всей вероятности, создание Иного сказания имело целью обеспечить полноту сведений о Смутному времени, учитывая наличие Сказания Авраамия Палицына.

Попытаемся определить место Иного сказания в процессе создания исторического произведения и соответственно остальные элементы процесса.

При анализе Иного сказания в рамках указанной выше методики выявляется несколько этапов работы над созданием исторического произведения: Сказание Авраамия Палицына - основной источник; Иное сказание - подборка; Сказание Авраамия Палицына и Иное сказание - сборник. Остается выяснить, какое историческое произведение возникло в результате этой работы.

Ответ в данном случае однозначен - Хронограф 3 редакции, основными источниками новых статей которого послужили именно Сказание Авраамия Палицына и Иное сказание. Вторичность Хронографа 3 редакции относительно Иного сказания уже аргументировалась, что подтверждает выдвинутое предположение. Тогда выявляется следующая цепочка текстов: Сказание Авраамия Палицына - Сказание Авраамия Палицына + Иное сказание - Хронограф 3 редакции.

Однако Иное сказание, как уже говорилось, не представляет собой самостоятельного исторического произведения, и соответственно его созданию мог предшествовать этап, условно названный составлением сборника. Такого сборника в реалии, в дошедшем до нас материале обнаружить пока не удалось. Но при анализе структуры Иного сказания привлекает внимание одно обстоятельство - все избыточные относительно летописного источника сообщения обрываются на воцарении Василия Шуйского. Не цитируются более в Ином сказании и правительственные грамоты. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что составитель Иного сказания не только не был осведомленным человеком, но и не имел доступа к архивам.

По всей вероятности, при описании событий до 1606 г. он использовал какой-либо из тематических сборников, имевших достаточно широкое распространение. Примером такого сборника может служить Ермолаевский сборник, в состав которого входят 45 патриарших и царских грамот времени от царствования Бориса Годунова до царствования Михаила Федоровича; краткое житие царевича Димитрия; Повесть, како восхити..; Повесть Терентия; Ино видение. Очевидно, что состав этого сборника почти полностью совпадает с составом источников Иного сказания - в последнем отсутствует только Ино видение и вместо Повести, како восхити... использована Повесть, како отомсти... В то же время Повесть, како

отомсти... на сей день известна в составе сборников, резко отличающихся по этому параметру от Ермолаевского, что не позволяет указать на конкретный сборник – источник Иного сказания. Однако вероятность его существования довольно велика, особенно учитывая, что составитель Иного сказания использовал в качестве источника список Повести, како отомсти..., не входящий в состав ныне обнаруженных.

Таким образом, как и во всех предыдущих случаях одно только предположение, что человек мог поступать согласно неким образцам, или что при анализе некоего памятника необходимо искать его образец, позволяет существенно упростить процедуру выдвижения гипотез и их аргументации. В то же время, углубляясь в эту проблематику, отметим, что большое значение имеет различие типов эстафет, отказ следовать за внешней схожестью как основным критерием. В нашем случае неоднократная трансляция одного и того же фрагмента текста из одного памятника в другой обусловлена следованием совершенно разным образцам. Так, фрагмент Повести, како отомсти... в сборнике совсем не то же самое, что в составе Иного сказания, а затем Хронографа 3 редакции.

При анализе комплекса памятников Смутного времени первое, что бросается в глаза – большое сходство между всеми ними, выраженное как дословным совпадением отдельных фрагментов, так и сходством структуры произведений, последовательности в изложении событий, оценками главных действующих лиц. Сомнений в том, что здесь из произведения в произведение кочуют некие образцы, нет. Вопрос заключается только в том, как их выявить.

Вполне понятно, что мы имеем возможность говорить о подражании по продукту – возможно, что в ряде случаев имело место и подражание по деятельности, но сведений такого рода историк, как правило, не имеет. Понятно также, что перед нами как минимум две группы образцов – образцы текста и образцы восприятия. Но для того, чтобы понять, в чем сложности их различения, надо немного сказать о рассматриваемом периоде.

Публицистические произведения, посвященные событиям начала XVII в., давно привлекают внимание историков и источниковедов. И не только потому, что описывают Смутное время – один из важных этапов социально-политической истории России; не только потому, что они освещают его очень по-разному, вступая в противоречие друг с другом практически по всем вопросам, и в то же время очень тесно связаны между собой, но и потому, что XVII век – время переосмысления социальных категорий – государства, права, личности. На разных полюсах этого процесса – отмена Юрьева дня и восстание И. И. Болотникова, Лжедмитрий и семибоярщина. Но это переосмысление не могло быть и не было мгновенным. И произведения 1 пол. XVII в. фиксируют становление нового при еще существующем старом.

С точки зрения источниковедения это переосмысление отражается, в частности, в проблемах авторства, жанра, канона – категориях, также подвергающихся трансформации в этот период. Анонимные произведения уступают место авторским, но авторство понимается ограниченно – цитирование другого автора все еще не

требует упоминания его имени. Это происходит потому, что автор – это автор не текста, а концепции, версии, видения. Показательный пример тому – дословное цитирование некоего текста с изменением его оценочных характеристик на прямо противоположные – так используется в Ином сказании текст Сказания Авраамия Палицына об "умолении" Бориса Годунова на царство.

Здесь важен тот момент, что воспроизведение некоего фрагмента текста не означает обязательного параллельного воспроизведения и образца восприятия – как это не покажется странным, данные образцы входят в состав совершенно разных, непересекающихся, вернее, далеко не всегда пересекающихся эстафет.

Поэтому займемся сначала выявлением образцов текста. Для решения этой задачи в источниковедении существует ряд приемов, применяя которые удалось выявить группу произведений, имеющих в своем составе фрагменты, общие с Иным сказанием (именно это произведение было помещено в центр данного исследования).

Однако выявить круг источников, использующих один и тот же образец текста, причем в виде прямого его копирования – не проблема. Проблема в том, чтобы определить последовательность воспроизведения этого образца в различных произведениях. Дело в том, что у нас нет никаких оснований предполагать, что все "тиражирование" образца велось с одного произведения. Вполне допустима гипотеза, что он был воспроизведен в одном произведении, которое, в свою очередь, послужило образцом для другого и т. д.

В основе источниковедческих приемов решения данной проблемы лежит предположение о накоплении ошибок при передаче текста. Но здесь необходимо учитывать, что наряду с переносом некоего фрагмента из одного произведения в другое происходило и копирование самого произведения, в ходе которого также накапливались ошибки. Таким образом, разная степень "испорченности" текста может объясняться как прохождением через многие памятники, так и воспроизведением непосредственно с плохой копии.

В ходе работы были выделены следующие виды трансформации образца:

- 1 – ошибки наблюдаются только в одном из двух сравниваемых произведений – тогда оно вторично и сделано с хорошей копии.
- 2 – ошибки наблюдаются в обоих сравниваемых произведениях, но все ошибки первого повторены во втором, которое имеет еще ряд "индивидуальных" ошибок, – тогда второе тоже вторично, но сделано с плохой копии.
- 3 – ошибки наблюдаются в обоих сравниваемых произведениях, но они не совпадают – тогда речь идет о независимом восхождении к общему образцу.

На основании разбора анализируемых произведений с этой точки зрения удалось восстановить последовательность воспроизведения различных фрагментов текста в разных произведениях, а это значит, выявить первичные и вторичные памятники, решить вопросы относительной хронологии, выявить состав источников Иного сказания. Кроме того, удалось определить, что в ряде произведений использовалась копия Иного сказания лучшей сохранности, чем

дошедшие до нас, и в последствии обнаружить ее в архиве. Таким образом был введен в научный оборот новый памятник XVII в.

После этого следует обратиться к анализу произведений, не имеющих текстуальных совпадений с Иным сказанием, но весьма близких к нему по составу отображаемых фактов, структуре и оценкам. Здесь возможны две гипотезы: мы имеем дело с тиражированием образца текста, но в форме его переосмысления, или же мы имеем дело с воспроизведением образца восприятия. Сначала проверим первую гипотезу, причем проверка заключается в поисках характеристик недошедшего до нас (ежели и существовавшего) произведения, которое могло бы послужить образцом для данной группы произведений. Эта гипотеза горячо отстаивалась в свое время В. И. Корецким (14), который видел в недошедшем до нас произведении так называемую Историю Иосифа, упоминавшуюся В. Н. Татищевым.

При попытке выявить характер недошедшего до нас текста неизбежно возникает необходимость определить, какие фрагменты анализируемого памятника являются отображением искомого источника, а какие нет. Сознавая всю гипотетичность такого подхода, в дальнейшем я буду считать относящимися к искомому источнику фрагменты, имеющие аналогии в других анализируемых произведениях данной группы или поясняющие их. На основе их изучения можно попытаться выявить общий стиль реконструируемого источника, чтобы вернуться к анализируемым произведениям в поисках фрагментов того же стиля. Поэтому одним из основных принципов определения стилевых особенностей реконструируемого источника по отношению к отобразившим его произведениям должен быть поиск отличий, сбоев в стиле этих произведений.

Прежде всего внимание привлекает Сказание о Гришке Отрепьеве как одно из самых ранних среди рассматриваемых произведений. Оно имеет погодную шкалу изложения.

На то, что она присуща не только Сказанию о Гришке Отрепьеве, но и его источнику, указывает, во-первых, фраза "того же 114-го году", хотя выше этот год нигде не упоминается, а во-вторых, дата "месяца июня в четверток", дающая основание предполагать пропуск в тексте Сказания о Гришке Отрепьеве.

Еще одной характеристикой является религиозное определение дат, что позволяет сделать вывод о том, что источником Сказания о Гришке Отрепьеве служили некие летописные заметки, освещающие современные им события и делавшиеся, по всей вероятности, в церковных кругах.

При анализе Повести Катыева-Ростовского можно отметить еще одну особенность стиля его источника - наличие подзаголовков, поскольку самой Повести Катыева-Ростовского они не свойственны. Имеется один подзаголовок и в первой части Иного сказания - "О битве при Добрыницах".

Повесть, како восхити... также имеет ряд подзаголовков, восходящих к ее источнику. Кроме того признаками, характеризующими этот источник, являются наименование царевича Димитрия "государем своим (Борисовым) и нашим", что может быть отнесено по времени написания к убийству царевича Димитрия, т. е. к описываемым в этом

фрагменте событиям; фразы "яко же преже во Цари-граде.., тако и ныне сей Борис...", "Ох, люте быша нам в нынешнем 114 году...", "государь наш царь и великий князь Василий Иванович...", что также свидетельствует о том, что источник имел характер повременных летописных записей (отметим, что когда в тексте речь идет о русских царях прошлого времени, местоимение "наш" не употребляется - ср. "государь царь и великий князь Иван Васильевич...").

Еще одной характеристикой искомого источника является изложением им слухов: о появлении Лжедмитрия, о поругании чести Ксении, а также о содержании Борисом Годуновым волхвов (этот слух документально засвидетельствован). Видимо, аналогично происхождение и версий об убийстве Дмитрия и Федора Борисом Годуновым и о поджоге им Москвы.

На основании частоты упоминаний я пришла к выводу, что автор искомого текста мог принадлежать к церкви Успения Богородицы в Москве.

Однако сходны ли выявленные характеристики с теми, которые получил В. И. Корецкий в ходе своей реконструкции Истории Иосифа? В целом - да. Исключение составляет лишь принадлежность Иосифа ко двору патриарха Иова, а не к церкви Успения Богородицы, но дело в том, что его судьба нам известно фрагментарно, так что возможно, и был некий период, когда он был связан с церковью Успения Богородицы в Москве.

Казалось бы, гипотеза находит свое подтверждение. Но одно обстоятельство вызывает сомнения: История Иосифа в таком случае используется как образец на протяжении почти полувека (не считая воспроизведения этого образца В. Н. Татищевым) в произведениях самых разных жанров и идейно-политической ориентации, причем эти произведения явно не восходят друг к другу, а используют именно Историю Иосифа. А сама История Иосифа при этом не сохранилась. Более того, никакой хронологической последовательности для этих произведений по накоплению ошибок установить не удастся (они датируются по совершенно другим признакам). Такая ситуация более характерна для тиражирования образца восприятия. Именно в этом случае трудно бывает установить непосредственный, исходный образец, проследить его "странствия", выявить конкретные искажения, трансформации. Примером может служить исследование В. Я. Проппа для русских сказок (15). А. П. Богданов предложил использовать для анализа подобных ситуаций понятие "версия" (16).

Таким образом, не только относительно стандартизированные по стилю изложения летописи, но и свободные по форме исторические произведения вполне могут быть проанализированы формальными методами, не искажающими, однако, традиционного источниковедческого содержания исследования.

3. Письменные источники личного характера.

Мною были проанализированы 2 000 брачных объявлений из газет "Ригас балтс", "Вечерняя Алма-Ата", "Вечерний Киев" и харьковской "Красное знамя" 1996 - 1998 гг. Основная задача - выявление ценностных ориентаций в области социально-бытовых проблем

советского человека, а также наблюдения за региональной, национальной, возрастной, половой и пр. спецификой представлений о семье, брачном партнере и т. д.

В качестве первоочередной задачи стояло выявление образцов брачного объявления для конкретной газеты и для данного конкретного подателя объявления. Дело в том, что, естественно, подавая объявление человек знакомится с уже опубликованными объявлениями и вольно или невольно в чем-то подражает им. Это с одной стороны. А с другой - редакция правит, сокращает и т. д. сданный текст также в соответствии с какими-то своими образцами. Поэтому в смысле формы объявления, как правило, достаточно стандартны. На основании анализа типа образца, регулярности его воспроизведения можно сделать вывод о принадлежности образца - образец редакции воспроизводится во всех без исключения или почти во всех объявлениях, а сам податель следует обычно какому-то одному из вариантов - я выделила образцы анкетного типа, "романтические" (иногда даже в стихах, но в любом случае очень эмоциональные), очень сжатые и сухие. Изредка встречаются объявления, следующие образцу иронического стиля.

Иногда податель объявления делает попытки "прорваться" сквозь образец редакции. Так, например, харьковская газета "Красное знамя" не публикует сведений по графе "национальность". И в ряде случаев податели стараются обойти этот запрет, указывая: "семитская внешность", "ищу человека без национальных предрассудков" и т. п.

Теперь в объявлениях, "очищенных" от образцов в виде других объявлений, можно искать какие-то существенные признаки. Прежде всего бросается в глаза образец восприятия "хорошего человека". Вполне понятно, что податель объявления хочет не просто с кем попало познакомиться, а вступить в брак именно с хорошим человеком - с этой точки зрения описание требований к партнеру и есть описание наиболее существенных для подателя объявления черт хорошего человека. С другой стороны, для того, чтобы читающий откликнулся на объявление, он в свою очередь должен увидеть в подателе хорошего человека - поэтому самописание тоже есть описание хорошего человека, только другого пола.

Однако на формирование образа хорошего человека оказывает влияние не только и не столько личный опыт подателя объявления, сколько его социальное окружение и положение. Для выявления этого влияния необходимо проанализировать половую специфику, возрастную и пр. Так, если в молодости на одном из первых мест стоит внешность, то с возрастом ее вытесняют хозяйственные склонности. Существенно различаются образцы хорошего человека для людей со средним и высшим образованием. Немаловажные факторы - национальность, профессия и место жительства. Так, признак "экстравагантность" по мере удаления от центральных районов пользуется все меньшей популярностью.

Отмечу, что при подобном анализе в основу была положена гипотеза, что сам факт фиксации того или иного параметра свидетельствует о его значимости для подателя объявления, поскольку объем последнего ограничен. Поэтому я рассматривала не

столько, какие волосы должны быть у хорошего человека, сколько степень важности этого признака для отнесения человека к числу хороших.

Выявив все возможные частные образцы, можно перейти к выявлению образцов личного характера. Однако и здесь есть нечто общее – существенно различаются образцы в зависимости от предшествующего опыта семейной жизни или отсутствия такового. Люди, состоявшие ранее в браке, совсем по-иному представляют себе хорошего человека, чем холостяки. И в этом плане формирование образа хорошего человека часто идет от "анти-образца", т. е. искомый брачный партнер должен быть прежде всего не похож на предшественника, отсюда большое число описаний через отрицание.

Однако кроме образца хорошего человека в брачных объявлениях присутствует также описание образца брака и образца брачного знакомства. Что касается образца брака, то здесь есть два аспекта – предпочтение гомогенного или гетерогенного браков и само содержание брачных отношений. В ходе анализа выяснилось, что стремление к национально однородным бракам особенно сильно в среднеазиатских республиках, что же касается всех остальных параметров, то налицо половая специфика – мужчины склонны к бракам, неоднородным по социальному статусу (естественно, требуя своего лидерства), да и смешению по другим параметрам особого значения не придают. Женщины же более склонны к бракам однородным и равноправным.

По содержанию брачных отношений можно различать браки деловые, романтические и инфантильные. Для первых характерно внимание к условиям жизни, хозяйственным способностям, возможности иметь детей и пр., для вторых – любовь, семейный очаг, духовная близость, для третьих – совместные походы в музеи и на стадионы. Здесь также водораздел проходит прежде всего по наличию или отсутствию предшествующего брачного опыта – если он есть, то человек уже, как правило, понимает, что семья – это не прогулки в музей или при луне. Очень интересно, что практически ни в одном объявлении не зафиксирована половая сторона брачных отношений, хотя она явно весьма значима. Но это отсутствие относится уже к сфере представлений о форме брачного знакомства.

Для подавляющего большинства подателей брачных объявлений такая форма знакомства представляется "неправильной" – исключение составляют жители Прибалтики, имеющие традиции в этой области. Эта "неправильность" заключается в трех пунктах: 1 – браки должны заключаться по любви, о которой в данном случае не может быть и речи (по крайней мере на этапе подачи объявления); 2 – активной стороной в знакомстве и заключении брака должен быть мужчина, а среди подателей объявлений 75% женщин; 3 – недопустимо публичное признание в наличии сексуальных потребностей.

Однако жизненные обстоятельства заставили людей обратиться к такой форме знакомства, и они предпринимают попытки совместить два образца поведения. По вопросу о любви это проявляется в выражениях типа: "Хочу любить и быть любимой" или "Познакомлюсь с мужчиной, который сумеет меня полюбить". Очень интересно проявляется желание уступить мужчине активную роль при знакомстве (естественно, в

женских объявлениях): "Согласна познакомиться...", "Откликнусь на предложение..." и прочее, хотя реальная ситуация обратная - это мужчина откликается на предложение, сделанное в объявлении.

Однако самая изощренная форма сокрытия истинной ситуации свойственна вопросам пола. Мало того, что в подавляющем большинстве объявлений пол подателя вообще не указан - он определяется либо по полу партнера ("познакомлюсь с мужчиной..."), либо по окончаниям глаголов, прилагательных и пр. ("Я - красивая...", "Хотела бы..."), либо по фамилии в обратном адресе и очень редко - по существительному ("Блондинка...", "Учительница..."), - в ряде случаев установить его вообще практически невозможно. Так, в одном из объявлений пол подателя можно предположить только по перечисленным увлечениям - шитье, вязание, кулинария, - хотя в принципе они вполне могут быть свойственны и мужчине.

Таким образом, имея дело с массивом, с одной стороны, достаточно стандартизированным, а с другой - весьма пестрым по сочетанию признаков, единственный способ его упорядочения состоит в поиске первичных образцов, отразившихся в тексте конкретного объявления. Характеристика объявления по совокупности отразившихся в нем образцов имеет смысл не только с точки зрения методики, но и в плане получения нетривиальной информации и нетрадиционной интерпретации результатов.

Приведу в качестве примера распределение признаков по некоторым характеристикам.

ПОЛ. В описании требований к партнеру указание на его пол - вообще редкий случай. Как правило, требуется друг, отец ребенку, хороший человек и очень редко - мужчина или женщина. Подобный расклад в брачных объявлениях, т. е. текстах, заведомо ориентированных на половые отношения, требует специальной интерпретации. Исследователи указывают (19), что это может быть связано, во-первых, с незротичностью основных сфер социального общения, а во-вторых, с механизмом социально-психологического запрета на публичное признание потребности в половом партнере. В целом это мнение представляется верным, однако хотелось бы подчеркнуть, что подобная ситуация с наглядностью демонстрирует пропитанность ханжеством, причем доходящим до абсурда. Если учесть, что пол фиксируется напрямую, во-первых, реже, чем образование, а во-вторых, в возрасте, когда подобная фиксация воспринимается скорее как компенсаторная (т. е. в возрасте свыше 55 лет, когда указание "мужчина" теряет остроту эротического привкуса), то тенденция к "бесполюм" бракам явно должна привлечь внимание исследователей.

В целом по массиву женских объявлений 80,8%, мужских - 19,2%. Сходные распределения получены при анализе объявлений в журнале "Шейма" (78% и 22%) и в газете "Красное знамя" (73% и 27%). Несколько иная ситуация в брошюре кооператива "Альянс", где мужчины представлены практически так же, как женщины. Но это выборка, организованная не стихийно, поэтому ее соотношения не показательны при оценке ситуации в целом.

Можно наблюдать отчетливую тенденцию к повышению доли мужчин среди подавших объявления по мере увеличения их возраста. Подобная

ситуация интерпретируется целым спектром факторов, из которых немалая роль принадлежит специфике отношения мужчин к браку, о чем детальнее речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что имеет значение разная скорость прохождения по ступеням социальной лестницы для мужчин и женщин.

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА. Это еще один часто встречающийся признак, он указан в 99,9% объявлений. Однако основная форма фиксации – обратный адрес. Прямая фиксация характерна только для жителей Москвы, Ленинграда и Риги. В двух случаях в обратном адресе была указана Рига, однако по тексту одного объявления стало понятно, что податель – житель сельской местности, а из текста второго – что житель Москвы. Это заставляет обратить внимание на возможную недостоверность обратного адреса и использование "посредника".

Любопытно, что возможность подобной уловки, видимо, хорошо осознается авторами объявлений, поскольку достаточно часто встречается требование к партнеру указать полный домашний адрес. 7,5% авторов объявлений требуют определенного места жительства от партнера, причем 17,2% мужчин и 5,2% женщин. В большинстве случаев требования к месту жительства обусловлено желанием не покидать город (рижанин хочет познакомиться с рижанкой), боязнью брака с корыстными целями – для москвичей и ленинградцев, и очень редко – желанием подателя объявления сменить место жительства. То обстоятельство, что мужчины чаще требуют определенного места жительства от потенциального партнера, позволяет выдвинуть предположение, что они менее мобильны и не склонны к изменению социальной ситуации.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. Этот признак отмечен в самоописаниях 12,5% объявлений, причем 17,2% мужчин и 11,2% женщин. При этом интересно, что 64,8% всех фиксаций национальности приходится на возраст 26 – 40 лет. К тому же он практически не реконструируется с приемлемой степенью достоверности. Единственный вариант – по фамилии подателя объявления – мужчины и женщины, причем для женщин только в том случае, если в тексте объявления указано, что она не состояла в браке. Однако случаев указания фамилии в обратном адресе немного, т. к. значительная часть подателей пользуется абонентными ящиками.

Важно различать фиксацию признака "национальность" как субъективно-значимого и как результат "анкетного" подхода к составлению объявления. Второй случай выдает последовательность фиксации признаков, совпадающая с последовательностью вопросов стандартной анкеты типа листка по учету кадров. Для первого случая характерно указание на национальность предполагаемого партнера. Вообще же в описании требований к партнеру женщины отметили национальность всего в 0,4%, а мужчины – в 5,7%, причем все случаи приходятся на тот же возрастной интервал. Обратим внимание на то обстоятельство, что мужчины чаще фиксируют национальность как в самоописаниях, так и в описаниях требований к партнеру. При дальнейшем разборе признаков я попытаюсь показать, что мужчинам вообще более свойственна тенденция к воспроизведению в браке социальной структуры, в то время как женщины более спокойно

относятся к ее размыванию, уделяя большее внимание внутрисемейной структуре отношений.

Национальность - один из наиболее широко варьирующихся в зависимости от региона и стиля газеты признаков. Так, если в газете "Вечерняя Алма-Ата" 92% подателей объявлений фиксируют национальность, то в харьковской газете "Красное знамя" национальность не указывается вообще. Причем последнее вовсе не свидетельствует об отсутствии в данном регионе национальных проблем, поскольку в 0,8% объявлений национальность указана при помощи кода - "если у вас нет национальных предрассудков...", "семитской внешности..."

По составу признак "национальность" весьма разнообразен, однако два варианта безусловно доминируют - русские и евреи. При этом для русских более характерна "анкетная" форма фиксации, а для евреев - субъективно-значимая. Отмечу также, что в брошюре кооператива "Альянс" национальность указана только для евреев, а в газете "Вечерняя Алма-Ата" распространены варианты "...казах с верховьев реки...". Вообще, данный признак позволяет рассматривать национальные отношения в очень детальных аспектах.

ОБРАЗОВАНИЕ. Его указали 67,4% подателей объявлений при самоописании (66,1% мужчин и 65,9% женщин) и 7,8% - при описании требований к партнеру (9,3% мужчин и 7,4% женщин). Встречающиеся варианты: высшее, среднее техническое, среднее специальное, среднее медицинское, среднее. Подавляющее большинство фиксаций приходится на долю высшего образования. Иногда указывается образование только по профилю, а не по уровню - музыкальное, педагогическое. В этом случае его рационально рассматривать как среднее специальное. В ряде случаев этот признак реконструируется через указание специальности - врач, юрист, пр. Для двух вариантов реконструкция не дает стопроцентной достоверности: 1) указание "инженер" может фиксировать как специальность (а следовательно и образование), так и должность, что уже к образованию отношения не имеет; 2) указание образования по специальности - медицинское, музыкальное, техническое. Но если в первом случае наиболее вероятно все же высшее образование, то во втором - среднее специальное.

Иногда встречается фиксация в форме "образованный" или "без образования". Не имея возможности измерить степень образованности, а также ее отсутствия, эти формы я относил к отсутствию указания на образование.

Интересен контекст фиксации образования при самоописаниях. В большинстве случаев (и во всех случаях, когда не отмечается специализация) встречается следующее построение фразы: "... с высшим образованием и приятной внешностью...", что заставляет предположить, что данный признак играет не информационную роль, а ценностную, т. е. признак призван не сообщить нечто об авторе объявления, а повысить его "цену" в глазах потенциального партнера.

Возрастное распределение признака при самоописании у женщин достаточно стабильное, а у мужчин возрастает к 35 годам с 50% до 84,8%, а затем падает до тех же 50% к 55 годам. Отметим, что более

частая фиксация признака "образование" в описании требований к партнеру у мужчин также может быть интерпретирована как тенденция к сохранению социального статуса.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. В подтверждение высказанного выше мнения, что указание на уровень образования есть ценностная характеристика, а не информативная, приведу данные по фиксации специальности. Она отмечена для 33% объявлений массива, причем среди мужчин ее указывают 37%, а среди женщин - 32,1%. При описании требований к партнеру признак указан в 4,1% объявлений (для мужчин - 5,2%, для женщин - 3,8%). Наиболее часто встречаются в самоописании специальности - инженер, врач, педагог, музыкант (для женщин). Преобладание этого признака у мужчин вписывается, на мой взгляд, в указанную выше гипотезу.

При анализе данного признака внимание привлекает следующий факт: все случаи указания на специальность в описании требований к партнеру у женщин относятся к одному варианту: требуются военнослужащие. Для брошюры кооператива "Альянс" характерны еще два варианта, в большинстве случаев соседствующие в одном и том же объявлении - северянин и моряк. Интерпретация подобного положения затруднительна в силу неоднозначности ситуации. Здесь и фактор материальной и жилищной обеспеченности, и гарантированного роста благосостояния, и брачной стабильности. В то же время это отказ от стабильной "среды обитания", места работы, в ряде случаев и от работы по специальности, т. е. от всего, что связано с существованием женщины вне брака. Мне кажется, что в данном случае мы имеем дело с квинтэссенцией указанной выше тенденции - ориентации женщины на внутрисемейные ценности, в отличие от мужской ориентации на ценности социальные. Если перейти на иной уровень интерпретации, то в оценке того, какая тенденция ныне преобладает - сохранения социальной однородности семьи или ее размывания, - то представляется, что носители этих тенденций различаются прежде всего по полу: первой следуют мужчины, а второй - женщины.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. Отмечено в 23,8% самоописаний (25,5% мужских и 23,4% женских). Присутствует в трех вариантах: состоял в браке - 9,1% (12,5% мужчин и 8,3% женщин), не состоял - 9,7% (10,4% мужчин и 9,5% женщин) и вдовец - 5% (2,6% мужчин и 5,6% женщин). Отмечу, что данный расклад вряд ли отражает реальный состав подателей объявлений, т. к. наличие детей фиксируется значительно чаще, а указание на пребывание в браке, как правило, соседствует с указанием на отсутствие детей. Таким образом, возможно, что здесь мы имеем дело со сдвоенной фиксацией - указание на наличие, видимо, подразумевает предшествующее пребывание в браке. Конечно, если под пребыванием в браке понимать факт его регистрации, то это допущение некорректно. Однако, если отойти от формальной оценки, то сопоставление этих признаков становится более достоверным, а при сопоставлении фиксации пребывания в браке и наличия детей с физиологическим аспектом фиксации "женщина" - абсолютно достоверным. Таким образом, реконструкция признака "женщина" и "пребывание в браке" по наличию детей возможна, а обратная - нет.

Для второго варианта - не состояла в браке - возможна реконструкция по признаку "девушка".

В принципе, вариант "вдова (вдовец)" - разновидность варианта "состоял в браке", который тогда можно рассматривать как совокупность альтернативных признаков "разведен - вдов". Выделение варианта "вдовец" обусловлено его особой психологической нагрузкой. Действительно, если развод свидетельствует - с обывательской точки зрения - либо о неуживчивости подателя объявления или наличии у него серьезных недостатков, либо о его "брошенности" (что всегда унижает) - и в обоих случаях это его минус (кроме случаев попытки превентивного оправдания потери девственности и отведения обвинений в аморальном образе жизни; кстати, именно балансом этих сил - реального минуса и превентивного плюса - и объясняется наличие такого рода фиксаций в объявлениях), то вдовство - "благородный" способ выбывания из брака, утраты семьи при сохранении превентивных плюсов. Правда, семантическое поле "вдовца" имеет и оттенок известного по фольклору аспекта "синей бороды", но превращение разводов в явление повседневности, видимо, сделало его неактуальным.

Возрастное распределение признака достаточно стабильно для варианта "был в браке", снижается для варианта "не был" и повышается для варианта "вдов". При описании требований к партнеру семейное положение указывается в 6,3% объявлений (19,8% мужчин и 3,1% женщин), причем если для мужчин пик этих указаний приходится на возраст до 30 лет в варианте "девушка", то для женщин - в возрасте старше 50 лет в варианте "вдовец". Соотнеся эти данные с анализом признака "наличие детей", можно прийти к выводу, что если для мужчин в молодости важен сам факт пребывания женщины в браке, то для женщин имеет значение прежде всего способ "выбывания" мужчины из него, при этом она явно отдает предпочтение прерыванию брака по независящим от мужчины причинам (иногда так и указывается в тексте объявления). В этом смысле если для женщины старше 25 лет пребывание в браке рассматривается скорее как плюс, то для мужчины - как минус.

НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ. Зафиксировано для 24,5% объявлений в положительном значении (5,2% мужчин и 29,1% женщин). Естественно, что подобное распределение не адекватно реальности, однако именно оно подчеркивает верность изначально выдвинутой гипотезы - фиксация признака в объявлении свидетельствует не столько об объективной ситуации, сколько о признании его значимости. Наличие детей при самоописании мужчины не значимо, поскольку по сложившейся практике разводов дети в большинстве случаев остаются с матерью и тем самым их влияние на жизнь отца проявляется только в материальной форме - алиментах. Но это одна сторона. С другой же стороны - тот факт, что с возрастом число указаний на наличие детей уменьшается: для женщин старше 40 лет с 40,8% до 0,7%, для мужчин старше 50 лет - с 18,2% до 0. Упоминание о том, что дети живут отдельно, дает основание для интерпретации этого распределения: так же, как и в предыдущем случае значение имеет не сам факт наличия детей, а их включенность в предполагаемую семейную жизнь.

Таким образом, данные о наличии детей у подателей объявлений не репрезентативны даже для данной выборки, но их значение при анализе ценностных ориентаций огромно. На наличие детей у партнера согласны 9,4% подавших объявления (13,5% мужчин и 8,4% женщин). Интересна оговоренность наличия детей у партнера в женских объявлениях. Если женщины младше 40 лет чаще дают согласие на наличие детей у мужчины в тех случаях, когда имеют своих детей (как бы в качестве компенсации своего "минуса"), то старше - при отсутствии своих детей, т. е. в данном случае компенсируется уже отсутствие возможности иметь совместных детей (такие случаи встречаются и в младших возрастных группах в виде прямых указаний). Откровенно говоря, приемлемой и хоть сколько-нибудь обоснованной гипотезы для объяснения более частого согласия мужчины на наличие детей у партнера я выдвинуть не могу, хотя некоторые соображения выскажу ниже.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. Отмечена у 4,2% подателей объявлений, при этом у 5,2% мужчин и 4% женщин. В описании требований к партнеру признак встречается в 1,7% объявлений (1% мужчин и 1,9% женщин). Интересно, что чаще всего считают себя материально обеспеченными податели объявлений в возрасте до 25 лет. Это, с одной стороны, определенное свидетельство инфантилизма, а с другой - указание на сугубо субъективный характер оценки этого признака. Речь идет не о том, сколько подателей реально финансово обеспечены, а сколько из них считают себя таковыми, ведь объективно все-таки вероятность реальной обеспеченности с возрастом увеличивается, а не уменьшается. Второй пик фиксации - у женщин старше 50 лет (12 - 20%) и у мужчин старше 60 лет (11,1%), т. е. в предпенсионном и пенсионном возрасте.

НАЛИЧИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ. Отмечено в 13,7% объявлений - 14,1% мужчин и 13,6% женщин. Заметим, что если доля женщин, имеющих условия для совместной жизни, с возрастом увеличивается с 6,5% до 33,3%, то у мужчин распределение значительно сложнее: после 35 лет доля имеющих условия падает, вновь возрастая лишь после 50 лет. При этом не имеют жилищных условий прежде всего мужчины, ранее состоявшие в браке. Не одинаково распределены по этому признаку и требования к партнеру: в целом указанный в 1,6% объявлений, у мужчин он достигает 2,6%, причем зафиксирован только в возрасте старше 40 лет, а у женщин - 1,4% в возрасте до 50 лет. Относительно большая стабильность этой ситуации у женщин объясняется, видимо, также сложившейся практикой разводов, согласно которой мужчина, как правило, оставляет жилплощадь женщине.

СОГЛАСИЕ НА ПЕРЕЕЗД. Его дают 4,2% подавших объявления (2,1% мужчин и 4,7% женщин). Требуют переезда от партнера только мужчины (0,8% всего массива и 2,6% мужчин). Интересно, что если женщины в возрасте до 40 лет значительно реже согласны на переезд, чем в более старшем возрасте (3,9% против 11,2%), то мужчины вообще согласны сменить место жительства только в возрасте 31 - 40 лет. Из числа дающих согласие на переезд практически исключены жители Москвы и Ленинграда.

ХАРАКТЕР. Полный список вариантов этого признака весьма велик и, несмотря на то, что среди черт характера есть явные "лидеры", неудобен для анализа. Объединение вариантов по семантическим полям или по принципам мягкой синонимии грозит привнесением субъективной позиции исследователя. Есть возможность пойти иным путем – по функциональной нагрузке черт характера. Тогда сразу же различаются черты характера и темперамента. Черты характера, в свою очередь, делятся на направленные на близких людей, членов семьи, друзей и на посторонних, т. е. на людей "вообще". Так, если энергичность – свойство темперамента, то нежность – черта характера, направленная на близких людей, а тактичность – на людей "вообще". Такой подход также содержит элементы субъективной позиции исследователя, но все же в меньшей степени, чем группировка вариантов на произвольных основаниях.

В самоописаниях признак указан в 51,3% объявлений (44,8% мужчин и 52,8% женщин). При этом у женщин в возрасте до 50 лет доля указывающих на черты своего характера постепенно возрастает с 46,8% до 65,2%, а затем снова падает до 35%. У мужчин несколько иное распределение: интерес к указанию черт характера падает к 30 годам с 50% до 42,4%, затем к 40 годам возрастает до 60% и вновь падает к 50 годам до 28,6%. К старости же он вновь возрастает до 44,4%. Как представляется, такое распределение отражает компенсаторную функцию этого признака. Для женщин его распределение обратно симметрично распределению признака "внешность", для мужчин – материальной и жилищной обеспеченности. Я имею в виду тот странный факт, что когда есть чем гордиться кроме черт характера, будь то внешность или жилье, то черты характера не упоминаются.

Доля фиксации черт характера в описании требований к партнеру еще выше – 68,8% (58,9% для мужчин и 71,2% для женщин). Возрастное распределение стабильное.

ИНТЕРЕСЫ. В признаке отражены в основном внесемейные устремления подателя объявления и его потенциального партнера. Они зафиксированы в 26,6% объявлений при самоописании (34,9% мужчин и 24,6% женщин). При этом интересы отмечены всего в 6,6% требований к партнеру (8,9% мужчин и 6,1% женщин). Никаких явных закономерностей в возрастном распределении обнаружить не удалось.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СКЛОННОСТИ. Название этого признака не совсем корректно, т. к. подателями объявлений имеется в виду скорее брачно-семейные склонности. Так, наряду с умением шить и готовить отмечается способность быть верной женой и хорошей матерью. Условность подобного отнесения объясняется тем, что если умение шить или вязать поддается наглядной демонстрации, то в способность быть верной женой читателю остается только верить. Однако я сочла возможным объединить эти варианты в один признак, т. к. в данном контексте – изучении ценностных ориентаций – оба они относятся к ориентации на внутрисемейные проблемы.

Отмечен данный признак в 20,8% объявлений (7,8% мужчин и 23,9% женщин). При этом в требованиях к партнеру признак встречается в 14,1% объявлений (20,3% мужчин и 12,6% женщин). Интересно, что мужчины фиксируют свои хозяйственные склонности

только в возрасте до 50 лет. В самоописаниях признак "хозяйственные склонности" обратно симметричен признаку "интересы".

ВНЕШНОСТЬ. В массиве встречается в следующих вариантах: абстрактное указание (симпатичная, приятной внешности), цвет волос и глаз, фигура, физические недостатки. Наиболее часто встречается абстрактное указание, затем фигура, цвет волос и реже всего - цвет глаз и физические недостатки. Всего в массиве внешность указывается в самоописаниях 51,1% объявлений (36,5% мужчин и 54,6% женщин). При этом если у женщины максимальное внимание к своей внешности зафиксировано в возрасте до 25 лет (64,4%), то у мужчин два пика - в возрасте 31 - 35 лет и 46 - 50 лет (по 45,5%).

В описании требований к партнеру признак "внешность" присутствует в двух вариантах - описание самой внешности и требование прислать фотографию. Суммарно этот признак присутствует в 36,3% объявлений (89,6% мужчин и 24,5% женщин). Сразу отметим неравномерность представленности признака среди мужчин и женщин. Любопытно, что если мужчины отдают предпочтение описанию внешности предполагаемого партнера, то женщины чаще требуют фотографию.

РОСТ. Этот признак чаще всего встречается в брачных объявлениях - 87,4% самоописаний (92,2% мужчин и 86,3% женщин). Заметим, что если в сумме распределение по росту является нормальным, то рассмотрение его по полу дает несколько иную картину, а именно - среди женщин доминируют подательницы объявлений ростом выше 170 см., а среди мужчин - ниже 170 см. При описании требований к партнеру рост указывается значительно реже - в 16% объявлений. Среди мужчин указание достигает 11,5%, а среди женщин - 7,1%. Распределение указания роста в описаниях требований к партнеру обратно пропорционально распределению указаниям роста в самоописаниях.

ОТСУТСТВИЕ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК. Этот признак характерен прежде всего для описания требований к партнеру - 26,8%. При этом он значительно более важен для женщин (31,7%), чем для мужчин (6,3%). Наличие этого признака вполне понятно, если учесть, что 47% бракоразводных дел, возбуждаемых по инициативе женщин, связаны с алкоголизмом мужа. Характерно, что чем старше податель объявления, тем чаще присутствует этот признак - сказывается социальный опыт авторов.

Чаще всего признак фиксируется именно в такой форме - "без вредных привычек", однако в отдельных случаях конкретизируется - не пьет и не курит.

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. Также признак, более характерный для описаний требований к партнеру (12,5%) и также более волнующий женщин (13,9%), чем мужчин (6,8%). Под этот признак я подвела несколько вариантов: как прямую фиксацию (серьезное отношение к семейной жизни), так и указание на стремление потенциального партнера иметь семью, детей, стать опорой семьи и т. п. Следовательно, в целом признак отражает требование активного отношения, желая партнера в области семейной жизни. Для женщин этот вопрос наиболее актуален в возрасте 31 - 35 лет (18,6%), для мужчин - в 36 - 40 лет (17,1%). В целом признак характеризует

стремление женщин уйти от "обвинения" в активном поиске брачного партнера.

Таким образом, анализ признаков показывает, что налицо явное разнообразие образцов, отличающихся как по поло-возрастной, так и по другим характеристикам. Представляется, что исследование в данном направлении перспективно. В следующей главе мы обратимся к еще некоторым аспектам изучения объявлений.

Если подвести краткие итоги всем моим конкретно-источниковедческим наблюдениям, то можно сделать такой вывод: анализ исторических источников с точки зрения социальных эстафет наиболее перспективно в тех случаях, когда необходимо провести упорядочение разнородного массива, найти скрытые закономерности его формирования и существования.

При этом если ранее мы говорили о типах образцов по передаче (подражание по деятельности или по продукту) эстафет, а также по сферам деятельности (образцы деятельности, мышления, восприятия и пр.), то для конкретно-источниковедческого исследования необходима, безусловно, более дробная классификация, ориентированная уже на виды деятельности, формы восприятия и пр. Таким образом, получается, что не только теория социальных эстафет обогащает историческое исследование, но и историческое исследование, особенно на уровне эмпирики, обогащает теорию социальных эстафет.

В ходе конкретно-источниковедческого исследования мы выявили следующие виды образцов: образцы копирования и образцы переосмысления при анализе рукописей; образцы-эталоны и образцы восприятия при анализе авторского текста; образцы брака, характерные для различных поло-возрастных групп и образцы брачного знакомства. Значимым в последнем случае кажется также наблюдение за формированием образца "от обратного" в случае задействования жизненного опыта.

1. О. Р. Квирквелия, И. Н. Киселев. Информационная база математического моделирования производственных процессов в археологических исследованиях. - Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982

2. Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков. Некоторые приемы расчетов хозяйственных ареалов. - Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; О. Р. Квирквелия. Биосфера как объект археологического исследования. - Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985

3. А. А. Аскарлов, Ю. Ф. Буряков, О. Р. Квирквелия, В. В. Радилиловский. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. Ташкент, 1988; О. Р. Квирквелия. Возможные принципы структурирования урбанизационного процесса. - Зоны и этапы урбанизации. Наманган, 1989; Она же. Археология современности или социологическая археология. - Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989

4. Напр., А. Я. Брюсов. Археологическая культура и этническая общность. - Советская археология, 1956, № 25; А. Л. Монгайт. Археологическая культура и этническая общность. - Народы Азии и Африки, 1967, № 1; А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. - Советская археология, 1964, №4; П. Н. Третьяков. Археологическая культура и этническая общность. - Советская археология, 1962, № 4; И. С. Каменецкий. Археологическая культура, ее определение и интерпретация. - Советская археология, 1972, № 2; Л. С. Клейн. Проблема определения археологической культуры. - Там же и др.
5. О. Р. Квирквелия. Моделирование в изучении иерархии русских князей от Владимира Святого до Юрия Долгорукого. - Комплексные методы в изучении исторических процессов. М., 1987; О. Р. Квирквелия, А. К. Станюкович, С. П. Михайлов. О дате Ивановского собора в Пскове. - Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1984
6. В. Т. Пашуто. Образование государства Литовского. М., 1959
7. Д. В. Деопик. Опыт количественного анализа древней восточной летописи. "Чуныцю". - Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977
8. О. Р. Квирквелия. История анализа умолчаний Новгородской 1 летописи. - Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986
9. О. Р. Квирквелия, З. Е. Коптева. Возможность моделирования процесса создания исторического произведения. - Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984
10. С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. - Соч., т. 2, СПб., 1913
11. О. М. Державина. Метафоры и сравнения в исторической повести начала XVII в. - Культурное наследие Древней Руси. М., 1976
12. В. И. Корецкий. Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева. - Летописи и хроники. 1976. М., 1976
13. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606 - 1607 гг. М., 1951
14. В. И. Корецкий. "История Иосифа о разорении русском" - летописный источник В. Н. Татищева. - ВИД, Л-д, 1973, вып. 5
15. В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки
16. А. П. Богданов. Системный анализ источников по социально-политической истории предпетровской России. - Комплексные методы в изучении истории... М., 1984

Глава 8

"АТОМАРНЫЙ" УРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: АВТОРСКАЯ ПРАКТИКА

1. Отечественная история. Дописьменный период

Начнем, как и в предыдущей главе, с древнейшего периода, для изучения которого привлекаются прежде всего археологические

источники. Это представляется мне важным, поскольку, как уже говорилось выше, археологи зачастую вынуждены писать археологию, а не историю – слишком не разработан все еще механизм исторической интерпретации археологических источников. Однако существует круг источников, который как бы прямо создан для написания именно исторических работ. Это прежде всего поселения и погребения.

То, что в погребении отражены многие стороны реальной жизни – начиная от типа жилища и кончая модой на бусы, – ни у кого не вызывает особых сомнений. Вопрос заключается в том, что отражение это всегда искаженное, и принцип искажения почти никогда не известен. Изучение погребений, как правило, плавно переходит в изучение погребального обряда, а в ряде случаев и в изучение представлений о загробном мире. Некоторые попытки, в большинстве случаев неудачные, известны по литературе, хотя есть и работы, утверждающие принципиальную невозможность изучения представлений о загробном мире по археологическим данным.

Ход рассуждений тех, кто считает возможным изучение представлений о загробном мире по погребениям (я в их числе), весьма прост: погребение – результат совершения неких действий. Реконструкция этих действий по их результату в принципе возможна. Сами действия совершаются с какой-то целью. Реконструкция целей по действию сложна, но возможна. Цели более или менее адекватно отражают представления о загробном мире, реконструкция которых тем самым – задача не безнадежная.

Как представляется, основная причина неоднозначности и неубедительности получаемых в таком исследовании результатов кроется в том, что оно однонаправлено – от погребения через обряд к религиозным представлениям. И если первый этап – от погребения к обряду – имеет более или менее четко очерченное поле интерпретаций, т. е. число возможных вариантов гипотезы конечно, то второй этап дает практически неограниченное интерпретационное поле, а тем самым и очень слабую вероятность выбора нужного варианта и столь же малую его достоверность.

Я думаю, что более перспективно исследование данной проблемы встречными потоками – от погребения к обряду и от религиозных представлений – к нему же. Естественно, возникает вопрос, на основании каких данных могут решаться вопросы, связанные с представлениями о загробном мире. И здесь на помощь могут прийти теория социальных эстафет и моделирование, конкретно – одна из его разновидностей: создание логических внутренне непротиворечивых моделей. Вся современная наука о человеке сходится во мнении, что человеческое сознание не может породить ничего такого, что не имело бы аналогов, образцов в окружающей его действительности. Таким образом, задача по существу сводится к выяснению принципов трансформации реальных образцов при "разработке" модели загробного мира (слово "разработка" здесь взято в кавычки, поскольку я не предполагаю, что представления о загробном мире возникали осознанно и целенаправленно). Понятно, что данный подход применим в том случае, если подразумевается аксиома о религиозных корнях совершения погребения, а не гигиенических.

При анализе проблемы в таком аспекте выясняется, что модель любого загробного мира состоит из стандартного набора блоков. Прежде всего это блоки характеристик загробного мира – месторасположение, тип существования умерших, социальная и имущественная структура. Далее следуют блоки признаков, характеризующих соотношение миров – способ попадания в загробный мир, средства передвижения, используемые при этом, трансформация вещей, степень адекватности отображения земных характеристик покойного (имущественной, социальной, половозрастной и т. п.). И наконец блоки характеристики погребения – роль захоронения, длительность пребывания в могиле, цель пребывания в могиле, потребности покойного в период пребывания в могиле и пр.

Для каждого такого блока существует конечное число возможных образцов, а следовательно и вариантов реализации, особенно если принимать во внимание не только формальную возможность, но и реальные экологические и культурные условия. Так, в местности, где нет судоходных водных пространств, маловероятно появление в погребении лодки как средства перемещения.

Загробный мир может иметь либо реальные географические координаты (дравиды Индии указывают вполне конкретное место в горах), либо псевдореальные (на каком-то острове), либо располагаться под землей или в небесных сферах.

От его месторасположения зависит способ передвижения (если таковой требуется): пешком – если оно близко (в могиле будет походное снаряжение), верхом – если месторасположение далеко, но его координаты реальны или псевдореальны, в колеснице – в могиле будет лошадь либо с упряжью, либо с колесницей, в ладье – если для попадания в загробный мир требуется пересекать водные пространства. Если загробный мир находится под землей или в небесах возможно использование фантастических или хтонических существ – драконов, крылатых змей и пр. В случае, если перемещение происходит непосредственно духом, то в погребении может не оказаться никаких средств передвижения.

Очень многое в реконструкции представлений о загробном мире зависит от интерпретации блока характеристик погребений, а в особенности – цели и сроков пребывания покойника в могиле и его потребности в этот период. Дело в том, что в ряде случаев покойный навсегда остается в могиле – это и есть его загробный мир. Тогда могила – это жилище. В других случаях могила – это чистилище или пункт ожидания. Так, в триалетских курганах в погребении одновременно встречаются колесница без коня, походное снаряжение и огромные кувшины, явно не приспособленные для перевозки. Здесь возможен вариант интерпретации – покойному в погребении предстоит ожидание, затем переезд в загробный мир на колеснице, запряженной неким фантастическим существом.

Этот этап исследования может вызвать вполне справедливые замечания по поводу слишком большого объема работы, с одной стороны, и опять-таки слишком большой роли субъективных воззрений исследователя в выборе варианта – с другой. Но именно в силу этих препятствий на пути анализа имеет смысл строить внутренне непротиворечивую модель, перебирая не все варианты, а только те,

конкретизация которых возможна на материалах данного погребения. Кроме того, выбор должен осуществляться с учетом двух принципов – полного согласования всех блоков и знакомство данного социума с образцами, трансформация которых предполагается в погребальном обряде.

В большинстве моделей предполагается наличие каких-либо привязок, норм, позволяющих контролировать ход моделирования. Такими привязками в данном случае являются семантические ряды, используемые в обряде и фиксируемые в погребении, такие как змея, солнце, яйцо, кровь и т. п. Здесь кроется вполне естественная трудность – такие символы, как правило, полисемантичны, и выбор правильного значения не так прост. Змея, рассматриваемая как символ медицины, может привести нас к выводу о том, что люди в загробном мире болеют (что не полностью исключено, однако маловероятно), или заставить отнести всю массу погребений с этим изображением к погребениям врачей (что вероятно еще меньше, поскольку таких символов – змей – множество). В то же время змея обладает одним неопределимым качеством для общения с загробным миром – она меняет кожу. А здесь уже скрыто указание на тип перерождения. В работе с полисемантическими символами следует придерживаться тех же двух принципов – полного согласования и знакомства с реальным образцом.

Известно, что для искусственных систем, каковой является погребение, избыточность информации минимальна. Это заставляет искать те значения символов, которые были бы принципиально важны для определения места покойного в загробном мире или для его характеристики.

Но даже если блоки характеристик уже уточнены, и внутренне непротиворечивая модель загробного мира разработана, сложности еще не исчерпаны. Необходимо учитывать, что при реализации представлений в погребении возможна заменяемость предметов, которую легко принять за разные варианты, отражающие разные характеристики. Так, если в одном погребении есть чаша, а в другом – бокал, то это может указывать на что-либо, различающее покойных (возраст, пол, например), а может и не указывать, поскольку для обряда важно только наличие сосуда для питья.

Другой вариант – имитация неких необходимых элементов погребения. Она может быть в форме реальных предметов, но "ненастоящих" – маленьких размеров или плохого обжига и т. п., а может в виде изображения, придания определенной формы могиле (например, формы ладьи), выкладывания изображения из камешков и пр. Возможно и делегирование элемента в виде его фрагмента – например, вместо виночерпия выступает просто черпак, вместо стременного – миниатюрные стремена.

Особенно распространен такой вариант – замещения – в период угасания обряда. С ростом имущественной дифференциации все сложнее становится сохранить изначальное равенство погребального инвентаря – это проявляется, с одной стороны, в появлении предметов из разных материалов, в том числе драгоценных металлов в погребениях богатых людей, и с другой стороны, в появлении имитаций в

погребениях бедняков. Аналогичная ситуация возникает в период отмирания рабства.

Признаюсь, что данные рассуждения полностью справедливы только для "чистых" обрядов на стадии их расцвета - для смешанных обрядов или для обрядов вырождающихся, равно как и формирующихся, построение модели будет выглядеть далеко не так просто (хотя и возможно). Пересечение различных образцов в реальной жизни дает в ряде случаев совершенно немыслимые трансформации в представлении о загробном мире. Еще хуже дело обстоит с обрядами в тот период, когда образец восприятия уже утрачен, остается только образец действия, т. е. люди еще знают и помнят, как полагается хоронить, но уже совершенно не понимают значения тех или иных элементов. Можно провести следующую аналогию: если на стадии расцвета обряда люди знают, что они хотят "сказать" погребением, и знают, как можно передать этот "текст", причем у них под руками для этого большой "словарный" запас, то в дальнейшем они помнят только отдельные "слова", которые чаще всего употреблялись в предшествующий период, но не могут изложить связный "текст".

Надо учитывать еще одно обстоятельство - мы можем и не догадываться о том, какие характеристики человека являются важными для определения его положения в загробном мире в данном социуме. Кроме вполне понятных половозрастных и социальных характеристик это могут быть обстоятельства смерти - от удара молнии, например, - внешности, неких обстоятельств жизни. Эти характеристики при отсутствии письменных источников выявляются очень редко, но возможность их наличия в представлениях необходимо иметь в виду.

И последнее. Чем менее "реален" загробный мир и способ попадания туда, тем сложнее реконструкция представлений о нем. Наиболее яркий пример - христианство. Расположение загробного мира в ином пространственно-временном континууме, а главное - попадание туда непосредственно душой лишает погребение многих характерных признаков. Правда, чисто христианское погребение - относительно редкое явление, всегда примешиваются те или иные языческие элементы, но и в этом случае интерпретация весьма сложна.

2. Отечественная история. Древняя Русь

Летописи, хроники, истории... С какой целью в них было описано то или иное событие? По какому принципу отбирались факты для его изображения? Эти вопросы занимают особое место и имеют важное значение для методологии исторической науки. И это не случайно. Свидетельства древних авторов являются историческими источниками, на основании которых современные историки строят свои концепции.

В то же время хорошо известно, что любое описание, в том числе и описание исторических событий, в большей или меньшей степени субъективно, причем эта субъективность во многом определяется целями создания описания и проявляется в принципе отбора фактов для фиксации. История же как наука стремится к выявлению объективной реальности, к изучению тех событий, которые действительно имели место в прошлом. Путь достижения этой цели

- выявление в историческом источнике истины - лежит через преодоление его субъективности, а оно возможно лишь при условии знания целей создания тех или иных описаний и принципов отбора фактов.

Если для периода с середины II тыс. н. э. до настоящего времени эта задача, как правило, может быть решена на основании сопоставления различных исторических источников, то чем дальше вглубь веков, тем меньше у нас данных и тем сложнее, следовательно, ее решение. На помощь историку приходят косвенные доказательства, логические умозаключения, различные ассоциации и т. п.

Я хочу предложить еще один подход к реконструкции целей и принципов описания исторических источников через анализ истории в рамках личности, т. е. на уровне обыденного сознания. Возможно ли это?

"История помогает осознать закономерности развития человеческого общества", "История каравана PQ - 17 весьма показательна для характеристики международной обстановки в годы Второй мировой войны", "Ну и влип же я в историю!" - эти три фразы, как сразу становится ясно, объединяет одно - слово "история". Однако смысл его каждый раз другой. В первом случае речь идет о науке, во втором - о конкретном событии, в третьем - о бытовой ситуации. Что это - типичная для русского языка полисемантичность или между этими значениями есть более глубокая связь? Думается, что второе предположение не лишено смысла, ведь все три значения можно свести к одному: история - это описание явления или процесса, происходящего в некое время в некоем месте с участием неких людей или общественных групп.

Иными словами, история есть оценка события по трем шкалам: время, место, персонажи. В силу этого определения понятие "история" может быть применено (и реально применяется) как в сфере научной деятельности, так и в сфере общественного сознания и на уровне обыденного.

С этой точки зрения можно построить такую цепочку: история - генеалогия (история в рамках рода) - биография (история в рамках личности). Правомочность этого сравнения, видимо, бесспорна, а значит есть возможность изучения общих черт исторического на любом из уровней обобщения. Если это так, то вопросы о целях создания и принципах отбора фактов для фиксации исторического описания также могут решаться на любом из уровней вплоть до обыденного.

Теперь необходимо определить метод решения поставленной задачи. Основываясь на предположении, что во всех этих случаях мы имеем дело со следованием одному и тому же (в целом) образцу, выберем на любом из уровней обобщения тип источника, в котором наиболее ярко прослеживаются цели создания и принципы отбора фактов описания, выявим последние, а затем проверим результаты проведенной реконструкции на источниках более высокого уровня обобщения. Если они найдут себе подтверждение или хотя бы не вступят в противоречие с результатами анализа других источников, будем считать выявленные цели и принципы имеющими право на существование.

Реальные исторические источники не подходят нам в качестве базового материала в силу уже указанной сложности их исследования. Проще всего работать с описаниями в рамках личности. Но научные биографии также не содержат в явном виде нужные нам сведения. Видимо, имеет смысл обратиться к художественной литературе, но не к той, в которой сам автор является создателем описания, так как и в этом случае интересующие нас сведения не будут сформулированы четко, а той, в которой излагается создание описания событий в рамках личности, причем этот род литературы должен быть массовым и иметь определенный жанровый канон, что снизит влияние на наши выводы стилевых особенностей конкретного автора. Как это ни удивительно, но лучше всего отвечает нашим требованиям и проще всего решать интересующие нас вопросы на основании произведений одного из достаточно популярных жанров - детективов о разведчиках.

Разведчик собирается проникнуть в чужеродную среду и укрепиться в ней. Что необходимо для этого в первую очередь? Составление "легенды" - рассказа о "своем" происхождении, детстве, событиях "собственной" жизни, о "близких родственниках и друзьях". Причем чем полнее и точнее "легенда", тем больше у разведчика шансов на успех операции.

Но для чего создается "легенда"? Чтобы выдать себя за "своего", а вернее, чтобы другие воспринимали разведчика как человека своей среды. Иными словами, "легенда" несет в себе функцию опознавания индивидуума как члена некоего коллектива. А для этого он должен вписываться в соответствующую нормативную систему и следовать соответствующим образцам.

Но "легенда" не может вмещать в себя все детали жизни того, за кого выдает себя разведчик (отметим: как и любое описание не может вместить все детали описываемого). Какие же фрагменты прежде всего выбираются для фиксации? Место, время и персонажи составляют костяк "легенды", без которого она просто невысказана. Но не это делает "легенду" убедительной. Нужно нарастить на нем мелкие и крупные факты, характеристики, детали.

Существуют две основные категории событий - повседневные, обыденные, и экстраординарные, редкие. Каким из них отдать предпочтение? С одной стороны, если разведчик не знает, например, что в России кредитными картами можно расплачиваться только в крупных городах и туристических центрах, да и то не во всех магазинах и барах, или сколько стоит проезд на общественном транспорте, шансы на выживание у него минимальные. С другой стороны, если он начнет перечислять все "свои" школьные отметки или цитировать наизусть прейскурант цен, ему грозит в лучшем случае вызвать недоумение и подозрительность окружающих. Следовательно, обыденное нужно знать, но не демонстрировать это знание.

Убедительность "легенде" придают детали необычные, обращающие на себя внимание. При этом необходимо учитывать не свою нормативную систему, а систему того социума, членом которого необходимо предстать. Значит, детали должны быть необычными не для разведчика, а для того общества, в которое он стремится "врасти".

Но вполне правомерен вопрос о том, что историческое описание существенно отличается от "легенды" хотя бы тем, что фиксирует абсолютно реальные события в их реальной взаимосвязи. Это так. Но цели и принципы отбора фактов у них могут быть общими именно потому, что построены на единой основе - следовании сходным образцам, элементарной логике и адаптации к обыденному. Проверим это на источниках другого типа.

Противопоставление "свои - чужие" известно на всем протяжении существования исторических описаний. Но при этом совершенно менялся смысл, вкладываемый в понятие "чужой". По письменным источникам нам известны противопоставления этнические (древляне - вятичи), культурные (греки - варвары), религиозные (мусульмане - неверные), расовые (европеоиды - низшие расы) и т. д. Знаем мы также сословно-классовые и социально-политические противопоставления. Уже одна только живучесть этой характеристики в истории способна утвердить нас во мнении, что мы на правильном пути и что цели описания могли основываться на противопоставлении "свои - чужие".

Что касается принципа отбора фактов, то приведу такой пример: в Повести временных лет всего один раз встречается запись "Мирно бысть". Что это - просто летописцу больше нечего было сообщить про этот год, и он отметил обычное явление? Но в таких случаях он, как правило, просто ничего не писал. Видимо, дело все-таки в том, что для данного периода русской истории мирный год являлся событием экстраординарным и нуждался в фиксации.

Обратимся теперь к современным историческим исследованиям. Одним из аргументов в пользу утверждения, что автором Повести временных лет является Нестор, служит знание им истории Киево-Печерского монастыря. По аналогичному принципу определяется принадлежность автора к некоему месту, сословию, кругу и т. д. Что это, как не скрытое признание того, что исторические описания несут функцию опознавания и что нормативные системы играют важную роль в ее выявлении?

Итак, кажется, наше предположение о возможности решать вопрос о целях создания и принципах отбора фактов для фиксации исторического описания имеет право на существование. Но, может быть, это вообще универсальное положение не только для исторического, но и для любого другого описания, а также для обыденных ситуаций? Может быть, здравый смысл играет здесь определяющую роль? Продолжим наше рассмотрение художественной литературы в этом аспекте.

Рассказ Э. Ф. Рассела "Пробный камень" предлагает такую ситуацию: на некую планету, населенную разумными существами, прилетают земляне. Местные жители встречают их настороженно. Выясняется, что задолго до этого времени на планете уже побывал корабль с Земли, космонавт которого подружился с местным населением, остался на планете и перед смертью оставил завет - не допускать на планету людей, которые увидев определенную вещь, скажут определенную, непонятную аборигенам фразу. Успешно выдержав испытание, земляне вступают в контакт с аборигенами и узнают, что они не имели права сказать при виде фотографии космонавта:

"Проклятый ниггер". Таким образом, отличие их от общества, которого опасался космонавт, реализовывалось через то же незнание ими нормативной системы, которая выступала в данном случае в качестве пароля.

Или: в романе А. и Б. Стругацких "Понедельник начинается в субботу" герой при помощи машины времени попадает в описываемое будущее, где сталкивается с людьми, одетыми в одни черные очки или пестрый галстук. Это писатель - их создатель - отметил только характерные черты их одежды. Способность человеческой памяти фиксировать в первую очередь необычное прекрасно продемонстрировал один из героев фильма "Джентльмены удачи": "Мужик в пиджаке и дерево во-от такое".

Но примеры из литературы могут быть и некорректными, т. к. фиксируемые в них факты подчинены вполне осознаваемой художественной задаче. Обратимся к бытовым ситуациям с кем из нас не случилось - приходит незнакомый человек и говорит: "Здравствуйте, я - племянник дяди Семена, который женат на тете Маше, ну, помните, той, у которой кошек вечно полный дом?" И мы, вспоминая, радуемся (или огорчаемся) и причисляем неизвестного, в общем-то, человека к "своим". Аргументом при этом служит знание им истории нашей семьи или ее окружения. И еще. Я просила как-то студентов описать, как прошел их день. Что они отметили в первую очередь? Когда, где, с кем и сколько. События же типа "умывание", "одевание" и т. п. были всеми пропущены. Это опять-таки часто встречается в детективах: при проверке алиби человеку сложнее всего бывает вспомнить свои повседневные действия, особенно те, которые доведены до автоматизма. Все это не противоречит выдвинутому на рассмотрение целям создания и принципам отбора фактов для фиксации.

Теперь попробуем подвести итоги данной реконструкции. Итак, я предполагала, что изначальная цель создания исторического описания - дать основу для различения, опознавания принадлежности носителя к данному социальному организму. Иначе говоря, историческое описание дается всегда в рамках определенного общества, которое соотносится с другими. В этом проявляется единство двух противоположных функций исторического сознания - соединение более мелких социальных организмов в более крупное и сопоставление последнего с другими соединениями. Конкретное историческое описание в разной степени определяется каждой из этих функций, но наличествуют в нем все равно обе. При этом функция различения проявляется уже в выделении некоего социального организма в качестве объекта описания из окружающей среды ("История Франции", например), а функция соединения - в анализе этого организма как единого целого.

Не менее важна для нас реконструкция принципов отбора фактов для фиксации. В рамках данной гипотезы этот принцип заключается в фиксации необычного для данного общества при знании, которое проявляется в деталях, повседневного. Естественно, опять-таки, что в конкретных исторических описаниях этот принцип будет выдерживаться более или менее строго, но общая направленность кажется мне именно таковой.

Однако проведя, а вернее, наметив пути проведения столь сложного анализа, пора поставить вопрос о конкретной значимости его результатов. Я считаю, что последние позволяют обратиться к изучению ранних форм и уточнению времени возникновения исторического. Для этого обратимся к обряду инициации. Во время тайного исполнения обрядов инициации юношам, вступающим в разряд взрослых, рассказывалась, в частности, история их общества (как правило, мифологическая). Знание ее служило чем-то вроде пароля, аргумента в доказательстве своей принадлежности к данному сообществу. В этой тайной передаче исторических сведений – ключ к ответу на вопрос: на каком этапе развития человеческого общества возникло историческое описание (первично устное)?

Тайная передача сведений заставляет нас думать, что общество должно было быть уже слишком велико, чтобы все его члены знали друг друга в лицо (т. е. требовалось как-то узнавать своих), а также что границы его все же были достаточно узки, так как допускали проникновение неопознанного чужого. Сам же выбор "пароля" свидетельствует о том, что чужие были людьми того же облика и той же культуры, т. е. не явно отличающиеся от представителей данного общества. Все это заставляет предположить, что речь идет о времени формирования племенных союзов.

Еще одно направление применения данных рассуждений – датировка исторических (и не только) описаний и определение места (в широком смысле) их создания. Так, например, в былине о Вольге указывается, что его дружина добывала себе пропитание охотой. Некоторые исследователи на этом основании относят ее создание к ранним этапам истории, когда охота действительно была основным способом добычи пропитания. Но в контексте сделанных выше наблюдений необходимо существенно приблизить эту дату к нашему времени, т. к. в момент создания былины охота как способ добычи пропитания должна была быть редкостью, явлением экстраординарным.

И последнее направление – реконструкция событий по описаниям чужеземцев. Известно, что в ряде случаев мы можем получить информацию о некоем дописьменном народе только через описания путешественников-чужеземцев (не считая археологических данных). Однако как правило, исторические реконструкции на этой базе не получаются. Если же учесть, что путешественники фиксировали только необычное для их общества, то пропущенные ими детали можно реконструировать на основании аналогичных деталей их родины, поскольку именно совпадающие детали должны были быть опущены ими при описании.

Здесь же уместно вспомнить некоторые сделанные выше наблюдения за несовместимостью археологических и социологических данных. К ним можно добавить принципиальную несовместимость (на механическом уровне) данных археологических и письменных источников. Ориентированности на необычное письменных источников противостоит повседневность (в абсолютной доминанте) археологических. Они фиксируют две стороны одного и того же социального процесса.

Теперь проанализируем закономерности передачи княжений в древней Руси. Вопрос о "княжом праве" неоднократно дискутировался

в течение последних полутора столетий, однако ни одна из выдвинутых исследователями гипотез не получила однозначного подтверждения. Дело в том, что выяснение закономерностей наследования княжений должно, безусловно, базироваться на данных источников, основную массу которых в рассматриваемый период составляют летописи. В то же время сведения различных исторических текстов по поводу права того или иного князя на данное конкретное княжение часто весьма различны и, как уместно предположить, субъективны. (1) (Приложение 4)

3. Отечественная история. Смутное время

Вернемся теперь к разговору о роли лидера и для этого обратимся к событиям начала XVII в., точнее, к биографии Григория Отрепьева. Историками редко допускается возможность иной, чем принято, интерпретации этого образа. И здесь сказывается не только унифицированный подход к освещению событий их современниками, о чем мы уже говорили, но и магнетизм имени А. С. Пушкина, который в "Борисе Годунове" воспроизвел тот же образец восприятия и, более того, усилил его своим гением. В результате – Григорий Отрепьев – авантюрист, предатель интересов отечества, человек самодовольный и недалекий. Но так ли это?

Я отнюдь не претендую на какую-либо полноту освещения этой проблемы в кратком изложении. Более того, я не настаиваю на абсолютной адекватности предлагаемой здесь интерпретации образа Отрепьева. Моя цель – полемическое заострение внимания на некоторых моментах его биографии.

Первый момент, который привлекает внимание в истории Григория, – зарождение и формирование интриги. Исследователями высказывалось предположение, что за спиной Отрепьева стояли бояре из дома Романовых и что интрига с самого начала была ориентирована на захват трона. Однако проследим ход событий.

Григорий появляется в Литве и называется Димитрием. При этом выясняется, что у него нет мало-мальски проработанной версии своего спасения и жизни в последующий период. Это обстоятельство заставляет засомневаться в подготовленности интриги, а также в том, что Отрепьев – прожженный авантюрист. По всей вероятности, идея назваться царевичем Димитрием возникла у него спонтанно. Цель понятна: Григорий хочет сбросить ряску на "законном" основании, а таковым может явиться объяснение своего монашества "переодеванием" в процессе бегства. Т. е. Григорий утверждает, что он никогда и не принимал постриг, а лишь облачился в монашескую ряску, когда бежал от Бориса Годунова. А тогда он не расстрига и хотя все же грешник, грех его значительно меньше. Это предположение объясняет саму идею смены имени, но не выбор имени царевича Димитрия.

Однако и этому есть свои резоны: 1 – носитель имени должен быть гоним Борисом Годуновым; 2 – он должен считаться мертвым или находиться где-то там, откуда невозможно получить о нем сведения; 3 – он должен быть приблизительно одного возраста с Григорием Отрепьевым; 4 – его внешность в последнее время видели не часто; 5 – его жизнь, причем во всех ее проявлениях, должна быть известна

Отрепьеву. И последнее. Если Отрепьев хочет быть принят в "высшем свете" - а он этого хочет как человек и достаточно самолюбивый, и просто привыкший в нем вращаться, - то имя должно принадлежать именитой особе. Понятно, что наиболее полно отвечает всем этим требованиям именно имя царевича Димитрия, особенно в пункте о внешности - как должен выглядеть царевич спустя 11 лет после своей смерти, пусть даже мнимой, никому, естественно, неизвестно. На мой взгляд, возникновение идеи назваться царевичем Димитрием эта совокупность обстоятельств объясняет.

Следующий вопрос - планировал ли Григорий Отрепьев захват Московского царства? Посмотрим по событиям. В Литве, по мнению некоторых ученых, Григорий принимает арианство, начинает изучать польский язык и латынь. Зачем это ему, если конечная цель интриги - Москва? Для расширения кругозора? Вряд ли. Гораздо более объяснимы его поступки, если предположить, что Отрепьев хотел остаться в Польше и вести жизнь именитого эмигранта. Но для этого мало назваться царевича Димитрия, надо еще приобрести покровителей. И Григорий приобретает их, "деля шкуру неубитого медведя", т. е. раздавая обещания в счет якобы возможного прихода к власти. Это объясняет, почему Отрепьев так щедр и выглядит столь непатриотичным - он просто с самого начала не верит в эту возможность, да, собственно, и не стремится в Москву. По всей вероятности, его недавняя приближенность к царскому столу - через патриарший двор - дает ему основания для столь сдержанной оценки своих шансов. И в принципе он прав - столкновение с царскими войсками действительно приводит его к поражению. Но об этом чуть позже. Итак, позиция Отрепьева может быть сформулирована следующим образом: почему бы и не пообещать, если выполнять все равно не придется?

Но положение Отрепьева осложнилось после поддержки, которую ему оказал польский король Сигизмунд III. Р. Г. Скрынников считает, что Григорий добился ее "поразительной способностью приспособливаться к обстоятельствам", а чуть ниже называет его авантюристом (2). Однако согласно дальнейшему изложению того же автора, сам Отрепьев не приложил ровным счетом никаких усилий для сближения с королем - эта часть интриги была целиком в руках Юрия Мнишека и папского нунция Рангони. Кстати, последующий переход Григория в католичество, по совершенно справедливому мнению Р. Г. Скрынникова, оттолкнул от него союзников - православную украинскую чернь, киевских мужиков, донских казаков. Мог ли умелый авантюрист сделать такой шаг?

И тут завязывается первая петля на шее Отрепьева - его поддержало донское казачество. Деваться некуда - надо было идти на Русь и сделать попытку, вернее, видимость попытки выполнить обещания. О том, что в этот момент Григорий не рвался в Москву, свидетельствует его желание бежать в Польшу после первой же неудачи у Новгород-Северского. И только сдача Путивля без боя заставила его продвигаться дальше. К тому же имеются сведения о том, что Отрепьев просил запорожцев "посадить его на Путивле", а вовсе не на Москве.

И вот первое серьезное поражение – в битве при Добрыничах. И опять-таки Отрепьев пытается бежать из России, однако его не выпускают повстанцы. А вскоре – новая петля на шее Григория: смерть Бориса Годунова, пришедшаяся как нельзя более кстати, прямо как по заказу. Перед людьми вставала необходимость выбора: кому приносить присягу – шестнадцатилетнему Федору, законному сыну и наследнику незаконного царя Бориса, или "Димитрию", возможно, вовсе и не сыну, но зато законного царя Иоанна. И в этой ситуации многие, естественно, предпочли Отрепьева. Колесо судьбы завертелось с еще большей неотвратимостью – несмотря на полную небоеспособность армии Отрепьева, она как заведенная продвигалась к Москве. Более того, московские бояре продвигались ей навстречу, к Туле.

И тут мы подходим к самому неприятному моменту в биографии Отрепьева – убийству Федора Годунова и его матери. В источниках прослеживаются две версии – что Григорий приказал их убить сам и что это было сделано ему в угоду, но без приказа. К. Буссов считает, что "Димитрий" повелел "убрать с дороги" Федора с матерью, но убрать с дороги можно и не убивая. Т. Смит утверждал, что Григорий приказал арестовать их до своего приезда (3). Арест-то выглядит вполне обоснованным – два русских царя на одну Москву, пожалуй, действительно много. Но в саму систему образцов действия Отрепьева это убийство не вписывается – вспомним хотя бы его поведение в назначенной казни Василия Шуйского. Вероятно, все-таки перестарались "доброжелатели", вычисляя желание нового царя по известным им образцам – Иоанна Грозного, да и того же Бориса Годунова.

Следующий шаг – низложение патриарха Иова. В источниках оно объясняется верностью патриарха Иова наследнику Бориса Годунова. Однако, как представляется, у Отрепьева были и иные мотивы торопиться с расправой. Ведь что-то послужило в свое время причиной его бегства с патриаршего двора, несмотря на блистательную карьеру. Озлобление Григория против монастырей и монахов, его безбожие также уходят корнями в этот период его жизни. Похоже, что низложение патриарха Иова – не только политический шаг, но и сведение личных счетов, о которых нам, к сожалению, ничего не известно.

Итак, Отрепьев оказался на царском троне. Была ли у него какая-либо программа действий? В принципе, если царский трон был его изначальной целью, программа должна, просто обязана была быть. Однако ее не было. Еще во время похода, в беседах со своими товарищами Отрепьев постоянно возвращался к двум темам: невежества, праздности и беспутстве монахов и необходимости просвещения в России – извечные темы русского интеллигента. И после своего воцарения Григорий мечтает прежде всего собрать детей в школы, отправить русских людей учиться в Западную Европу. Что же касается всего остального, то Отрепьев говорил: "Два способа у меня к удержанию царства, один способ – быть тираном, а другой – не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить" (4). Надо признать, что эта позиция, прямо скажем, нетривиальная для русских царей.

Да и вообще, поведение Григория, его нововведения не вписываются в традиционное понятие царской власти того времени. Здесь и элементы демократизма - Отрепьев запросто беседовал с боярами, без слуг и телохранителей заходил в лавки и другие места; и стремление не только быть, но и "работать" царем - Григорий ввел ежедневные заседания с сенатом, причем часто находил лучшие решения, чем его советники; два раза в неделю - по средам и субботам - принимал жалобы у населения. В принятом им законе о холопах была сделана попытка пресечения наиболее вопиющих злоупотреблений. Даже противник Отрепьева, И. Масса, вынужден был признать, что установленные Григорием законы безупречны и хороши (5).

Однако все действия Григория свидетельствуют о его полной непригодности к роли царя. Он поступает как образованный, умный человек, знающий общее положение в стране и в правящей верхушке, пытающийся воплотить в жизнь свои представления об идеальном государстве, но не владеющий пониманием механизма власти, механизма воздействия на общественное мнение, знанием глубинной расстановки сил. Любой интеллигентный, думающий человек имеет некоторые политические идеалы, но получи он неожиданно для себя власть, его судьба была бы сходна с судьбой Отрепьева. История знает такие примеры.

Отсюда и ошибки Григория - чрезмерное возвеличивание Нагих, размолвки с Церковью, сотворение "ада" и т. п. Заметим, что все они основаны на просчетах в области социальной психологии, на невладении механизмами трансформации образцов или их использования.

Отрепьеву казалось, что жестокость предшествовавшего периода достаточно подготовила почву для гуманного, просвещенного правления. Но это было не так. Иван Грозный умер, но во-первых, были еще живы и имели реальную силу многие его сподвижники, а во-вторых, жизнь по накатанному, привычному руслу, особенно если привычка основана на страхе, повернуть сразу сложно - слишком велика сила инерции. Григорий пришел слишком рано.

Для того, чтобы воздействовать на механизм власти, надо быть включенным в ее систему. Григорий Отрепьев был "внесистемен" и понимал это. Есть один странный эпизод в его биографии - отношения с Ксенией Годуновой. Источники утверждают, что Отрепьев "обесчестил" ее и долго не отпускал от себя. Что касается первого, то это слухи, подтвердить или опровергнуть которые чрезвычайно сложно, а вот второе действительно так. Не было ли у Григория идеи породниться через Ксению с Годуновыми и тем самым приобрести хоть какие-то внутренние права на трон, смягчить отношение к себе сторонников свергнутого царя, примирить враждующие силы? Признаюсь, что если бы это было так, мне кажется, Отрепьев совершил бы чуть ли не единственный политически и психологически верный, оправданный шаг.

Но брак Ксении и Григория не состоялся. Что тому причиной - любовь Григория к Марине Мнишек? Скорее всего. В исторических исследованиях не принято говорить о любви, однако, как мне кажется, в данном случае любовь - та пружина, которая приводила в

действие всю интригу. Об этом свидетельствуют и письма Отрепьева к невесте, и нетерпение, с которым он ожидал ее приезда. Не были ли вообще подписаны им "кондиции" с Сигизмундом III ради пункта о браке Григория с Мариной Мнишек? И это при том, что он не мог не понимать: брак с иноверкой только осложнит его положение на троне, только еще больше накалит страсти.

Да, Марина Мнишек не соответствовала эталону красоты того времени – но и Отрепьев не слишком следовал канонам.

Так или иначе, но Григорий Отрепьев остался "внесистемным" человеком. И "система" сначала попыталась подмять его, а когда это не удалось – просто убила.

Таким образом, иная интерпретация вполне возможна, более того, на мой взгляд, точнее воспроизводит реальные события. А раз так – гипотеза о том, что в данном случае мы имеем дело с воспроизведением образца восприятия может считаться имеющей право на существование.

4. Отечественная история. На пороге перестройки.

Социально-бытовая сфера общественной жизни чрезвычайно сложна и многопланова. И есть аспекты, прямое вмешательство государства в которые в принципе невозможно или предельно ограничено.

К этим аспектам относится целый спектр межличностных контактов, которые в определенных условиях и формах приобретают деловой характер, выступая фактически в виде рыночных отношений, а в советский период во многом подменяя их. В чистом виде это отношения купли – продажи и оказания услуг через рынок, формируемый прежде всего путем газетных объявлений. С некоторой натяжкой к этой же категории можно отнести и брачные объявления, рассматриваемые в определенном ракурсе. Они не носят характер товарно-денежного обмена, но тем не менее подчиняются законам спроса и предложения, т. е. фактически законам рынка.

Данные отношения не являются универсальными, охватывающими все общество, но весьма важными для решения проблем целых социальных групп, что представляется очень значимым, поскольку гармоничное общество должно учитывать все интересы, в том числе и специфические, всех слоев населения.

МЛДК является сложным и многосторонним социальным явлением. Среди важнейших аспектов его изучения представляется необходимым выделить, с одной стороны, состав участников МЛДК и их социальные характеристики, а с другой – типологию контактов. Без раскрытия этих вопросов невозможно выявить закономерности функционирования сферы МЛДК. Важность изучения состава участников МЛДК определяется тем, что в эти отношения вступают специфические группы населения, в частности, обладающие потенциально повышенной социальной активностью.

Типология МЛДК должна отразить как общее с некоторыми другими видами социальных отношений, так и их весьма большую специфику. В частности, эта типология может вскрыть одну из важнейших характеристик МЛДК, а именно то, что они не являются сугубо дополнительными, покрывающими пробелы в профессионально

организованных формах социальных отношений, а представляют собой самостоятельную ценность для целого ряда социальных групп и являются незаменимым каналом удовлетворения некоторых их потребностей. Причиной этого, в частности, является присущий, как правило, МЛДК характер быстрого реагирования и ориентированность на социально-психологические характеристики их участников.

Источники для изучения социально-бытовых проблем советского человека накануне перестройки можно условно разделить на четыре группы: официального происхождения (документы партии и правительства, редакционные материалы в СМИ и пр.), источники-рекомендации, экстравертно- и интравертно-личные источники. Последние две группы различаются весьма существенно. Если источники первой из них направлены на создание в обществе определенного мнения о личности автора и тем самым ориентированы на моральные нормы и правила, принятые в данном социуме, то вторые отражают субъективные потребности автора.

Правда, источники интравертно-личного характера - явление достаточно редкое и малоизученное в историографии. К их числу относится прежде всего огромный массив личных объявлений самого различного типа, особенность которых - создание с целью удовлетворения потребностей автора. Понятно, что для сформулированной выше задачи эти источники обладают особой ценностью. В то же время практически во всех типах объявлений нет никаких или почти никаких социальных привязок, что существенно снижает их ценность и уж во всяком случае требует разработки специальной методики их анализа.

Для этой цели наиболее удачными представляются брачные объявления. Они, в отличие от остального массива, содержат социально-демографические сведения об авторах - подателях объявлений. Но именно они и наиболее сложны для анализа, т. к. их текст многословен и многие его элементы детерминированы социальной психологией. Изучение брачных объявлений "с лету", поверхностно, не может дать ничего, кроме самой простой и к тому же недостоверной демографической статистики. При изучении брачных объявлений имеет смысл ориентироваться на психолингвистические приемы анализа текстов, причем анализируя преимущественно не текст, а подтекст.

Изучение социально-бытовых потребностей советского человека накануне перестройки требует источниковой базы, характеризующей все уровни их оценки от партийно-правительственного до субъективно-личного. В данном контексте под потребностями я понимаю состояние, вызываемое дефицитом чего-либо, как биологического, так и социального происхождения.

Поскольку спрос лишь относительно определяет предложение, то исследование потребностей стоит, видимо, вести в этих двух аспектах, формируя два блока информации и делая соответственно сопоставление данных как внутри каждого из блоков, так и между ними.

В принципе, упрощенно структуру блоков можно представить так: существуют некие декларативно высказанные ценности, интересы, потребности; они входят в соприкосновение с традициями,

поведенческими нормами и т. п. и трансформируются под их воздействием. При этом следует учитывать, что эта ассимиляция декларативных высказываний традицией (эстафетой) состоит в наполнении формы декларативных высказываний иным содержанием, по сути сближающим их с образцами. Именно поэтому анализ подобного рода информации требует особо тонкой и точной методики. Однако и после ассимиляции декларативные высказывания остаются внешними относительно личных потребностей отдельного человека.

Аналогично обстоит дело с блоком предложения, в котором также есть декларативно сформулированные предложения, есть рекомендации по удовлетворению потребностей в виде журналов мод, поваренных книг и пр., есть и личные объявления граждан типа "продам", "сдам" и т. п. Имеет, видимо, смысл обратить внимание на то, что во всех этих видах источников содержится принципиально разная информация: если первые часто акцентируют внимание на том, что не пользуется спросом, то вторые, безусловно также учитывая это, пытаются включить не пользующиеся спросом предложения в круг "популярных", например, модные платья из неходовой ткани, вкусные блюда из черствого хлеба и пр. Третьи же источники практически полностью обусловлены спросом и ориентированы на конкретное, вполне достижимое удовлетворение существующих потребностей. Действительно, трудно себе представить, что в эпоху застоя на прилавках появляется книга "Сто блюд из паусной икры". Да и на объявление типа: "Продам рваные женские сапоги 43 размера" вряд ли скоро кто-нибудь откликнется.

Своеобразным текстом-рекомендацией является отрывной календарь. Своеобразие его в том, что функция рекомендации в нем выражена имплицитно и направлена на духовные потребности. Изучение отрывных календарей может вестись, во-первых, по рубрикам, а во-вторых, по их содержанию и составу. Если в кулинарных книгах 2 трети XX в. расчет ведется на 4 порции, то в начале века - на ведра, литры и т. п. Определенным показателем являются советы в журналах мод по перелицовке, переделке старой одежды, использованию лоскутов и пр. Конечно, то, что я здесь пишу, выглядит совершенно очевидным, но, как мне кажется, историческому исследованию очень часто недостает именно очевидности информации и житейского здравого смысла.

Еще один источник типа рекомендаций - правила поведения. Основная их информация - перечень ситуаций, характерных для данного общества в данный период. Интересным мне кажется подход "от противного" - если есть указание на недопустимость какого-либо действия, значит, имели место прецеденты, причем не единичного характера, а следовательно мы можем судить не только о том, какое поведение было предпочтительно, но и о том, какое имело место в реальности.

Сравнивая "Юности честное зерцало" с учебниками и правилами поведения конца XX в., мы получаем представление о разнице в общем уровне культуры поведения. Еще один аспект касается правил обращения со столовыми приборами, рассаживания гостей, состава блюд и выбора одежды, подарка и пр. По собственному опыту знаю, что минимальному числу советских людей удавалось побывать за

столом, накрытым шестью приборами на каждого, и выбирать между фужерами для шампанского и для коктейля – что давали, из того и пили.

Таким образом, источники-рекомендации содержат информацию о стандартных ситуациях, материальных возможностях населения и – правда, косвенно – о социальной структуре общества.

Есть еще один специфический вид источников по истории современности – материальные комплексы или, иначе говоря, источники по археологии современности. К ним могут быть отнесены свалки, кладбища, интерьеры квартир, дачные участки и пр. С некоторой долей условности здесь же можно рассматривать личные библиотеки и коллекции. Специфика данного вида источников не только в том, что он традиционно не принимается в расчет при изучении современности, но и в том, что в русле данного разговора он отображает не только наличие потребностей и потенциальных возможностей их удовлетворения, но и сам результат удовлетворения.

В принципе, для удовлетворения каждой потребности существует круг возможностей, так сказать, круг возможных реализаций. Понятно, что не все они с равной степенью полноты отвечают потребностям. Более того, в данном конкретном обществе в данный конкретный период может вообще не оказаться возможности адекватно удовлетворить некую потребность. Но хотелось бы сказать о другом.

По мере удаления человека от животного, уменьшения в нем доли "гомо" за счет увеличения доли "сапиенс" его потребности приобретают все более сложную структуру. Хочется уже не просто пить, но пить из чего-то, что-то и где-то, и все остальные виды питья не воспринимаются как адекватное удовлетворение потребности. И это, как правило, учитывается исследователями. Но обычно они оперируют вербально предъявляемыми требованиями, в то время как значительную часть критериев, по которым производится выбор возможности удовлетворения, вообще не поддается вербализации.

Ну действительно, почему я покупаю чашку с синим цветком, а не с желтым листком? И здесь анализ данных о реализации потребностей, а ими являются вещественные комплексы, необычайно перспективен. Что именно выбрасывается, продается или реставрируется и хранится? Что и для чего используется? Как соотносится выбор с теми или иными социальными характеристиками? Это только первый круг вопросов, призванный обратить внимание читателей на данный вид источников.

Личные объявления граждан существуют в двух основных видах – помещенные в специальных витринах или просто на стенах или столбах и опубликованные в прессе. Сегодня мы будем говорить об объявлениях в прессе.

Один из наиболее популярных видов объявлений – о купле-продаже. В сумме они составляли около половины всех объявлений граждан. При планировании их изучения бросается в глаза возможность изучения состава предметов купли-продажи, их количественное соотношение и т. п. Здесь же общая ориентация региона, данные о дефиците и пр. Но кроме того возможны и такие подходы, как анализ состава каждого объявления – продаваться и покупаться могут отдельные вещи, наборы различных предметов (я

назвала их распродажами) и наборы однотипных вещей, например, видеотехники. Понятно, что это принципиально разные акты деятельности и принципиально разные потребности (в качестве практической рекомендации отмечу, что нужно иметь ввиду и возможность подачи одним и тем же лицом нескольких объявлений с разным составом предметов, предлагаемых к продаже или купле - корректность исследования требует их выявлять).

Другой чрезвычайно интересный аспект - районирование объявлений. Поскольку в них указывается адрес или телефон, этот анализ вполне возможен. Таким образом можно выйти на территориально-социальную структуру города, а если брать объявления в прессе различных городов, то и шире.

Абсолютно аналогично можно изучать объявления вида "сдам - сниму". Правда, в них значительно меньше разнообразия рубрикатора, т. к. сдаче-найму подлежат, в основном, жилые помещения, дачи, машины и гаражи. Однако районирование этого вида объявлений также содержит интересную информацию. В определенном смысле перспективно изучение и характеристик сдаваемой жилплощади с целью определения типа застройки и т. п., но, видимо, рациональней с этой целью использовать объявления об обмене. Кстати, там тоже можно почерпнуть данные о системе ценностей, вернее, определенной ее части: об оценке района, типа застройки, близости магазинов или зеленых массивов и пр. Если раньше объявления об обмене состояли исключительно из объявлений об обмене жилплощади, то накануне перестройки они существенно разбавились объявлениями об обмене гаражей, машин, садовых участков и предметов коллекционирования.

Еще один вид объявлений, перспективные для изучения - приглашаю-предлагаю услуги. Здесь опять-таки на поверхности информация о дефиците услуг, т. е. о пробелах в организации службы быта и школьного образования (последний вывод - на основании того обстоятельства, что весьма существенная часть объявлений о предложении услуг - "даю уроки"). Появились и другие объявления - об оказании медицинской и психологической помощи, о даче консультаций по патентным вопросам и в области компьютеризации. Получил распространение и новый вид объявлений - "приглашаю компаньона для совместной трудовой деятельности". Наблюдения именно за этими объявлениями, кроме их районирования, позволяют подтвердить сделанное выше предположение о характере быстрого реагирования этого вида источников. Стоит сравнить объявления, сданные в газету за неделю до опубликования закона об индивидуальной трудовой деятельности, с объявлениями, сданными через неделю после этого.

Если первая часть исследования (см. главу 7) посвящена изучению социально-демографических характеристик подателей брачных объявлений и в силу этого базируется не только на фиксируемых авторами, но и на реконструируемых параметрах, то вторая часть посвящена анализу социально-психологических черт. Она состоит из нескольких уровней. На первом объявление рассматривается по тем же параметрам, что и в первой части, но только зафиксированным в прямой форме. Это слегка смещает акцент - изучению подлежит уже не

личность подателя, а то, что он хотел о себе сообщить. Анализируется также система умолчаний.

На втором уровне изучается эмоциональная окрашенность объявлений (надежда, вера, чувство неуверенности), степень желания найти партнера (мечтаю, хочу, познакомлюсь), конкретизация функции партнера (друг, отец ребенку), указание способа связи - полный обратный адрес, до востребования, абонентный ящик, адрес посредника. Кстати, газеты "Вечерняя Алма-Ата" и "Вечерний Киев" сами берут на себя роль посредников - письма подателям объявлений следует отправлять на адрес редакции. Возможно, это удобно подателям объявлений, но - увы! - лишает исследователей одного из важнейших параметров - места жительства.

На третьем уровне изучается сам текст - его длина в значимых словах, соотношение длин самоописаний и описаний требований к партнеру, последовательность признаков в этих блоках. Имеет смысл обратить внимание и на степень детализации описаний, соотношение значимых и сопровождающих слов. Важной представляется и форма обращения - от первого лица или от третьего, на "ты" или на "Вы". Однако потенциальные возможности этого уровня столь велики, что их даже не имеет смысла очерчивать в тексте постановочного характера.

Такой, как представляется, должна быть первичная обработка массива объявлений. В плане анализа брачных объявлений теперь предстоит перейти от изучения изолированных признаков к их сочетаниям. При этом не имеется ввиду взаимовстречаемость признаков - ее изучение само собой разумеется еще на первом этапе. Речь идет о целенаправленно формируемых сочетаниях признаков для решения конкретных задач. Перспективен анализ возрастной динамики представлений о себе и о партнере, их взаимосвязь с уровнем образования, его профилем, с национальностью, местом жительства, семейным положением. По описанию требований к партнеру есть возможность типологизировать реконструируемые представления о браке, связать их с определенными социально-демографическими и социально-психологическими параметрами.

Если на первых двух уровнях была возможность выявлять социальные портреты подателей объявлений и их потенциальных партнеров, то теперь важно наметить еще одну задачу: анализ ситуации на брачном "рынке". Действительно, самописание может рассматриваться как предложение, а описание требований к партнеру - как спрос. Соотношение спроса и предложения по каждому признаку позволяет определить его "цену". Если при этом учитывать, что любое объявление потенциально ориентировано на баланс спроса и предложения, т. е. партнер должен быть не хуже, но и не лучше, чем податель объявления, то есть шанс выявить исходную установку подателя объявления, его субъективный "индекс цен". Тогда можно соотнести его с реальной "ценой" подателя объявления. В Приложении 4 даны соотношения веса признака по самоописанию и его же веса по описанию требований к партнеру в объявлениях лиц противоположного пола. В данном случае под весом понимается частота присутствия признака в массиве.

Самоописания, как правило, богаче описаний требований к партнеру, поэтому простое сопоставление процентов указаний на

данный признак в самоописаниях и описаниях требований дает несколько искаженный результат. Поэтому я заменила его рангом признака, т. е. его относительной частотой встречаемости. Это тем более допустимо, что процентное сопоставление читателю легко сделать на основании данных, приведенных в соответствующих таблицах.

При сопоставлении самоописаний и описаний требований подателей объявлений противоположного пола бросается в глаза их несоответствие по таким важным параметрам, как образование и специальность. Выше уже говорилось, что, как мне кажется, образование фиксируется как определенная ценность, которая должна была бы повышать шансы дающих объявлений на получение отклика. На деле же этот параметр весьма мало волнует потенциальных партнеров. Параллельно с этим женщины явно преуменьшают "цену" наличия у них хозяйственности.

Интересной представляется также довольно слабая озабоченность с обеих сторон наличием у женщины ребенка. В начале исследования мне представлялось, что согласие мужчины на наличие у потенциальной партнерши ребенка выступает в качестве некой компенсаторной системы в обмен на какие-то недостатки дающего объявление мужчины. Не имея возможности сейчас детально разбирать сей вопрос, отмечу лишь, что ситуация, видимо, не так проста, т. е. в ряде случаев наличие у женщины ребенка выступает как действительное, а не компенсаторное требование мужчины.

Что касается сопоставления самоописаний мужчин и требований к ним женщин, то обращают на себя внимание признаки хозяйственности, наличия детей, семейного положения, черт характера, образования и специальности. Если самописание по признаку хозяйственности у мужчин занимает место в нижней части списка, то требования к нему значительно выше. Обратная ситуация с признаками образования и специальности - их ранг в самоописаниях выше, чем в описаниях требований. В целом достаточно низкий ранг признаков семейного положения и наличия детей все же имеет некоторую возрастную динамику: до 40 лет ранг семейного положения выше, а наличия детей - ниже, чем в описаниях требований женщин. Затем это положение выравнивается, а данные признаки спускаются на последние места в списке.

В целом, оценивая полученные распределения, можно отметить большее внимание женщин к внутрисемейным проблемам при достаточно высокой степени индифферентности к социальному статусу и социальной стабильности. Они более склонны к переезду, смене статуса. В то же время женщины считают свое социальное положение значимым для самоописания.

Мужчины же более ориентированы на внесемейные ситуации, на сохранение статуса, они не склонны к переезду, требуют уважения к своим интересам и очень редко фиксируют наличие у себя способностей и склонностей к занятию домашними делами.

Пытаясь выдвинуть некую гипотезу относительно ориентации требований мужчин к женщинам, отмечу, что для них характерно стремление обеспечить себе лидерство в семье. Оно достигается как более низким уровнем образования женщины, так и требованием смены

для нее места жительства, что, естественно, приводит ее к ситуации, когда на новом месте все приходится начинать с нуля. Видимо, в этом же контексте следует рассматривать и желание мужчины, чтобы женщина имела детей от предшествующего брака. Тенденция к исключению элементов состоятельности между супругами в предполагаемом браке отражают попытки мужчин противостоять потере своей роли в семье как ее главы, приобретению браком черт социальной и экономической "бесполости".

На основании брачных объявлений может рассматриваться широкий круг самых разнообразных вопросов - социально-демографических, национальных, социально-бытовых, социально-психологических и пр. Однако при этом не следует забывать, что брачные объявления - источник вторичный и его нерепрезентативность как по отношению к обществу в целом, так и к бессемейным его членам однозначна. Группа дающих объявления весьма специфична по многим параметрам. Поэтому, распространяя результаты анализа брачных объявлений на все общество в целом, требуется каждый раз обосновывать эту возможность.

Приведу только один пример. Сравним поло-возрастные распределения в целом по СССР и по брачным объявлениям (**Приложение 5**). Легко заметить, что для жителей в возрасте от 25 до 45 лет доля подателей объявлений больше. В возрасте 46 - 50 лет распределение приблизительно равное, с возрастом же доля подателей объявлений уменьшается. Аналогичное распределение только среди мужчин более равномерно и, видимо, ситуацию среди мужчин брачные объявления отражают более адекватно. Ситуация среди женщин более сходна с межполовой. Причины этого станут понятны, если мы посмотрим на распределение соотношения числа мужчин и женщин в целом по СССР и по брачным объявлениям. Наблюдаемая в нем закономерность интересна прежде всего тем, что доля мужчин в целом по СССР с возрастом уменьшалась, а по брачным объявлениям возрастала. Как мне кажется, приведенные сопоставления наглядно демонстрируют необходимость внимательного отношения к интерпретации получаемых результатов.

Однако вопрос в том, при помощи каких других типов источников могут быть скорректированы данные брачных объявлений, отнюдь не однозначен. Некоторое расширение подхода может дать сопоставление их с банками данных служб знакомств. Их материал представлен в анкетной форме и в силу этого, с одной стороны, более удобен для анализа, а с другой стороны, он беднее по содержанию, особенно при изучении социально-психологического аспекта - снимается большинство пунктов второй части исследования.

В то же время социально-психологические характеристики абонентов служб знакомств несколько отличаются от аналогичных характеристик подателей брачных объявлений. Если учесть, что отсутствие брачного партнера традиционно воспринимается как свидетельство определенной ущербности, особенно для женщины, а открытый поиск его - как отступление от морально-этических нормативов, то откровенное признание как в первом, так и во втором (а именно таковым является подача брачного объявления) неизбежно требует от подателя некоторой отстраненности от общественного

мнения. При этом, естественно, что степень этой отстраненности у абонентов служб знакомств меньше - они стремятся к максимальной анонимности своего поступка. В принципе, тенденция к анонимности отчетливо прослеживается и в брачных объявлениях.

Таким образом, сравнение массива брачных объявлений с банком данных служб знакомств имеет смысл только не в плане уточнения социально-психологических характеристик группы подателей объявлений.

Возможно также сопоставление массива брачных объявлений с массивом личных писем в прессу. Последний обладает тем достоинством, что представляет взгляды иной социальной группы, отличной группы подателей объявлений. В силу этого совпадение параметров в обеих группах увеличивает степень достоверности результатов. Но в то же время группа пишущих в органы печати (и во все другие органы), на радио и телевидение также не репрезентативна по отношению к обществу в целом. Да и обеспечение статистической достоверности выборки - задача довольно сложная, особенно если учесть, что необходимо иметь комплекс параметров, сопоставимых с параметрами брачных объявлений, в каждом отдельно взятом письме. Несколько проще обстоит дело при обращении к письмам в редакцию самих авторов брачных объявлений, в которых они комментируют свои объявления - опыт такого анализа приведен в (6), - но оно не позволяет выйти за пределы той же специфической социальной группы.

Конечно, оптимальный вариант сравнения брачных объявлений с источниками личного происхождения - обращение к анкетам. При правильной организации анкетирования снимается вопрос о репрезентативности. Возможно составление анкет таким образом, чтобы получить интересующие исследователя параметры. Однако и здесь имеются свои сложности: во-первых, проведение специального анкетирования не просто организовать, а использование имеющихся материалов затруднено их изначально иной направленностью. Во-вторых, и это особенно важно, при заполнении анкеты человек не заинтересован в результатах этого акта, он не рассчитывает извлечь из этого некую выгоду, а следовательно, основным мотивом его поведения является желание произвести хорошее впечатление.

В принципе, разная мотивация при заполнении анкет и при подаче объявлений даже усиливает некоторые моменты исследования, например, источниковедческий - вопрос о влиянии мотивации создания источника на его форму и содержание еще далеко не полностью изучен. Однако необходимость учитывать этот нюанс следует особо подчеркнуть.

И тем не менее в ряде случаев сравнение с анкетными материалами весьма перспективно. Так, по данным анкетирования с целью изучения малодетных семей среди жителей Ленинграда имеет место следующее распределение ценностей: жилищные условия отметили 46,7% (49,3% мужчин и 45,5% женщин), материальное благополучие - 46,6% (49,3% мужчин и 44% женщин), досуг - 12% (9,9% мужчин и 14,1%), работу - 32,3% (32,2% мужчин и 32,3% женщин), образование - 12,8% (12,7% мужчин и 12,8% женщин). А по данным брачных объявлений квартира указывается в 13,7% объявлений (14,1% мужчин и

13,6% женщин), материальная обеспеченность - в 4,2% (5,2% мужчин и 4% женщин), досуг-интересы - в 26,6% (34,9% мужчин и 24,6% женщин), работа-специальность - в 33% (37% мужчин и 32,1% женщин), образование - в 67,4% (65,1% мужчин и 67,9% женщин).

Учитывая разную насыщенность информацией по данным параметрам анкет и объявлений, мы можем сопоставить последовательность ценностей: для анкет - жилье, материальная обеспеченность, работа, образование, досуг; для объявлений - образование, работа, досуг, жилье, материальная обеспеченность. Налицо практически зеркальное отражение. Причины этого требуют вдумчивого и внимательного анализа. Одна из возможных интерпретаций - разница в социальном опыте одиноких людей и семейных, хотя среди подателей объявлений достаточно много людей, состоявших ранее в браке.

Из источников официального происхождения наибольшее значение имеют переписи и сводки о состоянии дел в области социально-бытовых проблем. Переписи позволяют определить место группы подателей объявлений в структуре общества. Официальные данные о материальной и жилищной обеспеченности, о степени остроты национальных проблем, о направленности и формах миграции, о дефиците и т. п. дают возможность оценить степень достоверности результатов изучения объявлений в этих аспектах. Правда, в ряде случаев, возможно, имеет смысл говорить об оценке степени достоверности официальных сводок.

Сложность и хлопотность анализа объявлений заставляет задаться вопросом о целесообразности и перспективности их изучения. Как представляется, несмотря на всю значимость конкретно-исторических результатов исследования в области социально-демографических проблем, основной центр интереса к этому виду источников лежит в плоскости изучения МЛДК.

Однако вернемся к образцам и эстафетам, о которых в данном параграфе почти ничего не говорилось. Тем не менее именно ими пронизано все данное исследование. Я уже говорила, что выявление образцов - задача нетривиальная и требующая разработки специальной методики своего решения. В данном параграфе я пыталась показать именно возможность создания такой методики. Акт подачи объявления - единичный, ограниченный во времени и пространстве и потому сопоставимый с другими аналогичными актами. Образец брака также ограничен и потому сопоставим. Сложнее, как это ни странно, дело обстоит с жестко фиксируемыми параметрами - возрастом, национальностью, образованием, специальностью - они вроде бы стабильны и сопоставимы, но образцы их восприятия могут существенно различаться.

Один из наиболее острых вопросов последних десятилетий - национальный. Как-то вдруг, казалось бы, внезапно по всему Советскому Союзу пошла волна национально окрашенных движений. Однако внезапность это лишь видимая.

Практически одновременно возникли два основных сюжета: движения насильно переселенных в годы сталинизма народов (крымские татары, турки-месхетинцы, немцы Поволжья и др.) и движения коренного населения в республиках, где оно не составляет

подавляющего большинства. Надо отметить, что здесь сформировались два совершенно разных образца. Если в первом случае основной упор делается на возвращение на свою родину – и это практически единственное, во всяком случае, главное требование, и речь о каких-то мероприятиях, направленных на сохранение языка и культуры народов, в общем-то, не идет, то во втором случае особую остроту приобретает именно вопрос о сохранении языка и культуры.

Чуть позже сформировались еще два типа национальных движений: в автономных республиках и в республиках, где коренное население составляет большинство и где реальной угрозы языку и культуре нет.

Посмотрим попристальнее на эти четыре типа. В чем специфика первого из них? В том, что малый народ, помещенный в инонациональную среду, концентрирует все свои силы на сохранении своего языка и культуры. Особенно ярко это выражается в тех случаях, когда среда не только инонациональна, но и иноверна, инорасова и инокультурна. В этих случаях происходит как бы свертывание национально-культурного пространства, "закукливание" народа. Судя по брачным объявлениям в "Вечерней Алма-Ате" немцы стремятся вступить в брак с немками и наоборот. В этих условиях сохранность, даже законсервированность национальной культуры очень высока, гораздо выше, чем у того же народа, но не испытывающего давления инонациональной среды. Судя по этнографическим исследованиям, степень сохранности национальной культуры в чувашских населенных пунктах на территории Татарии гораздо выше, чем в аналогичных пунктах в Чувашии.

Однако подобная тенденция ведет и к росту национального самосознания, а значит – к увеличению культурно-национальных потребностей. Потребность жить на своей земле, на земле своих предков – не только эмоциональное явление. Это и стремление заниматься привычной деятельностью, традиционными промыслами, традиционной системой хозяйствования. И вот крымские татары стали жить в Крыму без прописки, платить за получение работы – 8 000 руб в городе и 700 руб на селе.

Из хороших оленеводов, рыбаков, охотников представители малых северных народов, переселенные в города, превращаются в лучшем случае в плохих разнорабочих. Привычные образцы в рамках иной нормативной системы не могут быть воспроизведены, эстафета оказывается прерванной, заглухнувшей, а ее место, увы, ничем не было занято.

Ко второму типу относятся прежде всего республики Прибалтики, Молдавия, Белоруссия, Украина и в меньшей степени Казахстан. Здесь перестройка застала ситуацию на этапе распада образцов, и немудрено, что коренное население ему сопротивлялось. Но есть и другой нюанс. Если в первом случае разрушались прежде всего образцы деятельности, а образцы восприятия, как более связанные с духовной жизнью народа, в основном сохранялись, то во втором все наоборот. Люди живут на тех же местах, в тех же домах, занимаются тем же трудом, но утрачивают язык и культуру. Не случайно одна из самых животрепещущих проблем – государственный язык. Размещение в Латвии энергоемких, материалоемких и трудоемких отраслей при том, что в республике энергия на пределе, сырья нет, а коренное

население занято преимущественно в сельском хозяйстве и сфере обслуживания, привело к большой миграции русскоязычного населения и размыванию национальной культуры. В 80-х гг. очередь на квартиры в Риге увеличивалась в восемь раз за 10 лет.

Третья группа - народы, населяющие автономные республики, края и области. С одной стороны, они имели свои политические образования, свою территорию, свой язык и культуру, а с другой - двойное подчинение: союзное и республиканское. Их собственные образцы "растаскивались" уже по трем нормативным системам. Адыги проживали в трех национально-государственных образованиях и пользовались двумя алфавитами. В Северной Осетии в 1938 г. письменность перевели на кириллицу, а в Южной - на грузинский алфавит; в 1953 г. и Южная Осетия стала пользоваться кириллицей, причем образование на осетинском можно было получить только в сельской начальной школе.

В то же время для ряда республик - Татарии, Чувашии - характерно положение, при котором около половины представителей коренного населения проживало за пределами республики. Это породило весьма специфические проблемы. В 1918 г. в Казани при Чувашском объединенном левом социалистическом кабинете был создан комиссариат по чувашским делам, который был как бы экстерриториальным правительством чувашей. Позже такого рода органы исчезли, к тому же республики, стремящиеся удовлетворить культурные потребности своих соплеменников, проживающими за их пределами, не могли это сделать из-за отсутствия достаточных материально-технических средств. Поэтому кроме требований превращения автономии в суверенную республику со статусом государственного языка для языка коренного народа, присутствовали и требование предоставить все права культурно-национальной автономии соплеменникам, проживающим в других регионах.

Четвертая группа - республики Средней Азии и Закавказья. Здесь ситуация интересна тем, что, казалось бы, у коренного населения все есть - своя территория, свой язык (в республиках он даже имел статус государственного). В силу того, что коренное население составляло большинство жителей соответствующей республики, не было очевидной угрозы национальной культуре. И тем не менее проблемы существовали. Вспомним конфликты в Тбилиси и Фергане. В них есть нечто общее, и прежде всего то, что поводом послужила ситуация с национальными меньшинствами, проживающими на территории республики (с абхазами и турками-месхетинцами).

Устойчивость (относительная) собственных образцов позволила вступить в конфликт с образцами другой этнической группы. В этой ситуации мы впервые в явной форме сталкиваемся с "агрессивностью" эстафет, с их "борьбой за выживание", особенно острой в тех случаях, когда нормативная система никоим образом не способствует их существованию. В Узбекистане только 20% коренного населения проживало в городах. В то же время труд дехкана - один из самых тяжелых и самый дешевый. Чтобы вырастить 1 ц пшеницы требуется 1,6 человеко-часов, а 1 ц хлопка - 37 человеко-часов. И за один час работы хлебороб получал 62,5 коп., а хлопкороб - 16 коп. Способствует ли данное положение сохранению традиционного уклада?

И так ли уж однозначно можно опознавать здесь конфликтную ситуацию как национальную?

Если попытаться посмотреть на ситуацию в целом, то она, видимо, такова: на территории СССР существовал ряд в той или иной степени суверенных национально-государственных образований. Народы, одноименные с национальным образованием, испытывают двойное давление – со стороны своих собственных национальных меньшинств, по отношению к которым она выступает большинством, и со стороны национально-государственного образования более высокого уровня, по отношению к которому она выступает меньшинством. И здесь возникает столкновение двух нормативных систем в рамках одного и того же народа и даже отдельных его представителей.

Обратимся опять к событиям в Тбилиси. Парадоксально: грузины признавали за собой право выхода из СССР, но не признавали за абхазами права выйти из состава ГССР.

Национальные меньшинства в национально-государственных образованиях могут быть трех видов: имеющие свои национально-государственные образования в рамках СССР, за его пределами и вообще не имеющие.

Несколько в особом положении находится русское население. Оно хотя и является во многих национальных образованиях меньшинством, но в силу того, что именно русский язык, культура, история и т. д. являются общесоюзными, давление на них со стороны коренной нации было минимальным. В то же время именно русские слабее всех держатся за свои образцы и нормативные системы (за исключением, пожалуй, языка).

Итак, исходные национальные образцы сталкиваются, эстафеты угасают или поглощают друг друга, нормативные системы трансформируются – идет, в общем-то, закономерный процесс. К концу XX в. существовала уже достаточно большая группа людей, которые в силу постоянных переездов, смешанных браков и прочих социальных причин стали полинациональными. Они знали несколько языков, разбирались в истории не только России, умели уважать местные традиции и т. д. К ним вполне было применимо определение "новая историческая общность – советский народ".

Однако если нивелировка национальных особенностей – процесс естественный и закономерный, то откуда берутся национальные конфликты? Во-первых, национальный конфликт – это только форма, в которой может находить выражение самое разное содержание, в основе которого – психологический дискомфорт.

А вот причины этого дискомфорта в каждом случае особые. Если в Татарии это отсутствие киностудий, академии наук, полиграфической базы, которая могла бы своей продукцией обеспечивать татар и за пределами республики, то для саамов Мурманской области – утрата возможности традиционного природопользования, социальная (прежде всего трудовая) необеспеченность. Если для турок-месхетинцев основа психологического дискомфорта – отсутствие возможности жить на родине, то для прибалтов – нехватка жилья, продовольствия, промтоваров.

Происходила глобальная, массовая имущественная, социальная, профессиональная и конечно же национальная дифференциация общества. Причины ее совершенно тривиальны и очевидны – нарушение социальной справедливости при распределении "благ" любой сферы – начиная с права на занятие неких постов и кончая доступом в закрытые магазины; дефицит, при котором сами эти "блага" выступают уже в качестве показателя престижа их обладателя; развитие экономики без учета его экологических и социальных последствий.

И еще один аспект, в котором необходимо учитывать различие образцов, на этот раз образцов восприятия. Речь идет об обучении. Психолингвисты доказали, что разница в ассоциативном мышлении в ряде случаев настолько велика для разных народов, что подстрочный перевод, например, пожелания успехов может быть воспринят как оскорбление. Наиболее широко известен пример с ассоциативными пластами, связанными с образом зайца в русском и американском контексте. Американец, сравнивая человека с зайцем, намекает на его ум и находчивость, т. е. делает комплимент. Как этот комплимент может быть воспринят русским, можно не пояснять.

Но я, собственно, о другом – об обучении в начальной школе. Приведу только один пример. В тгнсанском языке нет абстрактного понятия "один" – может быть только "один стоящий", "один бегущий" и т.п. Таким образом выражение " $1+1=2$ " для маленького тгнсанца просто не существует, не воспринимается им и не осознается. Совмещение образцов тгнсанского и "европейского" (назовем так условно присущую нам систему) восприятия происходит у тгнсанских детей только где-то к третьему классу, когда они уже безнадежно отстали в обучении. До тех пор, пока мы не решим этой задачи, не будут искоренены основания для национального неравенства, а следовательно и для национальных конфликтов.

И еще одно. Представляется, что национальные конфликты – проявления психологического дискомфорта, причины которого не до конца осознаны. По мере осознания коренных интересов – и прежде всего экономических – национальная окраска конфликта теряет свою яркость, происходит межнациональная консолидация уже на других основах. Борьба за экологическое благополучие, экономическую самостоятельность объединила людей разных национальностей в Татарии. Вскрыты социальные причины конфликтов в Фергане и Нагорном Карабахе.

Опубликованный в августе 1989 г. проект платформы КПСС "Национальная политика партии в современных условиях" отмечал многие из рассмотренных выше проблем. Да, "во всех регионах страны сформировались крупные производительные силы", но далеко не везде – на национальной основе, с учетом специфики традиционного природопользования. Да, "в республиках выросли свой рабочий класс, научно-техническая и художественная интеллигенция", но во многих местах они утратили свои национальные черты. Огромный вред принесло форсированное сближение наций.

Показательно выступление С. Баруздина, который сказал: "Я не противник создания всяких неформальных организаций и объединений, кроме крайних, но, дорогие друзья, если мы с вами не будем оперативно решать национальные проблемы, за них возьмутся

неформалы, а неформалам, даже самым прогрессивным, отдавать их нельзя. А то ведь они вам... решат за один присест все национальные проблемы: в одном случае путем отделения от Советского государства, если вы нам откроете карты договоров 1939 года, в другом случае и без этого... Эта опасность, что неформалы будут решать национальные проблемы, мне думается, может привести к тому, что мы будем иметь Карабах в любом регионе нашей страны" (7). К рассмотрению того, что представляли собой неформальные организации с национальной ориентацией, мы сейчас и перейдем.

Обращаясь к анализу деятельности неформальных движений, имеющих национальную окраску, мы сразу же сталкиваемся со вполне реальным образцом и его трансформацией. Речь идет о Народных фронтах, зародившихся в Прибалтике и охвативших затем практически все национально-государственные образования СССР.

Создание и деятельность неформальных организаций породила поток совершенно непривычных в тот период исторических источников – программных и уставных документов. Естественно, что методы их анализа оказались практически неразработанными. И тем не менее зацепки есть. Народные фронты прибалтийских республик в самом прямом и полном смысле оказались образцами при создании других неформальных объединений сходной направленности. И здесь изучение трансформации образцов в зависимости от конкретных нормативных систем – весьма, как представляется, перспективный подход.

В первых документах Народного фронта Эстонии внимание концентрировалось вокруг нескольких проблем: экономический и политический суверенитет; приоритет в развитии национальной культуры; государственный язык; республиканское гражданство. Были затронуты и другие вопросы, такие, как экология, демография и пр., но сейчас остановимся на этих.

Возьмем ситуацию в Татарии. Актуально ли для республики, не имеющей внешних границ, требование политического суверенитета? Еще более не отвечающим ее потребностям оказался пункт о республиканском гражданстве – около половины татар проживает за пределами своей республики, и именно их заботы, консолидация всей нации стали во главе угла. В Татарии был создан Народный фронт, однако реальная сила оказалась в руках Татарского общественного центра, ориентировавшегося на решение проблем именно в рамках нации, а не республики.

В Грузии национальный язык давно уже признан государственным, он преподается во всех школах, на нем ведется обучение в вузах и т. д. В силу относительно слабых миграционных потоков угроза национальной культуре здесь была значительно слабее, чем в Прибалтике или Татарии. Естественно, что соответствующие пункты программы Народного фронта Эстонии особой популярностью не пользовались. Аналогична ситуация в Армении и Азербайджане. И во всех закавказских республиках наибольшей остроты достигает проблема положения в их автономных республиках и областях. А ее решение не предусмотрено программами Народных фронтов республик, в которых автономных образований нет. Их образец здесь не трансформируется, а просто не приживается.

Существуют Народные фронты и на территории РСФСР, преимущественно регионального характера. Однако ряд существенных различий в реальной ситуации также требует трансформации. Что касается в целом РСФСР, то требование для нее политического и экономического суверенитета звучало парадоксально: Советский Союз традиционно ассоциировался с Россией как внутри страны, так и зарубежом, как для русских, так и для представителей других национальностей. Так от кого же должна была отделяться Россия? По сходным причинам не воспринимался как актуальный лозунг республиканского гражданства. Государственный язык в РСФСР, как и во всей стране - русский. Вот только с приоритетом в развитии национальной культуры дела не слишком хороши. В то же время русская культура не является монолитной и в силу этого консолидация сил на почве ее защиты довольно затруднительна. Вот и получился Российский Народный фронт довольно слабой организацией.

Интересно соотношение программ Народных фронтов и движений типа Интерфронт. Вторые, возникшие как отклик на создание первых, неизбежно восприняли программы Народных фронтов как анти-образцы. Отсюда требования: никакого политического суверенитета, никакого приоритета национальной культуре, никакого национального государственного языка, никакого особого республиканского гражданства. Несколько мягче позиция по отношению к вопросу об экономическом суверенитете, или республиканском хозрасчете, - здесь вполне конкретные материальные интересы заставили отказаться от воспроизведения анти-образца.

Подобный анализ поможет не просто констатировать факт трансформации образца, но и предположить, какие образцы "приживутся" в данной нормативной системе, а какие - нет; а если "приживутся", то как видоизменятся. Этот подход может иметь прогностические функции, зачастую необходимые.

И в заключение я приведу пример того, как влияет столкновение разных эстафет на реальную национальную ситуацию.

Основой для данного исследования послужила выборка в 125 брачных объявлений жителей Средней Азии и Казахстана, рассмотренная на фоне 1000 общесоюзных брачных объявлений.

Для начала отмечу специфику брачных объявлений Средней Азии и Казахстана. Соотношение объявлений мужчин и женщин - 28,8% против 71,2%. Для других регионов СССР такое соотношение не характерно - обычно доля мужчин не превышает 20%. Но в Средней Азии работает целый ряд специфических факторов - и большая, чем в целом по стране, доля мужчин-долгожителей (от 95% в Узбекистане до 115% в Киргизии против 85% в масштабах СССР), и, соответственно, меньшая доля женщин-долгожительниц (от 95% в Узбекистане до 106% в Казахстане против 109% в масштабах СССР; исключение составляет Киргизия - 111%), и большее число мужчин на 1000 женщин (в среднем по региону 962, по СССР - 855), и, естественно, местные традиции, основывающиеся на исламе и запрещающие женщине любую форму активности, особенно, конечно, в брачных отношениях.

Для того, чтобы проверить, какой из данных факторов оказал наибольшее влияние на формирование полученного соотношения, требуется сопоставить возрастное распределение в целом по стране и

по данному региону на основе брачных объявлений (**Приложение 6**). Заметим разрыв в распределениях в возрасте от 31 до 41 года (в целом по СССР доля объявлений существенно больше), 46 - 50 и старше 56 лет (по СССР - существенно меньше), т. е. к такому способу решения брачных проблем жители Средней Азии и Казахстана прибегают в значительно более зрелом возрасте.

Еще одна существенная особенность среднеазиатского массива брачных объявлений - частота фиксации национальности: 78% против 12,5% по стране. Это указывает прежде всего на остроту национальных проблем в регионе. Поэтому именно в этом аспекте я буду рассматривать проблемы брачно-семейных отношений в Средней Азии и Казахстане.

Корректность исследования требует отметить, что там, где использованы материалы только брачных объявлений, описываемая ситуация более характерна для Казахстана, т. к. его доля в объявлениях весьма велика и существенно влияет на статистику выборки. Отмечу также, что брачные объявления подаются в подавляющем большинстве случаев горожанами, что также необходимо учитывать.

С позиций историка-социолога Средняя Азия интересна прежде всего тем, что она на сей день находится на стыке двух культур, можно даже сказать, на стыке двух цивилизаций. Одна из них имеет здесь вековые корни, освящена традицией, другая ежедневно тиражируется радио, телевидением, кино, прессой. Как они сосуществуют? И главное - как живет при этом людям? Вот об этом мы и поговорим.

Начнем с того, что столкновение культур происходит не только в русле традиционного уклада и пропаганды нового образа жизни. Оно идет и непосредственно через национальную "мозаичность" населения Средней Азии и Казахстана. Далее мы будем говорить суммарно о Средней Азии и Казахстане и при этом различать только восточные и европейские нации и национальности. Правомочность подобного подхода кроется как в самом принципе объединения, ибо действительно, восточная и западная - европейская - цивилизации различаются весьма существенно, так и в религиозном аспекте - для Средней Азии ислам - далеко не последний фактор социального бытия. Кроме того, аргументом могут служить брачные объявления, в которых национальность искомого партнера часто указывается обобщенно - "восточная", "европейская", иногда - "славянская". По мнению А. А. Сусоколова (8), в инонациональной среде восточнославянские народы выступают зачастую как единая этническая общность.

Соотношение этих групп таково: 71,9% населения составляет восточная группа и 25,6% - европейская. А отсюда весьма специфичные для каждой группы проблемы, отличающиеся, к тому же, от проблем группы смешанных национальностей. Поэтому свое дальнейшее рассмотрение мы будем вести именно по этим группам.

Итак, кто хотел вступить в брак?

ОНА. Прежде всего отметим, что невесты (пока мы будем говорить только о тех, кто вступает в первый брак) немного "постарели" - число девушек, вступающих в брак до 20 лет, уменьшалось. Среди девушек восточных национальностей низка доля имеющих среднее

специальное и тем более высшее образование. Тому две причины - учиться особо и негде: на это часто жаловались девушки в своих письмах в редакции газет, журналов, на радио и телевидение. Так, в статье Ю. Кузьминой "Сквозь пламя" (9) приводятся письма девушек из разных районов Таджикистана, в которых содержится эта жалоба. Но вторая причина не менее весома - за девушек с образованием во многих местах давали меньший калым. И это понятно - девушка с образованием по необходимости менее "домашняя", сильнее включена в активную социальную жизнь, меньше сосредоточена на домашних проблемах. А все это не соответствует идеалу жены в восточном понимании. Таким образом, получается, что страдают представительницы обеих - и восточной, и европейской - культур. Ведь общесоюзное общественное мнение, доносящееся до Средней Азии и Казахстана через средства массовой информации, образование ценит очень высоко.

Что же касается величины калыма, то в данном случае вопрос в другом - насколько она важна для самих девушек? Как это ни парадоксально для "инородца" - весьма важна. Интересно, что даже те девушки, которые не измеряют любовь к себе в денежных единицах, сетовали скорее на слишком большой калым, чем на его существование. А некоторые вообще считали, что его надо увеличить, чтобы муж больше ценил жену и заботился о ней как о дорогой и нужной вещи. В статье Ю. Кузьминой приводится следующее письмо девушки из Орджоникидзеабада: "Чтобы чувство к жене не обесценивалось, надо повесить калым с двух тысяч до трех".

Однако, как бы там ни было, но уровень образования девушки обратно пропорционален ее "популярности" как невесты. В этом нас убеждают также данные брачных объявлений: 75% объявлений девушек, не состоявших ранее в браке, - от имеющих высшее образование. В то же время по данным общесоюзного массива, интерес к этому параметру самоописания женщин возникает в более зрелом возрасте и явно выступает в качестве компенсаторной ценности: с детьми, но зато с высшим образованием; немолода, зато доцент и пр.

И еще одна общесоюзная ценность не в почете у восточных женихов - общественный труд. Работали, как правило, чуть больше половины девушек, остальные сидели дома. В той же статье Ю. Кузьминой есть и такое письмо: "В колхозе 2018 комсомолок, а работает чуть больше половины - 1107 человек, да и то в основном на сезонных работах". Конечно, и дома работы хватает, особенно у сельских жительниц, но дело ведь не в этом - никому и в голову не приходит обвинять их в лени. Дело в "выключенности" из социальной жизни. Способствовал замкнутости на семейной жизни в доме родителей и низкий уровень знания русского языка среди девушек сельских районов. По результатам анализа почты журнала "Захмет аял" 34% читательниц были озабочены проблемами трудоустройства (10).

Итак, восточные девушки не только психологически, но и ситуационно были обречены на "восточный" брак - родители, как правило, препятствовали получению образования, устройству на работу, а плохое знание русского языка - языка межнационального общения - не давало возможности куда-либо уехать из дома. К тому

же ислам запрещает браки женщин с иноверцами. Да и вообще, даже среди горожан, - а они все-таки менее консервативны - 88 % считали согласие родителей необходимым для заключения брака (11). И вырастали социально инфантильные девушки, неприспособленные к реальной современной жизни, и ждали, пока их купят за возможно большой калым. И смотрели по телевизору на своих сверстниц, занятых интересным делом, обучающихся важным профессиям, современно одевающихся и держащихся на равных со своими ровесниками - мужчинами.

Отсюда прямой путь к психологическому дискомфорту, выход из которого - либо бегство, либо - самосожжение, случай, увы, нередкий в рассматриваемый период. Причем здесь есть некая тревожная закономерность - чем ближе к крупным европеизированным городам, тем чаще случались самосожжения. По всей вероятности, слишком отчетливо здесь столкновение двух миров, слишком наглядна непроходимость грани между ними.

Основные причины самосожжения, по данным анкетирования, проведенного в Туркмении, таковы: нарушение девственности до вступления в брак и дальнейший отказ партнера от заключения брака; тяжелое материальное положение; плохое здоровье; систематическое избиение мужем; выдача замуж против воли; невозможность вступить в брак с любимым человеком и в конце списка (по значимости) - конфликты со свекровью и измена мужа.

Наибольшее распространение самосожжения получили среди домохозяек (33,3%) и школьниц (23,3%), причем выделяются два возрастных пика - 15 - 18 лет и 22 - 24 года. В юности эти акты чаще совершаются осенью, в пору свадеб, а среди домохозяек - зимой (видимо, в связи с уменьшением социальных контактов) (12). И если самосожжение - чудовищный выход из ситуации (мы еще будем говорить об этом), то и бегство из дома очень часто не несло с собой ничего хорошего. Ведь именно беглянки из сельских районов, вырвавшись из привычной среды и отказавшись от ее норм, но не приобретя взамен других - ибо ведь нельзя сказать, что средства массовой информации в состоянии научить им девушку, да они и не ставят перед собой такой задачи, - сбивались с пути, спивались, шли по рукам.

Прокурор следственного отдела республиканской прокуратуры М. А. Гафурканова говорил: "Нам нередко приходится сталкиваться с "испорченными, плохими" девочками. Как правило, это недавние сельские жительницы, только-только переселившиеся в город учиться или работать... Эти девочки, привыкшие к безоговорочному послушанию, ручные, готовые по родительской воле выйти за кого угодно замуж и жить, не подавая голоса, они, попав в ситуацию, где необходимы принципы, где нужно самой принимать решения, делать свой нравственный выбор, оказываются несостоятельными. Можно понять тех родителей, которые воспитали своих дочерей "помусульмански", когда они не пускают их из дома: знают, чувствуют, что в незнакомой обстановке это воспитание нередко ведет к жизненному краху" (13).

Ну а как обстояли дела с девушками - европейками? Им отчасти легче - на них не давит многовековой груз восточных традиций. К тому же они-то, как правило, и работали, и учились, и владели

русским языком. Но у них свои проблемы, и основная из них – маленький выбор потенциального брачного партнера. Учитывая, что только один из ста жителей являлся для данной девушки лицом противоположного пола и подходящего возраста, т. е. потенциальным брачным партнером (имеется ввиду заключение брака с европейцем), становится ясно, что найти его не так просто. А если к тому же подходит не любая европейская национальность (например, судя по брачным объявлениям среднеазиатского региона, немцы стремились вступать в однонациональный брак), то ситуация становится чуть ли не фатальной.

Правда, для европейских девушек не так остро стояла проблема межнациональных браков – судя по их брачным объявлениям, национальность партнера не являлась для них особо значимым признаком. Однако было время, когда для восточного, да и не только восточного, но и кавказского, и любого другого нерусского мужчины брак с русской девушкой был социально престижен. Это было вызвано и политической доминантой русского народа, и просто тем фактом, что русская девушка была "диковинкой". Со временем ситуация изменилась. Миграционные потоки привели к тому, что русская, да и вообще европейская девушка – не редкость в Средней Азии и особенно в Казахстане, а вот жить восточному жениху удобнее с девушкой, воспитанной в сходных традициях, более покладистой, послушной, непритязательной. Немаловажное значение имеет и тенденция восточных мужчин иметь много детей, на что далеко не всегда согласны европейские жены.

Определенным свидетельством неблагополучия ситуации с невестами служат данные о числе детей, родившихся вне брака. К сожалению, они пока опубликованы в чересчур обобщенном виде, но и так дают повод к размышлениям (**Приложение 7**). И если рост числа детей, рожденных вне брака, в городах еще можно объяснить "европейским" влиянием, то данные по сельскому населению свидетельствуют, что этот процесс набирали силу и среди восточных семей.

ОН. На первый взгляд, женихам гораздо проще. И это отражается в статистике – как уже говорилось, в Средней Азии и Казахстане был самый большой процент мужчин-долгожителей и самый маленький – женщин-долгожительниц по стране. Да и соотношение мужчин и женщин, опять-таки в единственном регионе страны, самое благоприятное. Здесь сказывается и более низкий уровень мужской смертности и то, что этого региона меньше коснулась война.

Но и у женихов свои проблемы. И если для европейцев они те же, что и у девушек – узость круга потенциальных брачных партнеров, то для восточных женихов ситуация несколько иная. И она тоже связана с калымом, вернее, с невозможностью его уплатить. В уже упомянутых материалах журнала "Наука и религия" есть такое письмо, пришедшее из Зиды: "В нашем районе родители запрашивают слишком большой калым – под видом свадебных подарков. Вот юноши и уезжают в другие места, привозят себе жен оттуда. А мы?" Но в особенности это касалось горожан – и людей с высшим образованием, и рабочих, т. е. тех, кто живет "на одну зарплату". При этом я не имею ввиду, что сельские жители зарабатывали деньги каким-то

нечестным путем – вовсе нет, но они имели больше возможностей увеличить свой доход и тем самым скопить деньги на уплату калыма. А как же остальные?

Правда, ислам не запрещает мужчинам браки с иноверками при условии, что они примут мусульманство. Но мы уже говорили, что психологически для мужчин предпочтительней браки с девушками, воспитанных в сходных традициях. Это и понятно: чем более существенны межэтнические различия в бытовой поведенческой культуре, тем реже заключаются межнациональные браки.

Восточный мужчина прежде всего хозяин, глава семьи. И это проявляется не только в требовании беспрекословного повиновения женщины, но и в необходимости обеспечивать семью материально, гарантировать ее благополучие. Однако такие негативные явления, получившие распространение в предшествующие годы, как рост цен, инфляционные тенденции, отрицательно влиявшие на благосостояние многих социальных категорий трудящихся, привели к тому, что быть реальным главой семьи для мужчины стало очень сложно – труднее одному прокормить жену и детей, не говоря уже о выплате калыма, размеры которого в силу тех же обстоятельств увеличились.

Отсюда опять-таки уникальное для страны явление – значительно больший, чем в целом по СССР, процент мужских объявлений с целью найти партнершу по браку. Конечно, здесь сказывается не только и даже не столько худшее положение женихов (как раз в целом по стране оно ничем существенно не отличается), сколько наложением социально-психологических факторов – уже упомянутой тенденции мужчин к выполнению реальной роли главы семьи и весьма сильный социальный запрет для женщин проявлять активность в поисках брачного партнера. И невозможность соответствовать традиционному представлению о восточном муже для женихов не стоит недооценивать. ЗНАКОМСТВО. Для того, чтобы вступить в брак, необходимо познакомиться с будущим супругом. Мы уже говорили, что одна из проблем для европейских женихов и невест, желающих вступить в однонациональный брак, узость круга потенциальных брачных партнеров. А как обстоят дела с восточными женихами и невестами? Учитывая, что сельское население в республиках Средней Азии преобладало и имело тенденцию к дальнейшему росту (14) (если во времена царизма 75% узбеков жили в кишлаках и были дехканами, то сегодня этот процент дошел до 80 (15)), а также что оно состояло, в основном из людей восточной национальности и что сельские поселения часто невелики по размеру и жизнь в них происходит на глазах у соседей, то понятно, что основная масса восточных женихов и невест знакомится "по месту жительства", причем не на работе или по месту учебы – мы уже говорили, что восточные девушки редко работали или получали образование, – а именно дома.

Здесь две проблемы: особенно сильная зависимость от мнения родственников и соседей, приводящая к необходимости следовать всем традициям и считаться с предрассудками, даже если они чужды и не нравятся самим молодым, а также ограниченность круга потенциальных брачных партнеров. Особенно трудно жителям тех районов, где родственники запрашивают слишком большой калым – женихи в них предпочитают искать невест "на стороне". В других районах, а

невесты, привязанные к месту жительства, могут так и не найти будущих супругов. С калымом связана еще одна проблема: чтобы деньги не ушли в чужую семью, предпочтительным считался брак между родственниками. Как это сказывается на дальнейшей жизни семьи, мы еще поговорим, а пока отмечу, что тем самым еще более сужался круг потенциальных брачных партнеров.

Конечно, горожанам в этом смысле проще – и население больше, и круг общения шире, и влияние традиций меньше. Но, судя по брачным объявлениям, и у них ситуация сложная – ведь объявления дают в подавляющем большинстве случаев именно горожане.

Кстати, среди тех, кто указал в объявлениях свою специальность – 32 человека из 127 – 15 человек рабочих специальностей. Отмечу, что эта ситуация также не характерна для общесоюзного массива – там доля рабочих значительно ниже, а представителей науки – значительно выше. При том, что доля рабочих среди всего населения среднеазиатского региона отнюдь не высока, эта диспропорция еще более значима.

СВАДЬБА. Разговор о свадьбе в Средней Азии – это прежде всего разговор о калыме. Но мне не хотелось бы на этом останавливаться – такой разговор регулярно велся на страницах печати, вредность этого обычая неоднократно заклеимена, и все, кто в состоянии это понять, уже поняли. Весомых же данных для разговора на научном уровне у меня нет – хорошо зная, что этот обычай "верхами" не одобряется, люди неохотно давали информацию, официальных же, да и к тому же еще и достоверных, данных, видимо, вообще быть не может.

Стоит, может быть, коснуться другого, правда, почти столь же часто упоминаемого в прессе, но все еще не до конца исчерпанного аспекта.

Я имею в виду роль ислама в жизни Средней Азии. Существует позиция, согласно которой во всем дурном и отсталом виноват именно ислам. Ее противники утверждают, что наоборот, все дурное – отступление от ислама, а все хорошее – именно его заслуга. Обе эти позиции не только спорны, но и в определенной мере неправомерны. Речь может идти о другом. Влияние ислама – как положительное, так и отрицательное – несомненно. Однако в связи с чем? За этим стоит вполне понятный социально-психологический феномен: на дворе век не только науки и техники, на дворе век размывания национальных структур.

Мы уже приводили выше данные о соотношении восточных и европейских национальностей в населении Средней Азии – доля последних достаточно велика. Плюс на их стороне средства массовой информации, пропагандирующие преимущественно европейскую культуру, европейский стиль жизни и основанные на европейском образе мышления. А в этой ситуации, как давно уже замечено учеными, национальное самосознание ищет опору прежде всего в религии, особенно когда "противоборствующая" сторона не только атеистична, но и изначально иноверна.

В современном мире цивилизации Востока оказываются перед серьезной проблемой: как лучше заимствовать чужое и в то же время сохранить свое? В этих нелегких поисках страны и народы Востока обычно обращаются к национальной традиции и стоящей за ее спиной

религии. Национально-религиозная традиция для них - защитный панцирь, позволяющий сохранить свое национальное "я", свое этническое лицо, свои нравы и обычаи. С этих позиций роль ислама в Средней Азии понятна, что не снимает с нас обязанности внимательно подходить к существующему психологическому дискомфорту, вызванному разрывом между исламской и европейской традициями.

Но мы все время говорим о восточных и европейских браках. А какова же ситуация с браками межнациональными? Выше уже отмечалось, что мужчины восточной национальности чаще вступали в межнациональные браки. Однако в целом среднеазиатский регион принадлежал к числу тех, где очень низка доля межнациональных браков - менее 11% (16). Кроме того, в эти 11% входят как браки коренной национальности с близкими восточными национальностями, так и восточнославянских и в целом европейских народов между собой. В то же время в Таджикистане, например, таджико-узбекских браков было в два раза больше, чем таджико-русских. Аналогичная ситуация и в Узбекистане (17). Таким образом на долю европейско-восточных браков приходится уж совсем ничтожный процент. В городах доля смешанных браков значительно выше, чем на селе. На заключение межнациональных браков влияет распределение людей по национальности между отраслями и сферами народного хозяйства, расселение в городах, относительный престиж народа. При этом чаще в них вступали рабочие. Интересно, что очень хорошие отношения, по данным опросов, чаще бывают в смешанных браках, однако прочность их несколько ниже (18).

СЕМЬЯ. О тяжелом положении невестки, особенно младшей, в восточной семье уже неоднократно писалось. Здесь остановлюсь только на тех проблемах, которые проистекают не из восточных традиций, а из социально-экономической ситуации.

Республики Средней Азии и Казахстан занимали последние места по производству всех товаров народного потребления (**Приложение 8**). Заметим также, что если в среднем по СССР норма потребления мяса была равна 62 кг в год, то в Узбекистане - 29 кг, в Таджикистане - 31 кг, в Киргизии - 42 кг, в Туркмении - 43 кг и только в Казахстане - 61 кг. Конечно, частично эту ситуацию можно списать на достаточно сильные позиции натурального хозяйства в регионе, которые в целом не стимулировали развитие рынка потребления. Но если в области продовольственных товаров и отчасти товаров легкой промышленности это влияние еще может что-то объяснить, то в плане товаров химической промышленности, электроприборов и т. п. - уже нет.

Последние места занимал регион и по объему платных услуг населению (19). Такое положение, безусловно, усугубляло тяжелую судьбу женщины, еще более закрепощая ее и привязывая к домашнему труду. Не лучше и положение в сфере медицинского обслуживания - регион также занимал последние места по числу врачей на душу населения (20). А это весьма существенно, не только в силу общего роста культуры, приобщения к культуре европейской, но и в силу ситуации, достаточно критической, с генофондом коренного населения региона. В Узбекистане из 1000 новорожденных умирало около 100.

Многие юноши были непригодны к службе в армии. А уровень медобслуживания в кишлаках ниже, чем в странах третьего мира (21).

Особенно трагично положение в Туркмении, где близкородственные браки - очень распространенное явление. "Именно в калым... упираются корни родственного брака. На родственниках женятся, чтобы деньги не ушли в чужие руки, а остались в своей же семье. Малообеспеченные семьи вынуждены женить близких родственников потому, что нет тысяч рублей, которые нужны для уплаты калыма родителям "чужой" невесты. Для "своей" же, родственницы, денег понадобится значительно меньше" (22). Из 164 семей сельсовета Ягтылык 90 - близкородственных. В 71 из них дети умирали в первые же дни или месяцы жизни.

Таким образом в тяжелом положении женщины в Средней Азии виноват не только ислам. Но если все-таки семья не удалась и хватило сил на принятие кардинального решения?

РАЗВОД. Развод как выход из неудачно сложившейся семейной жизни ныне распространен повсеместно. Однако, например, для жителей Узбекистана в рассматриваемый период это не так. 84% узбекского и 63% русского населения городов считали развод недопустимым в случае наличия детей, да и в случае их отсутствия - явлением весьма нежелательным.

Тем не менее разводы все-таки существовали и в среднеазиатском регионе. В этом плане характерно письмо, опубликованное в "Комсомольской правде" 9 февраля 1986 г.: "Плохой женой я себя не считаю. В доме мужа прожила четыре с половиной года. Я работаю, но никогда не отказываюсь трудиться и по дому. Все деньги, зарабатываемые мной и мужем, мы отдали свекрови. Но та была недовольна мной, едва ли не ежедневно устраивала скандалы.

Дело в том, что мы с ней разных национальностей. Я русская, она таджичка. У нас двое детей, я не хочу разводиться с мужем. Но свекровь упрямо разбивает нашу семью только потому, что она хочет женить сына на "своей" крови, на таджичке.

В нашем районе очень много разводов. И многие по одной причине: разные национальности. От свекрови я в конце концов ушла к своей матери. А муж не пошел за мной, остался у своих". Каждый шестой брак, заключенный в Туркмении в 1988 г., распался (**Приложение 9**).

По числу разводов среднеазиатский регион вместе с закавказским занимал последние места, что с одной стороны радует, т. к. может служить свидетельством стабильности семьи в этих регионах. Но это с одной стороны. А с другой - самоожжения, которые зачастую есть следствие столкновения невозможности жить дальше в браке и неприемлемости разводов.

Из числа мужчин, подавших брачные объявления, 12,8% указывают, что они разведены, причем все они - европейцы в возрасте от 35 до 57 лет. Среди женщин 10% указали, что они в разводе, и подавляющее большинство - европейки в возрасте 24 - 39 лет. Соответствующие данные по общесоюзному массиву - 12,5% и 8,3%. Таким образом существенных различий нет. Близка и доля женщин, имеющих детей.

"ВТОРОЙ КРУГ". К людям, проходящим второй жизненный круг, я отношу прежде всего разведенных, вдовых и вообще всех жителей старше 30 лет, не состоящих в браке.

Итак, семья распалась. Какова дальнейшая судьба бывших супругов? Выше уже говорилось, что "рынок" потенциальных брачных партнеров в среднеазиатском регионе весьма узок. А для людей второго жизненного круга - еще меньше. Это особенно сильно влияет на судьбу женщины: ее "привлекательность" как невесты уменьшается, во-первых, предшествующим пребыванием в браке, во-вторых, возрастом, в-третьих, возможным наличием детей.

Конечно, можно уехать в другой регион, где брачная ситуация более благоприятна. Однако именно для Средней Азии и Казахстана характерна чрезвычайно низкая миграционная мобильность: у казахов - 4,6%, киргизов - 2,5%, таджиков - 2,2%, узбеков и туркмен - по 1,4%. Для сравнения отметим, что у русских - 6,7% (23). При этом большую часть мигрантов составляли люди, перемещающиеся в пределах региона. Подобная ситуация связана в первую очередь с плохим знанием русского языка, особенно жительницами сельских районов. Да и вообще жители сельских районов в целом мене подвижны, более привязаны к земле, хозяйству и т. п. А учитывая большой удельный вес сельского населения в Средней Азии и Казахстане и его продолжающийся рост, становится понятной и вся региональная ситуация.

Значит, миграция как выход на второй жизненный круг для данного региона непопулярна. Остается посмотреть, каков же состав людей второго круга по данным брачных объявлений. Конечно, нужно учитывать, что массив брачных объявлений не репрезентативен для всей совокупности людей второго круга - к этому способу решения проблем люди обращаются, уже исчерпав все остальные возможности. Но некоторую информацию к размышлению может дать и он, особенно в сравнении с общесоюзным массивом.

При анализе таблицы (**Приложение 10**) необходимо иметь в виду, что брачное объявление произвольно по составу: автор фиксирует те или иные признаки по собственному желанию. Поэтому тот факт, что наличие детей указали 24,7 % среднеазиатских женщин, отнюдь не означает, что у остальных детей нет. Единственный, на мой взгляд, корректный аспект интерпретации - оценка значимости данного параметра для подателя объявления. Еще более условно соотношение фиксации наличия или отсутствия жилищных и материальных условий с реальной ситуацией - этот признак оценивается весьма субъективно.

Внимание привлекают прежде всего следующие моменты: значительно большая доля женщин, не состоявших ранее в браке, по стране и столь же значительно меньшая - по среднеазиатскому региону. Второй момент - наличие жилищных условий: если в общесоюзном массиве мужчины и женщины по этому параметру сопоставимы, то в среднеазиатском положение женщин почти втрое лучше. А материально обеспеченными считают себя почти вчетверо больше женщин, чем мужчин.

К сожалению, у меня нет возможности показать данные только для людей второго круга по общесоюзному массиву, но данные по среднеазиатскому региону - см. **Приложение 11**.

В качестве дополнительной информации предложим возрастное распределение людей второго круга по рассмотренным выше признакам. Поскольку число объявлений для каждой возрастной группы, особенно при различии мужчин и женщин, слишком мало для корректной статистики, данные приведены в конкретных цифрах. В силу этого же обстоятельства я поостерегусь делать какие-либо глобальные выводы или предлагать сильные интерпретации.

Отмечу лишь, что 30 - 40 лет для женщины - возраст максимальной стабильности и в то же время достижения жилищной и материальной обеспеченности. Но это же и возраст, в котором женщина еще достаточно жестко связана наличием детей, которые не просто усложняют ее быт, затрудняют переезд и т. д., но и являются достаточно весомым "недостатком" на "брачном рынке", который уравнивает ситуацию.

Подведем некоторые итоги. Беглый обзор брачно-семейной ситуации в Средней Азии и Казахстане приводит к выводу о ее неблагополучности. Причем эта неблагополучность заключалась как в социально-бытовых проблемах, так и в национальных. Особую роль играет "агрессия" западной культуры, активизирующая, против своей воли, исламские черты культуры коренного населения. Социально-психологическая напряженность, психологический дискомфорт личности в этой ситуации с неизбежностью приводит на практике к различным эксцессам, от всплесков религиозного фанатизма и национализма до самоубийств и прочих актов отчаянья.

1. О. Р. Квирквелия. Моделирование в изучении иерархии...
2. Р. Г. Скрынников. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987, с. 55 - 56
3. Т. Смит. Путешествие сэра Т. Смита. Спб., 1893, с. 78
4. Р. Г. Скрынников. Ук. соч., с. 100
5. И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, с. 107
6. В. А. Гайдис, С. С. Раппопорт, Д. П. Турайките. Брачные объявления: некоторые результаты эксперимента журнала "Шейма". - Социологические исследования, 1985, № 4; Они же. Объект анализа - письма участников эксперимента в редакцию журнала "Шейма". - Социологические исследования, 1986, № 1
7. Дружба народов, 1989, № 5, с. 182
8. А. А. Сусоколов. Межнациональные браки в СССР. М., 1987
9. Ю. Кузьмина. Сквозь пламя. - Наука и религия, 1988, № 12
10. Е. Приходько. Живые факелы. - Сов. культура, 09.08.88
11. А. А. Сусоколов. Ук. соч., с. 89
12. Е. Приходько. Ук. соч.
13. Наука и религия, 1988, № 12, с. 25
14. Население СССР за 70 лет. М., 1988, с. 48
15. Земля, экономика, перестройка. - Лит. газета, 25.01.89
16. А. А. Сусоколов. Ук. соч., с. 42
17. Там же, с. 46 - 47
18. В. Переведенцев. В графе "национальность". - Смена, 1988, № 21
19. СССР в цифрах в 1987 году. М., 1988, с. 226
20. Там же, с. 271

21. Лит. газета, 25.01.89

22. Е. Митяева. Замуж за... брата. - Комсомольская правда,
19.04.88

23. А. А. Сусоколов. Ук. соч., с. 85